Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 1 · 2017 · ЯНВАРЬ–МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

Meliantsev V.A. A Few Remarks on Recent Trends and Factors of LDCS' Macroeconomic and Social Performance 3

История

Панченко К.А. К истории христианско-мусульманских отношений при мамлюках-бурджитах 18

Sahakyan Mher. China's Policy on the DPRK's Nuclear Issue: Cooperation and Disagreements with the US and Russia 39

Чедия А.Р. Тарихи как источник по истории османских владений на Западном Кавказе 56

Спектор И.Б. Политическая жизнь Дели: истоки формирования антиконгрессистской оппозиции в независимой Индии 70

Панова О.С. Сочинение «Оценки прославленных художников эпохи Сун» и его место в китайской знаточеской традиции 82

Скосырев В.А. Восприятие концепции демократии современными китайскими мыслителями 94

Критика и библиография

Стремовская А.Л. Кутовой Е.Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.; СПб.: Нестор-История, 2016 . . . 110

CONTENTS

Economics

Meliantsev V.A. A Few Remarks on Recent Trends and Factors of LDCS' Macroeconomic and Social Performance 3

History

Panchenko K.A. Some Aspects of the History of the Christian-Muslim Relations in the Circassian Mamluk State 18
Sahakyan Mher. China's Policy on the DPRK's Nuclear Issue: Cooperation and Disagreements with the US and Russia 39
Chediya A.R. Tarikhs as Sources on the History of the Ottoman Possessions in the Western Caucasus 56
Spektor I.B. The Political Life in Dehli: The Origins of the Anti-Congress Opposition in the Independent India 70
Panova O.S. "Evaluations of Song Dynasty Painters of Renown" and its Place in the Chinese Connoisseur Tradition 82
Skosyrev V.A. How Modern Chinese Political Thinkers View Democracy 94

Review Articles

Stremovskaya A.L. K u t o v o y E. G. International Negotiations at the Crossroads of Civilizations: Book Review 110

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2017

ЭКОНОМИКА

Vitali A. Meliantsev

A FEW REMARKS ON RECENT TRENDS AND FACTORS OF LDCS' MACROECONOMIC AND SOCIAL PERFORMANCE

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

This paper, which is based on a series of author's calculations and models, analyzes current situation, trends, factors and major determinants of Least Developed Countries' (LDCs') economic development during the last three to four decades. It is argued that despite many acute problems that they do not cease to face, several dozens of LDCs have recently started to progress on the path of rather fast and more or less sustained economic growth.

Although LDCs are still grappling with severe forms of multidimensional poverty, substantial dearth of human capital and modern infrastructure, adequate economic, social, political and legal institutions, and encounter considerable foreign economic and climatic shocks, they *on average* during the last decade and a half managed to have markedly increased their rates of growth of per capita GDP and human development index.

It should be underscored that LDCs having benefitted from significant improvement of barter terms of foreign trade, some upgrade in government effectiveness and implementation of a series of pragmatic economic reforms, have succeeded in expanding rates of growth of agricultural and manufacturing production and exports. The level of their gross capital formation has by and large considerably risen due to significant enlargement of the share of domestic savings related to GDP, FDI inflows and workers' remittances. It would be incorrect to overemphasize the progress achieved by approximately three dozen LDCs (as the basis of their growth remains shaky), but, nevertheless, they have demonstrated noticeable improvement in dynamics of their investment efficiency and productivity growth.

Key words: Least Developed Countries (LDCs), poverty, backwardness, determinants of economic growth, total factor productivity, quality of institutions.

Vitali A. Meliantsev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of International Economics, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Member of the Committee for Development Policy of the Economic and Social Council of the United Nations (e-mail: vamel@iaas.msu.ru).

1. Although (a) many LDCs' *macroeconomic figures* represent, frankly speaking, no more than *rough measures of magnitude*[1]*, and (b) this group of countries, on some criteria, (e.g., coefficient of variation of per capita GDP in PPPs), is* considerably *less homogeneous* than the Advanced Economies (AEs) and other developing countries (ODCs, 3.4 and 1.4 times respectively)[2], efforts directed towards thorough examination (and reassessment) of general and specific trends, policies and factors of economic and social development of the group of the poorest and most vulnerable countries of the world[3] should be, beyond any doubt, enhanced and intensified.

2. Given the fact, that the group of LDCs, consisting of four dozen countries, which surpasses 1/5 of their total number in the world and nears 1/4 of the UN member states and accounts for approximately 1/8 of the world population, does not exceed (in 2015) 2.1% of the world GDP (in PPPs) and 1% of global exports, they (LDCs) by per capita GDP and per capita exports lag substantially not only behind the AEs (18 and 57 times respectively), but behind the group of ODCs as well – 4.7 and 6.5 times (see Figure 1)[4].

3. Relative and deep backwardness of many LDCs was brought about by many factors, among them – acute dearth of physical and human capital, lack of adequate institutions, rational reforms, sound and persistent economic policies, prevalence of rent-seeking activities, pursued primarily by elite groups in many LDCs and frequent waves of political instability. The retardation of LDCs not only with regard to AEs, but to ODCs was steadily increasing during a long period of time.

4. According to available data, before the turn of the 21st century LDCs' average annual growth rate (AAGR) of per capita GDP (PCGDP)

---

[1] In LDCs value added, presumably created in the *informal economy,* related to GNI is approximately twice as much (2/5, 35% in Bangladesh, 39% in Ethiopia, 56% in Tanzania) as on average in Other Developing Countries (ODCs, 1/5; e.g., 22% in India, 19% in Indonesia, 13% in China). See: Schneider, Friedrich. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *IZA Discussion Paper* No. 6423. March 2012. URL: http://ftp.iza.org/dp6423.pdf (Accessed 07.07.2016). P. 61–64.

[2] See: Alonso, José Antonio, Ana Luiza Cortez and Stephan Klasen (2015). LDC and Other Country Groupings: How Useful Are Current Approaches to Classify Countries in a More Heterogeneous Developing World? In José Antonio Alonso and José Antonio Ocampo (eds.), *Global Governance and Rules for the Post–2015 Era. Addressing Emerging Issues in the Global Environment.* London: Bloomsbury Publishing. P. 351.

[3] See, for example, a series of UNCTAD. The Least Developed Countries Reports. 1995–2016. New York – Geneva; CDP and UN DESA (2015). Handbook on the Least Developed Country Category. New York.

[4] Unless otherwise stated, all calculations are made on the data derived from the UNCTAD, the World Bank and IMF.

was on the whole abysmally poor and considerably lower than on average in ODCs and in AEs: in 1970s respectively (-)0.7%; 3.6; 2.6%; in 1980s (-)0.3%; 1.4; 2.5%; in 1990s 0.7%; 3.3; 1.9% (see Table 1).

Figure 1

LDCs and ODCs, 1970–2015: Dynamics of GDP per capita, $, in 2015 PPPs

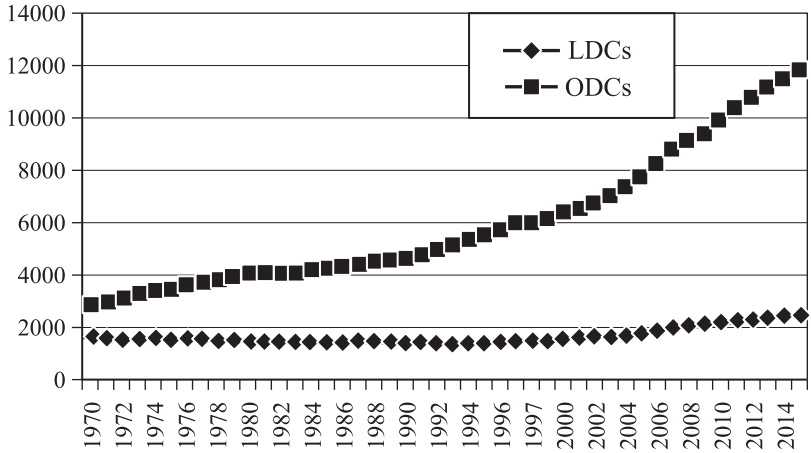


Table 1

Average Annual Growth Rates of Per Capita GDP, %

	1970s	1980s	1990s	2000–2015
LDCs	–0.7	–0.3	0.7	3.2
ODCs	3.6	1.4	3.3	4.1
AEs	2.6	2.5	1.9	0.9

Calculated on the data from: World DataBank. URL: http://databank.worldbank.org; IMF Data. URL: http://www.imf.org/external/data.htm; UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org

5. In 2000–2015 the situation for a large number of LDCs has significantly changed for the better – due to changes in external conditions, increase in foreign demand, some improvements in governance and investment climate. *The share of LDCs with negative AAGR of PCGDP halved from approximately ½ in 1970–2000 to ¼ in 2000–2015.* And AAGR for the group has more than quadrupled – from 0.7% in 1990s to 3.2% in 2000–2015. As a result, during the first 1.5 decades of this century this indicator for LDCs outstripped that for the AEs (0.9%) 3.5 times, and

became much closer to the average for ODCs (4.1%), which is massively propelled forward by Chinese growth.

6. However, it is worth being underscored that the level of LDCs' PCGDP related to ODCs decreased from 56% in 1970 to 37% in 1980, 31% in 1990, 24% in 2000 and 21% in 2015. It turned out that the *relative gap in PCGDP (in PPPs) between LDCs and ODCs (nearly 5 times) is now greater than between the latter and the average for AEs (3.8 times).*

7. It is not easy to pin down the exact factors that have recently caused some acceleration in economic growth in nearly three dozen LDCs. However, one may start off with a simple pilot model (see below)[5]. Tentative conclusions are as follows. According to calculations, *comparatively faster per capita GDP growth* achieved during 2000–2014(2015) within a group of 28 LDCs (which account for more than 90% of their population), was due by 1/3 and 1/5 to faster growth of agricultural value added and exports (respectively), and approximately by ¼ – to improvement in government effectiveness[6].

$$\mathbf{GDPPERCAPGR_i = 0.59{*}AGRGR_i + 0.12{*}EXPGR_i + 2.86{*}\Delta GOVEFF_i}$$

$$\mathbf{(p=0.000)\ (p=0.007)\ (p=0.001)}$$

$$\mathbf{AdjR^2 = 0.83.\ N = 28.\ T = 2000–2014(2015).}$$

$GDPPERCAPGR_i$, $AGRGR_i$, $EXPGR_i$, $\Delta GOVEFF_i$ – denote respectively average annual compound growth rates of per capita GDP, agricultural value added, exports of goods and services and improvement in government effectiveness calculated for 28 LDCs with population exceeding 5 million people for which necessary and relatively reliable data was available for 2000–2014(2015). 28 countries are as follows: Afghanistan, Angola, Bangladesh, Benin, Burkina Faso, Burundi, Cambodia, Central African Republic, Democratic Republic of the Congo, Eritrea, Ethiopia, Guinea, Lao People's Democratic Republic, Madagascar, Malawi, Mali, Mozambique, Myanmar, Nepal, Rwanda, Senegal, Sierra Leone, Sudan, Togo, Uganda, United Republic of Tanzania, Yemen, Zambia.

Calculated on the data from: World DataBank. URL: http://databank.worldbank.org; IMF Data. URL: http://www.imf.org/external/data.htm; UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org; Worldwide Governance Indicators. URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports

---

[5] Bearing in mind a good saying of British statistician George Box, that "all models are wrong, but some are (let us hope, -V.M.) useful".

[6] 1/5 of the effect can be attributed to other (non-identified) factors.

8. Elaborating on some of the above-mentioned theses, one may point out, that, for example, more energetic efforts devoted to *agricultural development*[7] *in a number of LDCs resulted in a substantial rise of AAGR of cereal yields in LDCs: on average from 0.9% in 1980–2000 to 1.6% in 2000–2014. Yields increased from 13.3 metric centners of kgs/ha in 1980 to 16 in 2000 and 20 in 2014*[8]*. However, the gap remains huge, not only compared to, e.g., the USA (76 metric centners of kgs/ha), PRC (59), but also to Indonesia (51) and India (30 metric centners of kgs/ha)*[9].

9. *There came about as well a breakthrough in dynamics of LDCs' exports*. According to the available data, in 2000–2014 the AAGR of LDCs volume of (merchandise) exports LDCs (5.5%), having on the whole surpassed the AEs (2.5 times), nearly reached the figure for ODCs (6.3%). And it is important to underscore that, in contrast to ODCs, in which net barter terms of trade nearly stagnated, in LDCs they were progressing on average by 2.5 to 3.5% annually. This considerably enhanced dynamics of *purchasing power of their exports* and, on my calculations, resulted in increase of AAGR of PCGDP by nearly 0.7 percentage points, or by 1/5[10].

10. But, highlighting this and some other encouraging aspects of LDCs' recent achievements, it is useful to bear in mind that they are growing from the low start/level and lots of things indicate *their serious vulnerability*. Index of exports concentration for the LDCs in 2000–2014 has increased from 0.330 to 0.362, which thus has become 3 and 5.5 times greater than on average in ODCs and AEs respectively. In 1980–2014 the share of manufactures in merchandise exports of ODCs has on average drastically changed, having surged from 37 to 61% (in AEs it amounts to 3/4). Meanwhile in LDCs this indicator moved only from ¼ to 1/3[11].

11. An improvement in growth dynamics for a not a small number of LDCs in the 21st century was caused not only by *substantial amounts of Official Development Assistance* (ODA; which, related to GNI, has been

---

[7] It is worth being mentioned that the LDCs' average share of agriculture in total employment and GDP in 2014/2015 exceeded that for ODCs 1.5 and 3 times and amounted to 2/3 and 1/4 respectively (See: Total labour force and agriculture labour force, annual, 1980–2020. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=94.; Agriculture, value added (% of GDP). URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators. Accessed 07.10.2016. See also: UNCTAD (2015). The Least Developed Countries Report. Transforming the Rural Economies. Geneva.

[8] This indicator rose in Bangladesh, Myanmar and Ethiopia – from 20 to 31 and 44; 26, 31, 37; (12), 11, 23 metric centners of kgs/ha respectively.

[9] URL: http://faostat3.fao.org/compare/E. Accessed 07.10.2016.

[10] Calculated on the data from: UNCTAD (2015). Handbook of Statistics, 2015. New York. P. 200, 206, 224.

[11] Source: UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org

Figure 2

LDCs: Net ODA received (% of GNI)

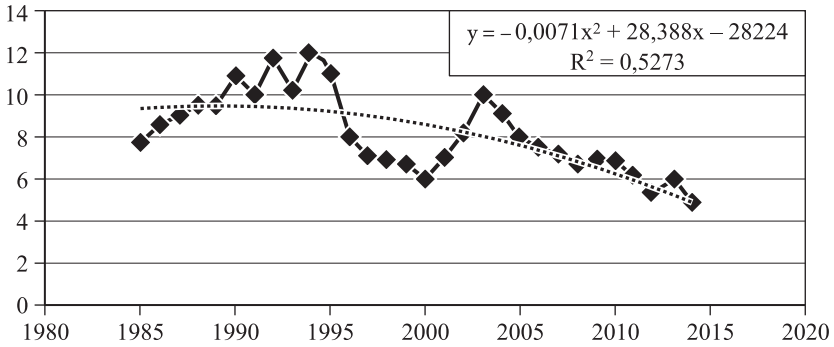


Figure 3

LDCs: Foreign direct investment, net inflows (% of GDP)

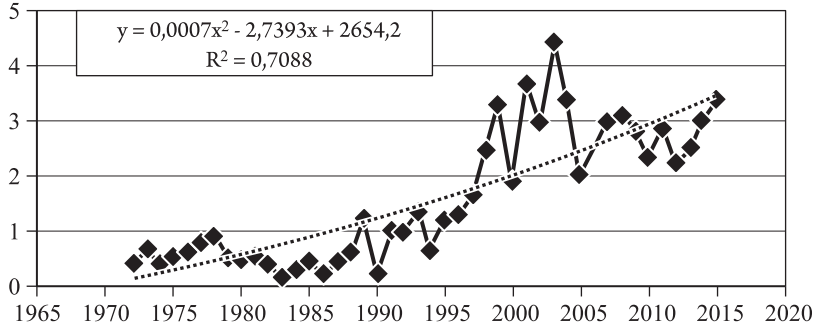
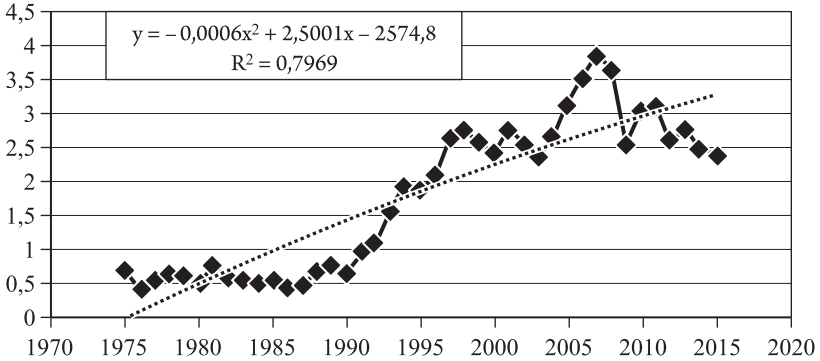


Figure 4

DCs: Foreign direct investment, net inflows (% of GDP)



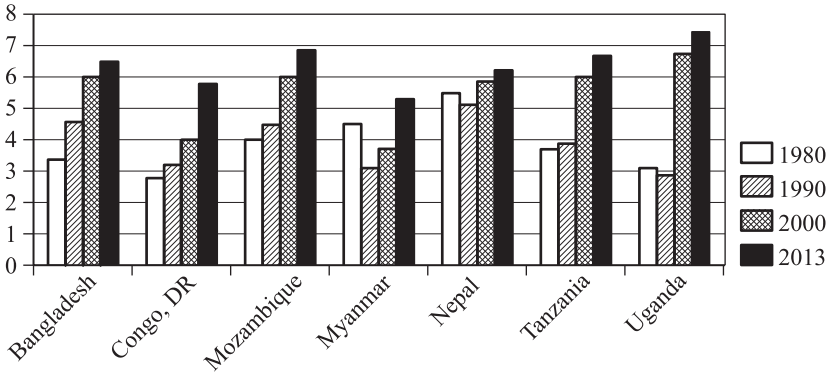
Note. DCs – developing countries. LDCs – least developed countries.
Sources for Figures 2–4: UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org

actually declining, see Figure 2), but also *brought about by (or associated with) the rise in Foreign Direct Investment (FDI) inflows*, which signifies that LDCs, or some part of them, turned out to be attractive and, according to some criteria, efficient. Related to GDP this indicator for LDCs has been, on the whole, rising no less strikingly than on average for developing countries (DCs, see Figure 3 and 4).

12. Because of the dearth of reliable information much remains to be done in investigating very important issues dealing with research on *efficient governance*. However, available data on seven relatively large LDCs, which total half of their population, reveals that these countries have *started to pursue more or less sound economic policies* (Figure 5). And it looks to be that it brought some valuable results[12].

Figure 5

LDCs: Chain-Linked Economic Freedom Rankings



Notes. Index ranges from 0 (worst) to 10 (best).

Source: Fraser Institute. Economic Freedom of the World, 2015. Vancouver, B.C., 2015. P. 17–20.

13. If *investment ratio* in ODCs rose on average by 4 percentage points from 24 % of GDP in 1980–2000 to 28% in 2000–2015, or by 1/6, in LDCs this indicator increased by 7 p.p., or by 2/5 (see Table 2). Compared to ODCs and AEs, LDCs' *incremental capital output ratio (ICOR)* has on average decreased substantially. And acceleration of LDCs' economic growth was by ½ caused by the *improvement of investment efficiency* (in ODCs – only by 2/5)[13].

---

[12] See: Radelet S. Africa's Rise – Interrupted? In *Finance and Development*. 2016, vol. 53, N 2. P. 7–8.

[13] Calculated using the following formula: $\mathbf{ln\ (y_j/y_i) = ln\ [(m_j/m_i)*(f_j/f_i)]}$, where **y, m, f** denote average annual growth rate of GDP, investment ratio and their efficiency for the former **(i)** and latter **(j)** periods respectively.

Table 2

LDCs, ODCs and AEs, 1980–2015: Average GDP Growth Rates (y), %, Investment Ratios (m), %, Incremental Capital Output Ratios (ICOR) and Investment Efficiency (f)

	1981–2000				2001–2015			
	y	m	ICOR	f	y	m	ICOR	f
LDCs	2.8	16	5.7	0.18	5.7	23	4.0	0.25
ODCs	4.1	24	5.9	0.17	5.3	28	5.3	0.19
AEs	3.0	23	7.7	0.13	1.6	21	13.1	0.08

Notes. 1. LDCs denote least developing countries, ODCs – other developing countries, AEs – advanced economies. 2. Investment ratio (m) is the ratio of the value of Gross Fixed Capital Formation to the value of GDP, %. 3. ICOR = m/y, times. 4. f = y/m, times.

Calculated on the data from: World DataBank. URL: http://databank.worldbank.org; IMF Data. URL: http://www.imf.org/external/data.htm; UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org

14. It is, however, useful to make one correction. Given that, according to estimates, the *investment ratio, measured in PPPs* (or, so to say, in real terms) is on average in ODCs and LDCs less than that in nominal terms approximately by 1/10 and 1/4 respectively[14], the latter (LDCs), first, are still lagging behind the former more significantly (not by 5 p.p., but by 8 p.p.). It implies, that if LDCs really want to embark on modern and steady economic growth, *their productive capacities* should be much more substantially enlarged by means of increasing physical (and, of course, human) capital investment ratios. Second, and that is more flattering to LDCs, the above-mentioned correction allows to say that, compared to ODCs, *LDCs' investment efficiency in 2000–2015 turned to be higher than on average in ODCs not by 1/3, but by one half* (although that, to some extent, stemmed from the comparative advantage of 'low start level'). In other words, the 'price' of their economic growth, i.e. ICOR, is currently (a little bit more than 3) one of the cheapest in the world, which can invigorate capital formation and attract increasing amounts of domestic and foreign direct investment to the real sector of their economies.

[14] Estimates are based on the following figures. According to data from the 2011 International Comparison Program, the simple average of gross fixed capital formation, related to GDP, in PPPs (in 'real terms') and in nominal terms for the three most populous LDCs made up 19.9 and 25.9% respectively (in Bangladesh 24.0 and 28.3%, in Congo D.R. 18.2 and 23.6%, in Ethiopia 17.5 and 25.9%). For the three most populous ODCs the corresponding figures were equal to 32.9 and 36.2% (in 2011 this indicator amounted to 42.4 and 45.6% of GDP for the PRC, 24.7 and 30.9% for India and 31.6 and 32.0% for Indonesia). See: The World Bank. Purchasing Power Parities and the Real Size of World Economies. A Comprehensive Report of the 2011International Comparison Program. Washington, D.C., 2015. P. 42–73.

Table 3

LDCs, ODCs and AEs, 1980–2015: Sources of GDP Growth, %

	1981–2000				2001–2015			
	y	l	k	r	y	l	k	r
LDCs	2.8	2.4	4.8	–0.4	5.7	2.2	6.3	2.1
ODCs	4.1	1.9	5.8	0.8	5.3	1.5	7.0	1.9
AEs	3.0	0.3	3.4	1.6	1.6	0.15	2.2	0.7

Notes. 1. Calculated by applying the following formula: $y = \alpha*l + (1-\alpha)*k + r$, where y, l, k and r denote average annual growth rates of GDP, employment (corrected by using estimates of work hours), physical capital (gauged by applying R. Goldsmith's perpetual inventory method), and Solow residual. 2. The elasticities of GDP growth with respect to dynamics of labor (α) and physical capital (1-α) are taken in proportion of 0.65 to 0.35 (following various studies).

Data Sources: World DataBank. URL: http://databank.worldbank.org; IMF Data. URL: http://www.imf.org/external/data.htm; UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org; OECD. StatExtracts. URL: http://stats.oecd.org; ILO. Global Employment Trends, 2014. Geneva, 2014. P. 36, 96.

15. A growth accounting model, presented in Table 3, shows that after a period of really dismal economic growth in LDCs in the last two to three decades before the turn of the century (see above), there on the whole occurred a substantial acceleration of their GDP dynamics, which was driven not so much by the increase in growth rates of inputs (including physical capital), but by considerable surge in total factor productivity (TFP) growth rates (from (–)0.4 to 2.1 p.p.)[15]. The same conclusion is in principal true with respect to ODCs, with only one difference, that they *on the whole* had performed much better, than LDCs, in 1980–2000[16].

16. Although LDCs as well as ODCs have on average succeeded in acceleration of their TFP growth rates and in *increase of its contribution to GDP growth* (in ODCs on average from 1/5 to 1/3, and in LDCs – from (-) 1/7 to 1/3), they did not reach AEs by the parameter of total productivity growth contribution to overall growth (exceeding 2/5 as a minimum).

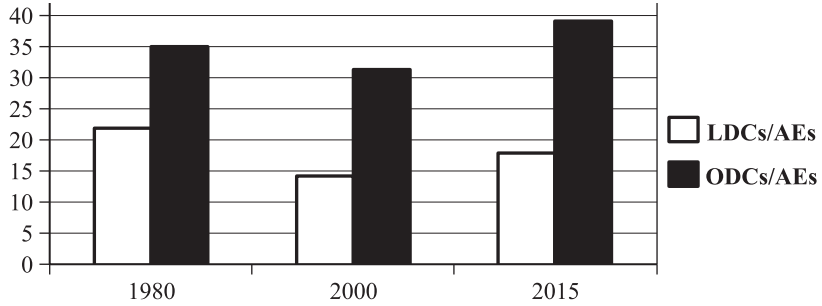
[15] It is worth pointing out, that due to the fact that average annual compound rate of growth of the accumulated sum of absolute values of shifts in sectoral proportions of labor in LDCs (0.6% in 1980–2000 and 0.9% in 2000–2015), which barely amounts to 2/3 of the corresponding figure for the ODCs (1.2%), the contribution of inter-sectoral reallocation of labor to TFP growth in the former (in 2000–2015 ~ 1/3) is substantially lower than on average for the ODCs (it exceeds 2/5). Calculated on the data from sources of the Table 3, and V. Meliantsev Analysis of Major Trends of Global Economic Growth. Moscow, 2013. P. 16–18; UNCTAD. The Least Developed Countries Report, 2013. Geneva, 2013. P. 54.

[16] This general trend was primarily generated by a hefty contribution of Developing Asia. Economic Dynamics of Latin America, Middle East and Africa South of Sahara was substantially lower.

Moreover, despite some progress, achieved by DCs in 2000–2015, their *levels of TFP,* especially in LDCs, are very far from the records of AEs (see Figure 6), which after a period of significant slowdown in economic dynamics, seem to be about to launch a new phase/wave in scientific and technological upgrade (based on robotics, info- and biotechnologies).

Figure 6

LDCs and ODCs: Dynamics of Relative Levels of Total Factor Productivity, % (100=the average for the AEs)



Notes. Calculated according to the following formula: $\mathbf{TFP_i/TFP_j = (Y_i / (L_i^{0.65} * K_i^{0.35}))/(Y_j / (L_j^{0.65} * K_j^{0.35}))}$, где $\mathbf{TFP_i}$ и $\mathbf{TFP_j}$, $\mathbf{Y_i}$ и $\mathbf{Y_j}$, $\mathbf{L_i}$ и $\mathbf{L_j}$, $\mathbf{K_i}$ и $\mathbf{K_j}$ – denote respectively average levels of Total Factor Productivity, volumes of Employment and Capital Stocks for the groups of LDCs or ODCs and AEs.

Data sources: the same as in Table 3.

17. Summing up these short remarks, it is useful to underscore that during the last one and a half decades a number of LDCs started to step on the path of Modern Economic Growth. However, *the basis for that is so far very shaky*[17].

18. LDCs' average for the two important indices of Human Capital, related to ODCs (see Table 4), has progressed from 67% in 1980 to 75% in 2000 and 80% in 2015. But it is worth mentioning that for LDCs on the whole *the share of the adult population with at least some secondary education* is approximately 1/5[18], while in ODCs it amounts to 56% (in AES approaches 9/10)[19]. At the beginning of 2010s *percent of adults 25+*

[17] Average growth rate of GDP for LDCs has declined by more than 1/4, from 6.7% in 2007–2010 to 4.8% in 2011–2015. On per capita basis, it contracted by more than 2/5 – from 4.3 to 2.3 or 2.4%. See: UN (2016). World Economic Situation and Prospects, 2016. New York. P. 171; IMF (2016, April). World Economic Outlook. Washington, D.C. P. 172–174; World Bank (2016, June). Global Economic Prospects. Washington, D.C. P. 171–172.

[18] For Chad, Burkina Faso and Burundi this figure ranges from 2 to 7%.

[19] See: The UNDP. Human Development Report, 2015. New York, 2015. P. 245.

with complete tertiary education in LDCs (on average 2%) was less than in ODCs 3 to 4 times and 10 to 12 less than on average in AEs[20].

Table 4

LDCs and ODCs, 1980–2015: Dynamics of Comparative Levels of Life Expectancy at Birth (LEB, years) and Adult Literacy (LIT, %)

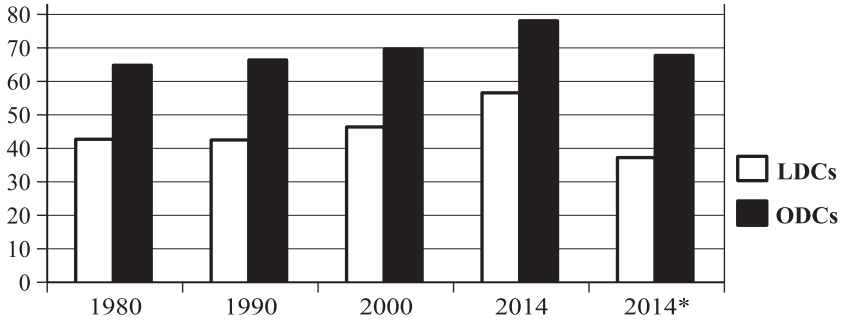
	1980		2000		2015	
	LEB	LIT	LEB	LIT	LEB	LIT
LDCs	48	38	56	54	64	63
ODCs	62	65	67	80	72	87

Sources: the same as in Table 3.

19. By levels of HDI, ODCs, and especially LDCs in 2000–2015 started to catch up more rapidly than earlier with AEs (see Figure 7). But if one factors in technological dimension of development (e.g., internet users per 100 people[21]), it becomes obvious that the absolute and relative gap of ODCs and particular LDCs with regard to AEs remains huge. The share of those *who live in dire poverty* in LDCs is 4 to 5 times higher than on average in more well to do ODCs.

Figure 7

LDCs and ODCs, 1980–2014: Dynamics of Relative Ordinary and Augmented HDI, % (100=Average for the AEs)



Note. 1. Relative Ordinary Human Development Index (HDI) is computed by dividing DCs' HDI by the average of AEs' HDI. 2. For 2014* Augmented Human Development Index is calculated according to the following formula: $(HDI_i/HDI_j)^{0.75}*(INT_i/INT_j)^{0.25}$, where INT is internet users per 100 people for LDCs or ODCs (i) and AEs (j).

Calculated on the data from: UNDP. Human Development Report, 2011. P. 134; 2014. P. 167; 2015. P. 215.

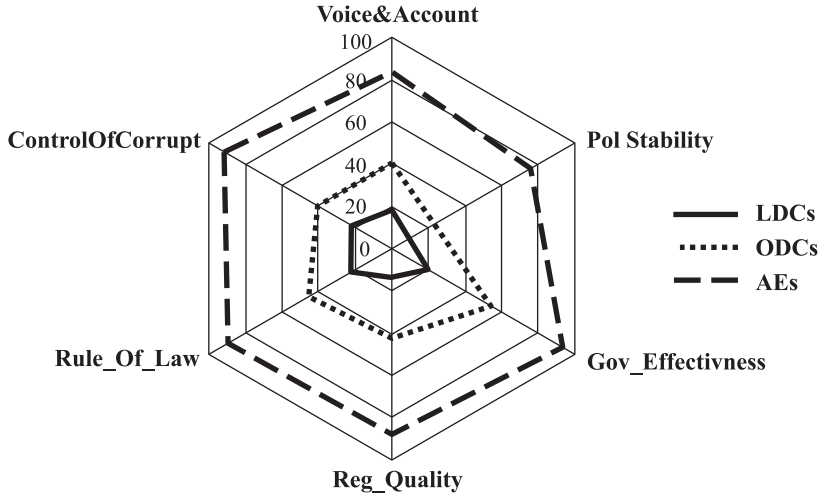
[20] See: The World Bank. World Development Report, 2014. Washington, D.C. 2015. P. 304–305.

[21] In 2014 internet users per 100 people was on average equal to 78 in AEs, 36 in ODCs and only 8 to 9 in LDCs.

20. And the last remark. Data on *governance indicators* from Figure 8 reveals that developing countries, ODCs and, in particular, LDCs, differ from more advanced economies not so much by the level and quality of economic institutions, etc. as by *political instability*[22]*, the substantial reduction of which was, is and should be the first among paramount tasks of the effective governments in developing and developed countries in our turbulent world.*

Figure 8

LDCs, ODCs, AEs, 2014: Levels of Governance Indicators (0=>100, from worse to best)



Notes. For each of the three groups simple averages for the three most populous countries were calculated.

Source: Worldwide Governance Indicators. URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports

REFERENCES

1. Alonso, José Antonio, Ana Luiza Cortez and Stephan Klasen (2015). LDC and Other Country Groupings: How Useful are Current Approaches to Classify Countries in a More Heterogeneous Developing World? In José Antonio Alonso and José Antonio Ocampo (eds.), *Global Governance and Rules for the Post–2015 Era. Addressing Emerging Issues in the Global Environment.* London: Bloomsbury Publishing.

[22] See G. A. Cornia and A. Scognamillo. Clusters of Least Developed Countries, Their Evolution between 1993 and 2013, and Policies to Expand Their Productive Capacities. *CDP Background Paper* No.33. ST/ESA/2016/CDP/33. P. 21. It reminds us of Adam Smith's famous saying that, "little else is requisite to carry a state to the highest degree of opulence from the lowest barbarism, but peace, easy taxes, and a tolerable administration of justice".

2. CDP and UN DESA (2015). Handbook on the Least Developed Country Category. New York.
3. Cornia, Giovanni Andrea. and Antonio Scognamillo (2016). Clusters of Least Developed Countries, Their Evolution between 1993 and 2013, and Policies to Expand Their Productive Capacities. *CDP Background Paper* No.33. ST/ESA/2016/CDP/33.
4. Fraser Institute (2015). Economic Freedom of the World, 2015. Vancouver, B.C.
5. ILO (2014). Global Employment Trends, 2014. Geneva.
6. IMF Data. URL: http://www.imf.org/external/data.htm
7. IMF (2016, April). World Economic Outlook. Washington, D.C.
8. Meliantsev, Vitalii (2013). Analysis of Major Trends of Global Economic Growth. Moscow: Moscow State University.
9. OECD.StatExtracts. URL: http://stats.oecd.org
10. Radelet, Steven. Africa's Rise – Interrupted? In *Finance and Development*. 2016, vol. 53, N 2.
11. Schneider, Friedrich. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *IZA Discussion Paper* No. 6423. March 2012. URL: http://ftp.iza.org/dp6423.pdf
12. UN (2016). World Economic Situation and Prospects, 2016. New York.
13. UNCTAD (2015). Handbook of Statistics, 2015. New York.
14. UNCTAD (2013). The Least Developed Countries Report, 2013. Growth with Employment for Inclusive and Sustainable Development. Geneva.
15. UNCTAD (2015). The Least Developed Countries Report, 2015. Transforming the Rural Economies. Geneva.
16. UNCTAD (2016). The Least Developed Countries Report, 2016. The Path to Graduation and Beyond. Geneva.
17. UNCTADstat. URL: http://unctadstat.unctad.org
18. UNDP (2011). Human Development Report, 2011. New York.
19. UNDP (2014). Human Development Report, 2014. New York.
20. UNDP (2015). Human Development Report, 2015. New York.
21. The World Bank (2016, June). Global Economic Prospects. Washington, D.C.
22. The World Bank (2015). Purchasing Power Parities and the Real Size of World Economies. A Comprehensive Report of the 2011 International Comparison Program. Washington, D.C., 2015.
23. The World Bank (2016). World Development Indicators, 2016. Washington, D.C.
24. The World Bank (2014). World Development Report, 2015. Washington, D.C.
25. The World Bank. Worldwide Governance Indicators. URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports
26. World DataBank. URL: http://databank.worldbank.org

В.А. Мельянцев

НЕСКОЛЬКО РЕМАРОК О СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДАХ И ФАКТОРАХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАИМЕНЕЕ РАЗВИТЫХ СТРАН

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье, построенной на ряде расчетов и моделей, анализируются важнейшие тренды, факторы и детерминанты экономического развития наименее развитых стран (НРС) в последние три-четыре десятилетия. Показано, что, несмотря на острые социально-экономические проблемы, которые переживают НРС, несколько десятков из них в последнее время стали достаточно активно продвигаться вперед по пути сравнительно быстрого экономического роста.

Хотя НРС все еще страдают от острых форм проявления многомерной бедности, существенной нехватки человеческого капитала и современной инфраструктуры, адекватных экономических, социальных, политических и правовых институтов и сталкиваются с серьезными внешнеэкономическими и климатическими шоками, они в целом в течение последних полуторадесятилетий сумели заметно повысить средний темп прироста подушевого ВВП и индекса человеческого развития.

Следует подчеркнуть, что НРС, выигравшие от значительного улучшения бартерных условий внешней торговли, некоторого повышения уровня эффективности работы государства и осуществления серии прагматичных экономических реформ, сумели увеличить темпы прироста сельскохозяйственного и промышленного производства, а также экспорта. Показатели нормы их капиталовложений в целом существенно выросли вследствие значительного увеличения доли сбережений в ВВП, притока прямых иностранных инвестиций и денежных переводов их сограждан, работающих за границей. Было бы, однако, некорректно преувеличивать прогресс, достигнутый примерно тремя дюжинами НРС (поскольку основы их роста остаются шаткими). Тем не менее, они продемонстрировали заметные улучшения в динамике эффективности капиталовложений и росте производительности.

Ключевые слова: наименее развитые страны (НРС), бедность, отсталость, детерминанты экономического роста, совокупная факторная производительность, качество институтов.

Сведения об авторе: *Мельянцев Виталий Альбертович* – доктор экономический наук, заслуженный профессор МГУ, зав. кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, член Комитета по политике в области развития Экономического и Социального Совета ООН (e-mail: vamel@iaas.msu.ru).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Alonso, José Antonio, Ana Luiza Cortez and Stephan Klasen (2015). LDC and Other Country Groupings: How Useful are Current Approaches to Classify Countries in a More Heterogeneous Developing World? In José Antonio Alonso and José Antonio Ocampo (eds.), *Global Governance and Rules for the Post–2015 Era. Addressing Emerging Issues in the Global Environment.* London: Bloomsbury Publishing.
2. CDP and UN DESA (2015). Handbook on the Least Developed Country Category. New York.

3. Cornia, Giovanni Andrea. and Antonio Scognamillo (2016). Clusters of Least Developed Countries, Their Evolution between 1993 and 2013, and Policies to Expand Their Productive Capacities. *CDP Background Paper* No.33. ST/ESA/2016/CDP/33.
4. Fraser Institute (2015). Economic Freedom of the World, 2015. Vancouver, B.C.
5. ILO (2014). Global Employment Trends, 2014. Geneva.
6. IMF Data (http://www.imf.org/external/data.htm.).
7. IMF (2016, April). World Economic Outlook. Washington, D.C.
8. Meliantsev, Vitalii (2013). Analysis of Major Trends of Global Economic Growth. Moscow: Moscow State University.
9. OECD.StatExtracts (http://stats.oecd.org.).
10. Radelet, Steven. Africa's Rise – Interrupted? In *Finance and Development*. 2016, vol. 53, N 2.
11. Schneider, Friedrich. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *IZA Discussion Paper* No. 6423. March 2012. URL: http://ftp.iza.org/dp6423.pdf
12. UN (2016). World Economic Situation and Prospects, 2016. New York.
13. UNCTAD (2015). Handbook of Statistics, 2015. New York.
14. UNCTAD (2013). The Least Developed Countries Report, 2013. Growth with Employment for Inclusive and Sustainable Development. Geneva.
15. UNCTAD (2015). The Least Developed Countries Report, 2015. Transforming the Rural Economies. Geneva.
16. UNCTAD (2016). The Least Developed Countries Report, 2016. The Path to Graduation and Beyond. Geneva.
17. UNCTADstat (http://unctadstat.unctad.org).
18. UNDP (2011). Human Development Report, 2011. New York.
19. UNDP (2014). Human Development Report, 2014. New York.
20. UNDP (2015). Human Development Report, 2015. New York.
21. The World Bank (2016, June). Global Economic Prospects. Washington, D.C.
22. The World Bank (2015). Purchasing Power Parities and the Real Size of World Economies. A Comprehensive Report of the 2011 International Comparison Program. Washington, D.C., 2015.
23. The World Bank (2016). World Development Indicators, 2016. Washington, D.C.
24. The World Bank (2014). World Development Report, 2015. Washington, D.C.
25. The World Bank. Worldwide Governance Indicators. URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports
26. World DataBank. URL: http://databank.worldbank.org

ИСТОРИЯ

К.А. Панченко

К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ МАМЛЮКАХ-БУРДЖИТАХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья рассматривает малоизвестные аспекты межконфессиональных отношений в Мамлюкском государстве, связанные с политикой по подавлению христианского виноделия и виноторговли. В XIII–XIV вв. мусульманский мир, столкнувшийся с серьезными историческими вызовами, пережил «моральную революцию», воплотившуюся в распространении фундаменталистских настроений, насаждении норм исламского благочестия и дискриминации инаковерующих. Если кампании религиозных преследований в «столетие гонений» (1260–1360-е годы) повторялись с некоей иррациональной периодичностью накопления социальной агрессии низов, то во второй половине XIV–XV вв. вступил в действие иной фактор, задававший динамику межконфессиональных отношений. Пандемия чумы 1347–1349 гг. и последующие волны эпидемий, совпавших с климатическими катаклизмами, неурожаями, голодными годами и т.п., породили в сиро-египетском обществе апокалиптические ожидания и всплеск покаянных настроений. Подобные настроения выплескивались в кампании борьбы с социальными пороками (пьянство, наркомания и проституция), считавшимися причиной божественного гнева. В статье сопоставляются вспышки чумы и неурожайные годы, ритмично повторявшиеся в конце XIV – первой половине XV в., с синхронными волнами религиозных гонений и в первую очередь попытками подавления виноторговли, прочно ассоциировавшейся с христианами.

Ключевые слова: Мамлюкский султанат, ислам, христианско-мусульманские отношения, Сирия, Египет, «Черная смерть», чума, виноделие, виноторговля, религиозные гонения.

Тема христианско-мусульманских отношений на средневековом Востоке рассматривалась десятками ученых с самых разных ракурсов. В наименьшей степени при этом были задействованы сюжеты

Панченко Константин Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: const969@gmail.com).

материальной культуры и исторической этнографии. Они представляются одними из самых перспективных и при этом недооцененных направлений в исследовании Христианского Востока. В то время как многие тома написаны, например, на абстрактную тему христианско-мусульманского диалога, понимаемого как литературная полемика богословов, обстоятельства реальной жизни людей позднего Средневековья до сих пор остаются для нас малоизвестными. К их числу относятся такие специфические аспекты повседневности, как традиции, связанные с ближневосточным виноделием и винопитием, которые напрямую касаются межобщинных отношений в мамлюкском обществе – повседневных, бытовых, реальных.

Предваряя рассмотрение этих вопросов, стоит кратко сказать о типах горячительных напитков, имевших хождение на Ближнем Востоке. Мусульманское право называет пять видов сырья, напитки из которых относятся к категории *харам*. Это виноград, финики, мед, пшеница и ячмень[1]. Кумыс, столь любимый мамлюкской элитой, к числу запретных не относился, хотя и достигает крепости 4–5 градусов. Такой фанатичный борец с алкоголизмом, как султан Бейбарс, умер, опившись кумыса, возможно, отравленного[2].

Вино, достаточно сложное в изготовлении и недешевое, было доступно преимущественно элитарным слоям общества. Выше всего ценились импортные кипрские, критские или итальянские вина. Далее шло вино, изготовленное в Египте из местного сырья, иногда с добавлением меда. Финиковая брага *набиг* по крепости была близка к вину; иногда этим термином обозначали и само вино. Пиво, называемое в средневековом Египте *мизр*, считалось пойлом простонародья. Этот напиток варили из пшеницы или ячменя, а с XV в., когда пшеница вздорожала – из сорго (его особенно любили выходцы из Судана и Эфиопии). Просяные напитки под названием *буза* варьировались от чего-то похожего на квас до крепких сортов, близких к пиву. Они тоже подпадали под шариатские запреты, но подавить употребление пива было сложнее, чем вина. Этот напиток, простой и дешевый, было возможно производить в домашних условиях[3].

К удивлению, в источниках не встречается упоминаний *арака*, виноградной водки, которую к тому времени уже научились дис-

---

[1] *Wensinck A.J.* Khamr / The Encyclopaedia of Islam. New Edition (далее – EI). Leiden, 1997. Vol. 4. P. 995.

[2] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. Aspects of Life in an Islamic Metropolis of the Eastern Mediterranean. Leiden–Boston, 2011. P. 484–485.

[3] Ibid. P. 487–497.

тиллировать. Может быть, арак включался в собирательное наименование *аль-мускират*, «опьяняющие напитки» – такой термин нередко употреблялся при описании антиалкогольных кампаний в мамлюкском Египте. Так или иначе, самое раннее прямое упоминание арака, которое я знаю, относится уже к османской эпохе[4].

Если в первые шесть веков мусульманского владычества в сиро-египетском регионе вино оставалось важным компонентом кулинарной культуры, а гонения на виноделие и виноторговлю (при аль-Мутаваккиле, аль-Хакиме, Салах ад-Дине)[5] были спорадическими и быстро сходили на нет, то в мамлюкское время ситуация резко изменилась. Исторический вызов мусульманскому миру со стороны крестоносцев и монголов, синдром осажденной крепости, ощущение смертельной угрозы самому существованию ислама породили всплеск апокалиптических настроений и религиозного энтузиазма, доходившего до исступления. В XIII–XIV вв. мамлюкский Египет пережил своего рода «моральную революцию» и, по выражению исследователей, трансформировался из средиземноморского по духу общества в общество, исламское по духу[6]. Эти процессы были связаны с радикальным изменением отношения как к зиммиям, так и к употреблению алкоголя.

Правление Бейбарса, прошедшее в непрерывных походах и сражениях по всему периметру границ, сопровождалось столь же ревностной кампанией внутри государства по насаждению религиозного благочестия и подавлению пороков – пьянства, наркомании и проституции. Как считается, именно в эти десятилетия виноторговля была отодвинута на полукриминальную периферию экономики[7]. Рвение отдельных султанов и эмиров поддерживалось, точнее, стимулировалось, общественным мнением, фанатизмом факихов и простонародья. Так, Ибн Таймийа с толпой сторонников в 1299/1300 г. крушил винные лавки под Дамаском[8]. Султан Бейбарс II Джашнакир, еще в бытность свою эмиром отметившийся гонениями на зиммиев и запретом коптских праздников разлива Нила, в 1309 г. развернул террористическую по своим методам антиалкогольную

---

[4] Патриаршие документы (1592–1735) // Материалы для истории архиепископии Синайской горы. Т. 2. С. 264–442. СПб., 1909. С. 271.

[5] History of the Patriarchs of the Egyptian Church (History of the Holy Church). Ed. and transl. by O. H. E. Burmester et al., Vol. II. (1). Cairo, 1943. P. 7; *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 514–521.

[6] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 513–514, 536–538.

[7] Ibid. P. 523–524.

[8] Ibid. P. 538.

кампанию с облавами и обысками частных домов, невзирая на статус их владельцев. Характерно, что в тот момент мусульмане и зиммии подверглись репрессиям в равной мере, потому что у мусульман еще не отбили тягу к вину. Прагматичный султан ан-Насир Мухаммад (самостоятельное правление: 1310–1341 гг.) готов был ради доходов казны закрывать глаза на виноторговлю, даже на существование в центре Каира франко-армянского гетто Хизанат аль-Бунуд, славившегося как рассадник всех мыслимых пороков. Однако вскоре после смерти ан-Насира Мухаммада, в 1343/4 г. наиб султана аль-Хадж Ааль Малик санкционировал разгром этого квартала и уничтожение всего найденного там вина. Беспорядки вскоре перебросились на христианские пригородные деревни Шубра и Миньят ас-Сирдж (Ширдж), чье население профессионально специализировалось на виноделии[9].

Особого рассмотрения заслуживают коптские праздники разлива Нила, сопровождавшиеся пиковыми продажами алкоголя и массовыми гуляниями христиан и мусульман. Кульминацией праздника было погружение в реку мощей некоего мученика, хранившихся в церкви Шубры (отсюда происходит арабское название праздника *‘ид аш-шахид*, «праздник мученика»). Мамлюкские власти и религиозные круги раздражало именно пьянство мусульман, участвовавших в этих гульбищах, поэтому мощи периодически изымались и сжигались, а пепел их выбрасывался в Нил. Но традиции календарной обрядности упорно сопротивлялись насаждению новой нравственности. Мощи сжигали в 1303, 1354 и 1381/2 г., причем в 1354 г. заодно была разрушена и сама церковь, где они хранились, но обычай каждый раз возрождался[10]. Заметно, что запреты «праздника мученика», объяснявшиеся борьбой с пьянством, зачастую были синхронны антихристианским кампаниям (1301 и 1354 гг.).

Временной промежуток от Бейбарса до погрома Хизанат аль-Бунуд считается переломной эпохой «моральной революции», в значительной степени подавившей традиции виноделия и винопития на арабском Востоке[11]. Впрочем, картина остается неоднозначной, и очищение нравов было неполным даже в среде мусульман.

---

[9] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 507–508, 526–527, 534–536, 539–540. См. также: *Джамаль ад-Дин Аби-ль-Мухасин Йусуф ибн Тагри Бирди*. Ан-нуджум аз-захира фи мулюк Миср ва-ль-Кахира (далее – *Ибн Тагри Бирди*). Аль-Кахира, 196-. Т. 10. С. 88.

[10] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 541–543.

[11] Ibid. P. 534.

Из 47 мамлюкских султанов не менее семи славились разнузданным пьянством[12]. Двадцатилетний султан аль-Мансур Абу Бакр был в 1341 г. низложен своими эмирами именно по обвинению в запойном пьянстве. Эмиры старшего поколения опасались, что их заменят на ключевых постах молодыми мамлюками-сотрапезниками султана[13]. Иначе говоря, в мамлюкской среде, равно как и в сословии государственной бюрократии, где было много мусульман в первом поколении, не все выдерживали искушение зеленым змием. В источниках постоянно встречаются упоминания о наказании тем или иным султаном своих мамлюков или эмиров за пьянство[14]. Паломник Арнольд фон Харф в 1497 г., будучи в Каире, сам тайно пил в кампании двух мамлюков немецкого происхождения[15]. В январе 1438 г. вышел запрет мамлюкам спускаться из Цитадели в Каир, так как стало известно, что они предаются всяким порокам в местах народных увеселений. «Но не исполняли они этот запрет, – пишет аль-Макризи, – и спускались [в город] по злому своему обычаю»[16]. В 1384 г. великий драгоман, венецианец-ренегат, не просто пил с паломниками-итальянцами, но и забрал себе их бочку с мальвазией, о чем жаловался в своем дневнике один из пилигримов, Лионардо ди Никколо Фрескобальди[17]. После ареста в 1339 г. одиозного чиновника

---

[12] В их числе П. Левицка называет сыновей ан-Насира Мухаммада аль-Мансура Абу-Бакра (1341), аль-Малика аль-Камиля Шаабана (1345–1346) и ан-Насира Хасана (1347–1351, 1354–1361), а также их племянника аль-Мансура Мухаммада (1361–1363). Из султанов-Бурджитов двойственное отношение к вину было у Баркука (1382–1389, 1390–1399), в пьянстве обвиняли его сына ан-Насира Фараджа (1399–1412), а также его преемника аль-Муаййда Шейха (1412–1421) (*Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 527–534). К этому перечню автор забыла добавить старшего сына ан-Насира Мухаммада Ахмада (1341–1342). См. о его пристрастии к вину: *Ибн Тагри Бирди*. Ан-нуджум аз-захира. Т. 10. С. 33.

[13] *Ибн Тагри Бирди*. Ан-нуджум аз-захира. Т. 10. С. 12.

[14] Так, в августе 1388 г. Султан Баркук призвал мукаддима мамлюков ат-Таваши Бахадура, но его не нашли в Цитадели, а обнаружили много позже пьяным в доме на берегу Нила. Разгневанный султан разжаловал пьяницу в эмира десяти и сослал его в Сафед (*аль-Макризи, Таки ад-Дин Ахмад ибн Али*. Китаб ас-сулюк ли маарифат дуваль аль-мулюк (Далее: *аль-Макризи*). Т. 5. Бейрут, 1997. С. 210). См. также: *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 525, 532. Султан аль-Муаййад Шейх, еще в бытность свою мамлюком Баркука, не раз попадался на пьянстве, за что был бит даже своим господином, который сам был отнюдь не трезвенником (Ibid. P. 531).

[15] The Pilgrimage of Arnold von Harff Knight from Cologne, through Italy, Syria, Egypt, Arabia, Ethiopia, Nubia, Palestine, Turkey, France and Spain, which he accomplished in the years 1496 to 1499. Nendeln, 1967. P. 102, 118 (далее – *Arnold von Harff*).

[16] *Аль-Макризи*. Т. 7. С. 347.

[17] *Фрескобальди Л.Н.* Путешествие во Святую землю / Записки итальянских путешественников XIV в. М. 1982. С. 32 (далее – *Фрескобальди*).

ан-Нашва, новообращенного из коптов, в его доме, как утверждалось, нашли четыре тысячи кувшинов с вином[18].

Столь же противоречивым было отношение к алкоголю народных масс. Литературный жанр *хамрийят*, «вакхическая поэзия», дожил до первой половины XIV в. (здесь речь не идет о суфийской лирике, пронизанной мотивами опьянения – она процветала еще много веков)[19]. Во время массовых погромов церквей в Каире в мае 1321 г. те погромщики, которые первыми дорвались до запасов церковного вина, перепилась им и были потом арестованы мамлюками, потому что уже не могли убежать[20]. В марте 1388 г., наутро после праздника *мауляд ан-наби*, суфийский шейх из завии под Гизой с омерзением обнаружил на соседней пашне полторы сотни кувшинов из-под вина, которое ночью некие мусульмане скрытно распивали в палатках[21]. Примеры подобного рода можно множить до бесконечности. Но, как замечают исследователи, не надо обобщать. Упоминания о пьяных факихах не должны заслонять от нас того факта, что в целом мусульманское общество Позднего Средневековья воздерживалось от вина. Настолько, что к концу мамлюкской эпохи в Египте почти исчезло виноградарство как таковое.[22]

Впрочем, и в этом случае надо избегать излишних обобщений. Антиалкогольные мероприятия наиболее последовательно и эффективно проводились в столице. Ситуация в Верхнем Египте, начиная с XV в. слабо контролировавшемся властями, нам неизвестна за отсутствием источников. Есть основания полагать, что в портовой Александрии нравы были более свободными, чем в Каире[23]. В еще большей степени это относится к сиро-палестинскому региону. Хотя среди наместников сирийских провинций было много ретивых борцов за чистоту нравов, и мусульмане в городах также перестали употреблять вино, виноградарство оставалось базовой отраслью хозяйства, а в районах компактного расселения христиан виноделие процветало, как и прежде.

---

[18] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 539.

[19] *Bencheikh J.E.* Khamriyya / EI. Vol. 4. P. 998–1009.

[20] *аль-Макризи, Таки ад-Дин Ахмад ибн Али*. Китаб аль-хитат аль-макризиййа. Бейрут, 1959. Ч. 3. С. 426.

[21] *Аль-Макризи*. Т. 5. С. 207.

[22] О судьбах виноделия в Египте см.: *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 495–498.

[23] *Christ G.* Trading Conflicts. Venetian Merchants and Mamluk Officials in Late Medieval Alexandria. Leiden; Boston, 2012. P. 167–184; *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 509.

В паломнической литературе XIV – начала XVI в. виноградники упоминаются как непременная черта ландшафта при описании окрестностей Газы, Хеврона, Вифлеема, Иерусалима, Заиорданского плато, Ливанских гор[24]. Немецкий паломник Ульрих Леман в 1470-х годах замечал, что виноградники под Дамаском дают урожай, явно избыточный для людей, не пьющих вина[25]. Может быть, регион Большой Сирии тоже испытал некоторую деградацию виноградарства – раскопки в заиорданском Хесбоне свидетельствуют о сокращении производства винограда в поствизантийское время[26], а путешественник начала XVI в. Мартин Баумгартен сообщает, что в прежние времена на Ливанской горе родился «наилучший и превосходнейший виноград. Но ныне онаго, по небрежению жителей, более нет».[27] Тем не менее, традиции виноделия сохранялись на высоком уровне.

Флорентиец Гуччи в 1384 г. пишет про Газу: «И поскольку край изобилен виноградом, они (местные иудеи. – *К.П.*) делают вино и держат его в стеклянных двуручных сосудах, каждый из коих вмещает одну мездану; и вино доброе»[28]. Иаков Веронский (1335) упоминает отличное вино христианского селения Бейт-Джалы под Вифлеемом, производившееся в товарных количествах[29]. Никколо Фрескобальди, посетив Сайданаю на юге крупного христианского анклава на плато Каламун, отмечал: «И тут много виноградников, и пьют вина изрядно на наш здешний (т.е. итальянский. – *К.П.*) лад христиане, что там сидят»[30]. Бейрут, по свидетельствам путешественников, даже экспортировал вино: «… собирают там великое

---

[24] О Газе см.: *Гуччи Дж*. Путешествие ко Святым местам. С. 70–105 / Записки итальянских путешественников XIV в. М., 1982. С. 90 (далее – *Гуччи*); о Хевроне: *Гуччи*. С. 91; о регионе Вифлеема, Бейт-Джалы и Иерусалима: *Arnold von Harff*. P. 191; Посетитель и описатель Святых мест в трех частях света состоящих или путешествие Мартына Баумгартена, немецкой империи дворянина и кавалера, в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794. С. 142 (далее – *Баумгартен*); о Заиорданье: *Баумгартен*. С. 170; о Дамаске: The Travels of Ludovico de Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India and Ethiopia. L., 1863. P. 11; о Бейруте: *Гуччи*. С. 97; *Сиголе С*. Путешествие на гору Синайскую. С. 46–69 / Записки итальянских путешественников XIV в. М., 1982. С. 68; об округе Триполи: *Баумгартен*. С. 213.

[25] Цит. по: *Arnold von Harff*. P. 230.

[26] *Shick R*. Luxiriant Legacy: Palestine in the Early Islamic Period / Near Eastern Archaeology. 61: 2 (1998). P. 99.

[27] *Баумгартен*. С. 214.

[28] *Гуччи*. С. 90.

[29] Хождение ко святым местам августинского монаха Иакова Веронского в 1335 г. С. 104 / СИППО. 1896. С. 94–115.

[30] *Фрескобальди*. С. 41.

множество винограда, из которого делают вяленый виноград большею частию… Еще делают из него вино; и там христиане потребляют достаточно, и тоже развозят его морем»[31]. Обращает на себя внимание, что паломники-итальянцы нередко называют местные сорта винограда и вина «весьма хорошим», «наилучшим» и даже «из лучших в мире» – а уж эти люди, несомненно, досконально разбирались в подобных вопросах (если только не делать поправку на то, что путешественникам, преодолевшим синайскую пустыню, любое вино могло показаться «наилучшим»).

Таким образом, подводя промежуточный итог, отметим, что мусульманская «моральная революция» стимулировалась внешними военно-политическими вызовами. При этом гонения на инаковерующих и антиалькогольные кампании первоначально происходили независимо друг от друга и в разные годы. В то же время, несомненная связь между вином и зиммиями осознавалась современниками, и это придавало борьбе с алкоголизмом явственный антихристианский характер. И, наоборот: с какого-то момента меры по дискриминация христиан стали включать подавление виноделия. Так, Александрийский крестовый поход 1365 г. вызвал в ответ массовые репрессии против христиан в мамлюкских владениях. Наместник Дамаска приказал, среди прочего, обыскать сады, принадлежавшие христианам в северных предместьях, и уничтожить все сосуды с вином. Вылитое вино текло ручьями по дорожкам в ближайший арык, который вышел из берегов[32].

Если с середины XIII по середину XIV в. религиозный энтузиазм подогревался внешней угрозой, то с середины XIV в. вступил в действие новый фактор, патогенный, на котором хотелось бы остановиться поподробней. Речь идет о пандемии «Черной Смерти» 1347–1349 гг. и регулярно повторявшихся возвратных вспышках чумы[33].

Масштабы этой катастрофы широко известны. Города Сирии и Египта в считанные месяцы потеряли 30–40% жителей. С 1348 по 1517 г. чума посещала Каир более 50 раз. Эпидемия 1430 г. по количеству жертв сравнялась с «Черной Смертью» 1340-х. В среднем

---

[31] *Гуччи*. С. 97.

[32] *Ибн Касир*. Аль-бидайа ва ан-нихайа. Бейрут, 1982. Т. 7. Кн. 14. С. 317. См. исторический контекст события: *Панченко К.А*. Забытая катастрофа. К реконструкции последствий Александрийского крестового похода 1365 г. на Христианском Востоке / Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М., 2013. С. 202–219.

[33] *Dols M.W.* The Black Death in the Middle East. Princeton, 1977.

каждые 14 лет чума проявлялась в абсолютно летальной лёгочной форме, при которой к тому же невозможно избежать заражения, находясь с больным в замкнутом пространстве. Эпидемии сопровождались расстройством функционирования государственных институтов, параличом экономики, бегством крестьян в города и запустением земель. Ситуацию усугубили и несколько неурожайных лет на рубеже XIV–XV вв. (пять раз катастрофические наводнения и четыре раза засухи), вызвавшие массовый голод, сопоставимый по смертности с сильными эпидемиями[34].

Иными словами, ближневосточное общество несколько поколений жило в состоянии непрерывного стресса и апокалиптических ожиданий. Позволю себе процитировать одного исследователя, писавшего о ментальности эпохи: «Если кто-то возьмется писать историю обитателей средневекового Каира, это будет главным образом история их нищеты: экономические тяготы, вызванные тяжелыми налогами, финансовой нестабильностью и высокими ценами; и политическое угнетение… И над всем этим стояла Смерть… которая, как ни парадоксально, была главным фактором жизни обитателей позднесредневекового Каира… Тысячи похорон, затоплявших улицы Каира примерно каждые три года, составили длинную “процессию смерти”, которая превратила смерть из частного события в общественное явление… “Каждый представлял, что скоро умрет”... Во время чумы 1468–9 г. причитания над умершими слышны были “день и ночь” в каждом квартале. Массовая смертность и бесконечные публичные похороны… несомненно оказывали огромное воздействие на психологию людей. Вполне естественной реакцией были депрессия, беспокойство и страх… Было также чувство покорности, когда люди ждали свою смерть в любой момент. В 1430 г. каирцы, возвращаясь с пятничной молитвы, подсчитывали, сколько людей присутствовало в сравнении с предыдущей пятницей… В тот год люди стали носить бирки с личными данными… чтобы их могли опознать в случае внезапной смерти на улице»[35]. В 1438 г. по Каиру прошел слух, что все умрут в ближайшую пятницу, и настанет Судный день. Ибн Тагриберди, непосредственный свидетель происходившего, оставил яркое описание панических настроений своих соотечественников[36].

---

[34] *Shoshan B*. Popular Culture in Medieval Cairo. Cambr., 1993. P. 4; *Dols M.* The Black Death. P. 230–232.

[35] *Shoshan B*. Popular Culture in Medieval Cairo. P. 4–5.

[36] Ibid. P. 5.

Небывалая концентрация эпидемий и стихийных бедствий вызвала в позднемамлюкском обществе всплеск покаянных настроений. Люди не сомневались, что столкнулись с проявлениями Божественного гнева, вызванного умножением грехов и пороков. Недавние переселенцы в города, вырванные из привычного уклада жизни, были особенно восприимчивы к проповедям суфийских шейхов и ревнителей чистоты нравов[37]. Единственным способом остановить голод и эпидемии было покончить с грехами – пьянством, наркоманией и проституцией. Зиммии, прочно ассоциировавшиеся с виноделием и виноторговлей, опять оказались в фокусе общественной ненависти. Если в период мамлюков-бахритов (так называемое столетие гонений) всплески антихристианских репрессий определялись неким иррациональным ритмом накопления социальной агрессии, то при бурджитах большая часть кампаний по подавлению зиммиев, как кажется, совпадала с годами голода, эпидемий или иных социальных стрессов.

Так, например, в июле 1387 г. семидневная остановка уже начавшегося было подъема Нила вызвала всплеск панических ожиданий и рост цен на зерно. Эмир Сейф ад-Дин Савдан, наиб султана, пытаясь остановить поднимающуюся панику, не нашел ничего лучше, как арестовать зевак, наблюдавших за уровнем подъема реки, чтобы они не нагнетали страхи распространением истерических слухов. После этого он организовал облавы в христианских кварталах аль-Каум, около мечети Ибн Тулуна, и Сувейка Суфиййа, известных как центры виноторговли. Найденные кувшины с вином разбивались перед дверями их владельцев, а еще тысячу кувшинов отвезли на площадь под Цитаделью и разбили там при большом стечении народа. Вслед за этим эмир послал своих людей обыскать квартал в Булаке, где торговали гашишем. Улов был немалым: 12 верблюжьих и 10 ослиных тюков «травки», причем объем верблюжьих тюков колебался от 120 до 240 литров. Всё это тоже было доставлено на центральную площадь и торжественно сожжено. Неудивительно, что после этих мер подъем Нила возобновился[38].

Не всегда источники позволяют нам видеть столь прямую связь между общественными страхами и преследованием христианской виноторговли. Иногда эту связь можно лишь угадывать. Так, например, 13 октября 1400 г. эмир Яльбуга ас-Салями возглавил очередной погром винных лавок в Шубре и Миньят аш-Ширдж, где было

[37] *Christ G*. Trading Conflicts. P. 177.

[38] *Ибн аль-Фурат*. Тарих Ибн аль-Фурат. Бейрут, 1942. Т. 9. С. 9 (далее – *Ибн аль-Фурат*).

перебито 44 тыс. кувшинов с вином – цифра дает представление о масштабах торгового оборота этих двух винодельческих центров. Одновременно была разрушена церковь – видимо, та же, где хранились пресловутые мощи, которые погружали в Нил. Похоже, 44 тыс. кувшинов – это была не вся добыча победителей. Часть трофеев погрузили на верблюдов и отвезли в Каир, где кувшины били перед воротами Баб Зувейла и под Цитаделью. «И с того времени погибло состояние людей Шубры и Миньят аш-Ширдж, – резюмировал аль-Макризи, – ибо большая часть денег их приходила от [изготовления] сока винных ягод и продажи его»[39].

Если мы поместим это событие в исторический контекст, то увидим, что Каир в эти месяцы жил в состоянии нарастающего страха. Армии Тамерлана подбирались всё ближе к мамлюкским владениям – Малатья, Айнтаб, Мараш. Примерно через две недели Халеб будет предан огню и мечу. Наверное, насаждение благочестия рассматривалось в Каире как одна из защитных мер в предстоящем противоборстве с грозным врагом. Тем более что войско Тимура мамлюкские летописцы изображали как сборище нечестивцев, от которых пленные ни разу не слышали азана, а самому Тимуру приписывали пристрастие к вину[40].

Вторая половина 1410-х годов полна примеров народных бедствий, покаянных настроений и гонений на зиммиев и пороки.

В 819 (1416/17) г. цены на пшеницу в Каире достигли астрономических сумм 800 дирхамов за ирдаб. Подход барок с зерном описывался как событие первостепенной важности, а сама выгрузка зерна производилась под охраной конных мамлюков, отгонявших голодные толпы. Одновременно весь Ближний Восток от Магриба до Триполи опустошала эпидемия чумы. В Каире за два с половиной месяца умерло 20 тыс. человек. В довершение всего медленный подъем Нила вызвал опасения за будущий урожай. Султан нанял чтецов Корана для исправления ситуации, а главный хаджиб разогнал толпу, собравшуюся отмечать коптский праздник разлива Нила, так как люди предавались питью вина и беспорядочному смешению мужчин и женщин[41]. Наконец, в сентябре 1416 г. эмир Сейф ад-Дин Хараз, вали Каира, обложил тяжелыми штрафами иудейских и христианских виноторговцев, и провел обыски всё в тех же кварталах аль-Каум вне Мисра и Сувейка Суфиййа вне Каира, где были вылиты

---

[39] *Аль-Макризи*. Т. 6. С. 39.

[40] *Мухаммад ибн Ахмад Ибн Ийас аль-Ханафи аль-Мысри*. Аль-Мухтасар мин бадаи' аз-зухур фи вакаи' ад-духур. Аль-Кахира, [б. г.]. Т. 1. С. 284–285.

[41] *Аль-Макризи*. Т. 6. С. 404–414.

тысячи кувшинов вина[42]. Как видим, за 30 лет топография злачных мест не изменилась.

Примерно через год, в шаабане 820 г. (сентябрь 1417 г.) был побит камнями христианин, уличенный в прелюбодействе с мусульманской женщиной. Событие достаточно редкое, о таких вещах писали в летописях, как о происшествиях, достойных упоминания. Случалось, что мусульманскую девушку «отмазывали» от смертной казни. Но в данном случае виновная тоже была побита камнями, что свидетельствует о степени всенародного озлобления. Вскоре после этого власти возобновили традиционные шариатские меры по дискриминации зиммиев[43].

Весь 822 (1419) г. не прекращалась чума, да еще год начался с солнечного затмения. В мае 1419 г. каирцы по призыву мухтасиба наложили на себя трехдневный пост, который завершился массовой молитвой во избавление от мора. Толпы богомольцев возглавляли алимы, суфии и высшие должностные лица, навстречу народу из Цитадели выехал султан в рубище суфиев. Подобные мероприятия и настроения делают понятной очередную кампанию по «зачистке» *амакин аль-фасад* («мест порока»), устроенную в апреле мухтасибом и вали Каира. Две тысячи кувшинов были вылиты и разбиты, запрещены были причитания женщин над покойниками (видимо, чтобы не усугублять всеобщую депрессию), запрещен гашиш, услуги проституток на рынках и в сомнительных местах (*мавади' ар-райб*). Зиммиям предписывалось укоротить чалмы до семи локтей, а также носить колокольчик на шее при посещении бани (чтобы отличаться от правоверных), а женщинам зиммиев носить *изар* голубого или желтого, в зависимости от религиозной принадлежности, цвета[44]. В июне воспоследовала еще одна волна антихристианских гонений, одна из самых мощных в XV в. Среди прочего, было предписано уволить со службы христианских чиновников, что подтолкнуло часть их к принятию ислама. Формально дискриминация зиммиев была вызвана мерами против мусульман эфиопского негуса[45], но мы видим, что почва для преследований инаковерующих была подготовлена и без всякого внешнего фактора.

В конце 1420-х годов хроники пишут главным образом о ценах на продовольственном рынке. Заморозки погубили всходы бобов в Саиде. Недостаточный подъем и быстрый спад Нила привели к

---

[42] Там же. С. 416.
[43] Там же. С. 447.
[44] *Аль-Макризи*. Т. 6. С. 491–496; см. также: *Christ, G*. Trading Conflicts. P. 179.
[45] *Аль-Макризи*. Т. 6. С. 500–501.

тому, что много земель осталось не залито водой и не обработано. Какие-то черви пожрали посевы. В Сирии засуха и отсутствие дождей привели к тому, что поля в Хауране даже не были засеяны[46]. На этом фоне не удивляют сообщения февраля и октября 1428 г. о новых обысках злачных мест, вылитом вине, сожженном гашише, разрушенных хижинах, где растленные люди предавались пороку, и ужесточении запретов собираться в *мавады' аль-фасад* и продавать «сок изюма».[47] Вылитое в ходе обысков вино образовало рукотворное озеро, медленно впитывающееся в землю. Анонимный поэт оплакал это зрелище в скорбной элегии: «Они разлили вино по всей земле. Я не могу смириться с этим… Я хотел бы стать этой землей»[48].

Очень показательна история об эпидемии в Халебе, опустошавшей город всю осень 1437 и зиму 1438 г. В месяце раджабе 841 (январе 1438) г. наиб Халеба наступил на горло собственным коммерческим интересам и повелел закрыть винные лавки и запретить женскую и мужскую проституцию, с которых он имел налоговые отчисления. Смертность снизилась, и народ обрадовался. Были снова открыты точки по продаже вина, проститутки вышли на улицы, пороки были легализованы и обложены налогами. А на следующее утро в городе умерло сразу 800 человек, и еще больше двух месяцев чума собирала свою жатву[49].

Та же эпидемия вызвала в Каире в рамадане/марте 1438 г. новые коллективные моления во главе с султаном Барсбаем и ряд драконовских мер по соблюдению благочестия, из которых самым сильным было запрещение женщинам выходить из домов. Правоведы дискутировали о допустимости подобного предписания, иные предлагали просто запретить женщинам наряжаться и ходить по рынкам, но возобладало мнение султана о тотальном затворничестве слабого пола. Вали Каира и хаджибы патрулировали улицы, били уличенных в нарушении предписания. Был назначен новый мухтасиб Каира, славившийся особой свирепостью[50]. Трагикомическая ситуация сложилась с отловом каирских проституток, которых хаджиб Асанбуга ат-Таййари обязал, под страхом суровых наказаний, дать расписку в том, что они выйдут замуж и оставят свое порочное ремесло[51].

---

[46] Там же. Т. 7. С. 169–177.

[47] Там же. С. 170, 185.

[48] Цит. по: *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 547.

[49] *Аль-Макризи*. Т. 7. С. 342–347.

[50] Там же. С. 349–352.

[51] *Ибн Ийас*. Аль-Мухтасар мин бадаи' аз-зухур фи вакаи' ад-духур. Висбаден, 1972. Т. 2. С. 184 (далее – *Ибн Ийас*).

На этом фоне уже дежурными выглядят обыски домов иудеев и христиан и уничтожение найденного там вина. Разве что объем конфискованного зелья – 10 тыс. кувшинов – несколько выделяется на фоне прочих антиалкогольных рейдов. Также обращает на себя внимание разрушение монастыря Дейр аль-Магтис в Дельте, одного из главных центров коптской сакральной географии и христианского паломничества, где, по утверждению авторитетного шейха Мухаммада ат-Тантави, «происходили неописуемые мерзости». Погром произошел в том же рамадане 841 г. и, вполне возможно, был связан с массовой истерией на почве чумы[52].

Стоит отметить, впрочем, что далеко не всегда можно уловить причинно-следственные связи антихристианских мер и разгрома винных лавок. Иногда такие кампании начинаются без видимых поводов в относительно спокойные годы. Так, например, последний погром церкви в Шубре с сожжением мощей мученика, используемых в праздник Нила, произошел в феврале 1437 г., т.е. не во время, а непосредственно накануне очередного мора[53]. И наоборот – есть множество примеров эпидемий и голодных лет, не приводивших к межрелигиозным эксцессам. Между пандемией 1348 г., когда отмечены первые случаи запрета купли-продажи вина, запрета именно в медицинско-профилактических целях[54], и началом массовой истерии благочестия, примеры которой только что приводились, прошло около сорока лет. Вместе с тем после 1438 г. и вплоть до начала XVI в. из источников исчезают упоминания борьбы с вином в целях противостояния эпидемиям. Но проблема может быть в самих источниках – после Ибн Тагриберди их объем и качество резко сокращаются. Вполне возможно, антиалкогольные акции происходили, но просто не были упомянуты. Это подтверждается тем, что каждая эпидемия по-прежнему сопровождалась всплесками паники и поисками виноватых, в том числе среди христиан[55]. А волны чумы начала XVI в. (910/1504–5, 919/1513, 925/1519 гг.) привели к уже традиционным рейдам по домам зиммиев, битью кувшинов, сожжению гашиша, запрету алкоголя и проституции[56].

Сообщения об антиалкогольных кампаниях позволяют реконструировать ряд любопытных сторон исторической этнографии

---

[52] Там же. С. 183; *Аль-Макризи*. Т. 7. С. 351.

[53] *Аль-Макризи*. Т. 7. С. 334.

[54] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 545.

[55] *Панченко К. А.* Испить смертное зелье: александрийский патриарх Иоаким (1448–1567) между эпосом и историей // Исторический вестник (в печати).

[56] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 545.

мамлюкского Египта. Например, вопрос о том, кто профессионально специализировался на виноделии и виноторговле. Помимо жителей упомянутых коптских деревень Шубра и Миньят аш-Ширдж, среди виноторговцев непропорционально часто упоминаются некие «пленные» (*аль-асра*, ед. ч. *аль-асир*). Обитателями печально знаменитого объекта Хизанат аль-Бунуд, главного злачного места Каира, где продавалось в год до 32 тыс. кувшинов вина[57], были именно франкские и армянские пленники, приведенные султаном ан-Насиром Мухаммадом из Сирии. Что касается армян, то можно предположить, что это были военнопленные, захваченные в набегах на Киликийскую Армению. Возможно, из массы живого товара были отобраны искусные ремесленники и централизованно поселены в столице. Франки же могли попадать в плен в сопоставимых количествах только на финальной стадии войн мамлюков с крестоносцами в конце XIII в. Едва ли многие из этих пленников дожили до 1340-х годов. Скорее всего, речь может идти об их потомках, образовавших довольно устойчивую субэтническую группу. Кварталы аль-Каум и Сувейка Суфиййа, не раз упомянутые как места торговли запретными напитками (1387, 1416, 1438)[58], были заселены именно христианскими пленными (*насара мин аль-асра*). В 1379 и 1389 гг. обыски домов полонянников на предмет вина упоминаются без привязки к конкретным кварталам[59].

Другой специфической группой виноторговцев выступали франкские купцы в Александрии. Хотя Арнольд фон Харф пишет о контрабандном ввозе вина в Египет с Крита в маленьких бочонках, укрытых рогожей[60], речь в данном случае идет о мусульманских или восточнохристианских торговцах. Европейцы же могли ввозить вино открыто, якобы для личного потребления. По некоторым свидетельствам, монопольное право на импорт вина в Александрию было даровано венецианцам. Хотя в источниках встречаются упоминания о еврейских оптовых виноторговцах, но они либо происходили с венецианского Крита, либо совершали операции на паях с гражданами республики св. Марка[61]. По свидетельству флорентийских паломников 1384 г., вина в Александрии достать было невозможно,

---

[57] Цит. по: *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 508.

[58] *Ибн аль-Фурат*. Т. 9. С. 9, *аль-Макризи*. Т. 6. С. 416, *Ибн Ийас*. Т. 2. С. 184. В последнем случае перечисляется шесть подозрительных каирских кварталов: Харат Зувейла, аль-Джаваниййа, аль-‘Атуф, Кантара Санкар, аль-Хакар и аль-Каум.

[59] *Аль-Макризи*. Т. 5. С. 66, 241.

[60] *Arnold von Harff*, P. 119.

[61] *Christ, G*. Trading Conflicts. P. 169, 171.

кроме как у венецианского консула[62]. Впрочем, источники начала XV в. содержат сведения о множестве торговых точек по продаже вина как в венецианском *фондакко*, так и на городских улицах. Известны даже жалобы христианских купцов, державших лавки в *фондакко*, на соседство питейных заведений с их характерным запахом и шумной клиентурой[63].

Европейцам запрещалось продавать вино, привезенное из своих стран, местным жителям[64]. Конечно же, это установление нарушалось на каждом шагу. Известны венецианские финансовые документы 1419 г., связанные с нелегальной транспортировкой алкоголя в Каир (в стоимость товара была заложена нетипично высокая рисковая премия) и продажей нескольких бочек вина содержателю таверны нубийскому христианину Марку[65].

Франкская виноторговля вызвала в августе 1419 г., в разгар одной из эпидемий чумы, массовые беспорядки. Как писал аль-Макризи: «И пришло известие из Александрии, что собралась чернь 26 [раджаба 822 г.х.][66], и взяли они оружие и камни и разбили у франков триста бочонков вина, а цена им у них – четыре тысячи динаров. Потом обратились на все дома их и склады их и вылили, что было там из вина, и разграбили их. И предались грабежу домов стеклоторговцев, и вылили, что нашли там из вина. И это был знаменитый день. И неизвестна причина этой смуты»[67].

Г. Крист склонен видеть в этих погромах форму социального протеста, выступление городских низов (магрибинских переселенцев, обитателей нищих пригородов) против правящей элиты. Городской бунт принял формы, относительно безопасные для его участников, так как разгром винных лавок не являлся преступлением с точки зрения шариата. В то же время выступление косвенно было направлено против недостаточно благочестивых мамлюкских властей и лояльной к ним религиозной знати-улама[68].

Ученые давно дискутируют о традициях потребления вина в позднесредневековом Каире. Преобладает мнение, что там не существовало специальных питейных домов. Алкоголь просто продавали

---

[62] *Фрескобальд*и. С. 25.

[63] *Christ G*. Trading Conflicts. P. 168.

[64] Очередной указ об этом был издан в феврале 1438 г. (*Аль-Макризи*. Т. 7. С. 170).

[65] *Christ G*. Trading Conflicts. P. 172–174.

[66] Пятница 18 августа 1419 г.

[67] *Аль-Макризи*. Т. 6. С. 505.

[68] *Christ G*. Trading Conflicts. P. 180–184.

в лавках на вынос, а распивали уже в частных домах, садах или на берегу Нила. Некоторым исключением выступают упомянутый Хизанат аль-Бунуд, а также караван-сараи, где можно было за оговоренную плату обрести любые запретные удовольствия[69]. Хроника аль-Макризи позволяет добавить несколько штрихов к этой картине. При описании налетов на злачные места – *амакин аль-фасад* – упоминается разрушение неких хижин, где, возможно, как раз и распивали вино и предавались другим порокам. Наряду с хижинами из жердей, соломы или самана, несомненно, были распространены палатки, создающие иллюзию уединения. Но иногда полукриминальная активность разворачивалась под крышей более солидных строений. После смерти султана аль-Муаййада Шейха в 1421 г. основанный им госпиталь Маристан аль-Муаййади закрылся из-за прекращения финансирования. Больных выселили, а пустующее здание облюбовали представители социального дна и виноторговцы. При этом в помещениях маристана не только торговали спиртным, но и пили его, играли на лютнях и занимались развратом[70].

Стоит сказать несколько слов и о тех, кто по долгу службы боролся с этим злом – мухтасибах, хаджибах, вали Каира, наместниках султана в сирийских городах. Среди этих людей были как фанатики, примеры которых во множестве приводились выше, так и коррумпированные лица, предпочитавшие не подвергать пьяниц наказаниям, предписанным шариатом, а штрафовать их на большие суммы и присваивать эти деньги[71]. Многие наместники закрывали глаза на криминальный бизнес вино- и наркоторговцев, получая с него значительные отчисления. Выше уже упоминался наиб Халеба, который лишь перед лицом эпидемии чумы решился на запрет нелегальной сферы услуг, с которой имел немалые доходы. Его современник наиб Дамаска Судун (1438 г.) точно так же «крышевал» торговлю вином и проституцию[72]. И это было не исключение, а норма жизни. Исключением были как раз антиалкогольные кампании, так подробно описанные в хрониках.

Особого упоминания заслуживает эмир Сейф ад-Дин Хараз, вали Каира в 1416 г. Он не просто налагал на зиммиев-виноторговцев штрафы в денежной форме, но и конфисковывал их товар, причем вино, насколько можно понять, исчезало бесследно, его не выливали на Медан аль-Каль'а. Влиятельные христианские писцы пытались

---

[69] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 502–509.
[70] *Аль-Макризи*. Т. 7. С. 57.
[71] Там же. Т. 6. С. 432.
[72] *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. P. 544, note 261.

как-то подсидеть не в меру активного вали, на что он, разгневавшись, ответил тотальными обысками торговых точек, тысячами вылитых кувшинов, попутным грабежом товара и новыми взысканиями, наложенными на христианских старейшин – причем, опять натурой – до трехсот кувшинов вина с человека. Аль-Макризи отнес подобные действия к «порицаемым гнусностям» – похоже, он догадывался, что вино уходило куда-то налево[73]. Все эти обыски и конфискации прошли в месяце раджабе (25 августа – 22 сентября), а в рамадане того же года (22 октября – 20 ноября) эмир Хараз был переведен на должность *наиба аль-джейш*. Складывается впечатление, что христиане все-таки дотянулись до него и отомстили в меру своих возможностей. Но они торжествовали недолго, потому что вскоре эмир получил обратно часть своих полномочий[74].

В заключение стоит отметить, что изучение такой вроде бы узко специфической темы, как христианская виноторговля, позволяет выйти на любопытные обобщения, касающиеся природы межрелигиозных конфликтов в конце XIV – начале XV в., и роли в этих противоречиях патогенного фактора. Такой крупный специалист по средневековой коптской истории, как Марк Свансон, склонен отрицать влияние чумы и природных бедствий на христианско-мусульманские отношения[75]. Однако приведенные сообщения источников позволяют видеть, как причудливо переплетались в истории Христианского Востока пути грибка винных дрожжей и возбудителя чумы бактерии *йерсиния пестис*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аль-Макризи, Таки ад-Дин Ахмад ибн Али*. Китаб ас-сулюк ли маарифат дуваль аль-мулюк. Т. 5. Бейрут, 1997.
2. *Аль-Макризи, Таки ад-Дин Ахмад ибн Али*. Китаб аль-хитат аль-макризиййа. Бейрут, 1959. Ч. 3.
3. *Гуччи Дж*. Путешествие ко Святым местам // Записки итальянских путешественников XIV в. М., 1982. С. 70–105.
4. *Панченко К.А*. Забытая катастрофа. К реконструкции последствий Александрийского крестового похода 1365 г. на Христианском Востоке // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М., 2013. С. 202–219.
5. *Панченко К. А.* Испить смертное зелье: александрийский патриарх Иоаким (1448–1567) между эпосом и историей // Исторический вестник (в печати).
6. Патриаршие документы (1592–1735) // Материалы для истории архиепископии Синайской горы. Т. 2. СПб., 1909. С. 264–442.

---

[73] *Аль-Макризи*. Т. 6. С. 416.

[74] Там же. С. 418.

[75] *Swanson M.* The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo; N.Y., 2010. P. 102.

7. Посетитель и описатель Святых мест в трех частях света состоящих или путешествие Мартына Баумгартена, немецкой империи дворянина и кавалера, в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794.
8. *Сиголе С.* Путешествие на гору Синайскую // Записки итальянских путешественников XIV в. М., 1982. С. 46–69.
9. *Фрескобальди Л.* Путешествие во Святую землю // Записки итальянских путешественников XIV в. М., 1982. С. 17–46.
10. Хождение ко святым местам августинского монаха Иакова Веронского в 1335 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1896. С. 94–115.
11. *Ибн Ийас, Мухаммад ибн Ахмад аль-Ханафи аль-Мысри*. Аль-Мухтасар мин бадаи' аз-зухур фи вакаи' ад-духур. Аль-Кахира, [б. г.]. Т. 1.
12. *Ибн Ийас*. Аль-Мухтасар мин бадаи' аз-зухур фи вакаи' ад-духур. Висбаден, 1972. Т. 2.
13. *Ибн Касир*. Аль-бидайа ва ан-нихайа. Бейрут, 1982. Т. 7. Кн. 14.
14. *Ибн Тагри Бирди, Джамаль ад-Дин Аби-ль-Мухасин Йусуф*. Ан-нуджум аз-захира фи мулюк Миср ва-ль-Кахира. Аль-Кахира, 196-. Т. 10.
15. *Ибн аль-Фурат*. Тарих Ибн аль-Фурат. Бейрут, 1942. Т. 9.
16. *Bencheikh J.E.* Khamriyya / The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1997. Vol. 4. P. 998–1009.
17. *Christ, G.* Trading Conflicts. Venetian Merchants and Mamluk Officials in Late Medieval Alexandria. Leiden; Boston, 2012.
18. *Dols M. W.* The Black Death in the Middle East. Princeton, 1977.
19. History of the Patriarchs of the Egyptian Church (History of the Holy Church) / Ed. and transl. by O. H. E. Burmester et al. Vol. II (1). Cairo, 1943.
20. *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. Aspects of Life in an Islamic Metropolis of the Eastern Mediterranean. Leiden; Boston, 2011.
21. The Pilgrimage of Arnold von Harff Knight from Cologne, through Italy, Syria, Egypt, Arabia, Ethiopia, Nubia, Palestine, Turkey, France and Spain, which he accomplished in the years 1496 to 1499. Nendeln, 1967.
22. The Travels of Ludovico de Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India and Ethiopia. L., 1863.
23. *Shick R.* Luxiriant Legacy: Palestine in the Early Islamic Period // Near Eastern Archaeology. 61:2 (1998).
24. *Shoshan B.* Popular Culture in Medieval Cairo. Cambr., 1993.
25. *Swanson M.* The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo; N.Y., 2010.
26. *Wensinck A.J.* Khamr // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1997. Vol. 4. P. 995.

Constantin A. Panchenko

SOME ASPECTS OF THE HISTORY OF THE CHRISTIAN-MUSLIM RELATIONS IN THE CIRCASSIAN MAMLUK STATE

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

The article is devoted to little-known aspects of the Christian-Muslim relations in the Mamluk state dealing with suppression of the Christian wine-production and wine-trade. In the 13th and 14th centuries the Muslim world affected by serious historical challenges (the Crusades and the Mongol invasion) went through a certain moral revolution. It stimulated the spirit of religious fundamentalism, implementation

of the norms of the Islamic piety and the oppression of the religious minorities. During the "century of persecutions" (1260-s–1360-s) campaigns of religious repressions against Dhimmis repeated several times being motivated by a certain irrational rhythm of social aggression of the lower classes of the Muslim society. However in the late 14th and 15th centuries another factor of the persecutions became obvious. The "Black death" pandemic and following waves of the epidemics of plague, natural disasters and famine caused an atmosphere of apocalyptic expectations and penitence. These sentiments led to campaigns against social vices as wine-drinking, drugs consumption and prostitution, which supposed to be the reasons of the Divine punishment. The article analyses coincidences between the years of plague and famine and the religious persecutions of the Dhimmis, first of all suppression of the wine-trade which was strongly associated with the Christians.

Key words: the Mamluk sultanate, Islam, Christian-Muslim relations, Syria, Egypt, "the Black Death", plague, wine production, wine-trading, religious persecutions.

About the author: *Constantin A. Panchenko* – Doctor of Sciences (History), Associate professor, Department of Near and Middle Eastern History, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University (e-mail: const969@gmail.com).

REFERENCES

1. Al-Maqrīzī, Aḥmad ibn 'Alī. *Kitāb al-Sulūk*. Beyrut, 1997. Ǧ. 5.
2. Al-Maqrīzī Aḥmad ibn 'Alī. *Kitāb al-mawā'iẓ wa-l-i'tibār fī ḏikr al- ḫiṭaṭ wa-l-aṯār*. Beyrut, 1959. Ǧ. 3.
3. Gucci J. *Puteshestvie ko Sviatim mestam. [A Pilgrimage to the Holy Sites]* / Zapiski italianskih puteshestvennikov XIV v. Moscow, 1982. P. 70–105.
4. Panchenko K.A. *Zabitaya katastrofa. K rekonstruktsii posledstviy Alexandriyskogo krestovogo pohoda 1365 g. na Hristianskom Vostoke [A Forgotten Catastrophe. The Consequences of the Alexandrian Crusade of 1365 for the Christian East].* Arabi-hristiane v istorii I literature Blizhnego Vostoka. Moscow, 2013. P. 202–219.
5. Panchenko K.A. *Ispit' smertnoye zel'ye: alexandriyskiy patriarch Ioakim (1448–1567) mezdu eposom I istoriey [Drinking of the Deadly Poison: the Patriarch of Alexandria Yuwakim (1448–1567) between the Epos and the History]* / Istoricheskiy vestnik (in print).
6. *Patriarshiye dokumenti (1592–1735) [Patriarchates' Documents].* Materiali dlia istorii Sinayskoy gori. St.-Petersburg, 1909. T. 2. P. 264–442.
7. *Posetitel' i opisatel' Sviatih mest v trioh chastiah sveta sostoyaschih ili puteshestviye Martina Baumgartena, nemetskoy imperii dvorianina i kavalera, v Egipet, Araviyu, Palestinu I Siriyu. [Visitor and Describer of the Holy Sites of the Three Parts of the World or Journey of Martin Baumgarten, the Knight of the German Empire, to Egypt, Arabia, Palestine and Syria].* St.-Petersburg, 1794.
8. Sigole S. *Puteshestviye na goru Sinayskuyu [A Pilgrimage to the Mount Sinai].* Zapiski italianskih puteshestvennikov XIV v. Moscow, 1982. P. 46–69.
9. Freskobaldi L. *Puteshestvie vo Sviatuyu zeml'u [A Travelling to the Holy Land].* Zapiski italianskih puteshestvennikov XIV v. Moscow, 1982. P. 17–46.
10. *Hozhdeniye ko sviatim mestam avgustinskogo monaha Iakova Veronskogo v 1335 g. [A Pilgrimage to the Holy Sites of the Augustin Monk Jakob of Verona in 1335].* Soobscheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obschectva. 1896. P. 94–115.
11. Muḥammad ibn Aḥmad Ibn Iyas al-Ḥanafī. *Al-Muḫtasar min badā'i al-zuhūr fi waqā'i' al-duhūr*. Al-Qāḥira, 1960. Ǧ. 1.

12. Muḥammad ibn Aḥmad Ibn Iyas al-Ḥanafī. *Al-Muḫtasar min badā'i al-zuhūr fi waqā'i' al-duhūr*. Wisbaden, 1972. Ǧ. 2.
13. Ibn Kasir. *Al-Bidayya wa-n-nihayya*. Beyrut, 1982. Ǧ. 7. K. 14.
14. Ibn Tagri Berdi. *An-Nujum az-zahira fi muluk Misr wa-l-Cahira*. Al-Cahira, 196-. Ǧ. 10.
15. Ibn al-Furāt. *Tarīḫ Ibn al-Furāt*. Bayrūt, 1942. Ǧ. 9.
16. *Bencheikh J.E*. Khamriyya. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1997. Vol. 4. P. 998–1009.
17. *Christ, G*. Trading Conflicts. Venetian Merchants and Mamluk Officials in Late Medieval Alexandria. Leiden; Boston, 2012.
18. *Dols M. W.* The Black Death in the Middle East. Princeton, 1977.
19. History of the Patriarchs of the Egyptian Church (History of the Holy Church). Ed. and transl. by O. H.E. Burmester et al., Vol. II. (1). Cairo, 1943.
20. *Lewicka P.* Food and Foodways of Medieval Cairenes. Aspects of Life in an Islamic Metropolis of the Eastern Mediterranean. Leiden–Boston, 2011.
21. The Pilgrimage of Arnold von Harff Knight from Cologne, through Italy, Syria, Egypt, Arabia, Ethiopia, Nubia, Palestine, Turkey, France and Spain, which he accomplished in the years 1496 to 1499. Nendeln, 1967.
22. The Travels of Ludovico de Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India and Ethiopia. L., 1863.
23. *Shick R*. Luxiriant Legacy: Palestine in the Early Islamic Period. Near Eastern Archaeology. 61:2 (1998).
24. *Shoshan B*. Popular Culture in Medieval Cairo. Cambr., 1993.
25. *Swanson M.* The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo; N.Y., 2010.
26. *Wensinck A.J.* Khamr. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 1997. Vol. 4. P. 995.

Mher D. Sahakyan

CHINA'S POLICY ON THE DPRK'S NUCLEAR ISSUE: COOPERATION AND DISAGREEMENTS WITH THE US AND RUSSIA

School of International Studies, Nanjing University
210023, 163 Xianlin Broadway, Nanjing, Jiangsu Province, China

This article focuses on China's policy, cooperation and disagreements with Washington and Moscow on the DPRK's nuclear issue. Section 1 and 2 give an analysis of the background of developments surrounding the DPRK's nuclear issue and the Chinese position in detail. Section 3 covers China's cooperation and disagreements with the US on this issue. From China's perspective, "no problems in the region will eliminate US interference in regional affairs." Section 4 covers China-Russia cooperation regarding the DPRK's nuclear issue. The arguments are the following: Moscow and Beijing maintain pressure on the DPRK but only to the extent that its political system does not collapse. The Russian-Chinese united resistance against the DPRK's nuclear tests is that that after its tests and missile launches, the US increased its military involvement in the Far East. In conclusion, the author gives recommendation on a possible way to solve the DPRK's nuclear issue, which poses a threat to international security.

Key words: China's Policy in the UNSC; The DPRK's Nuclear Issue; UNSC Resolutions; Nuclear Proliferation; China-US Contradictions in the UNSC; China-Russia Cooperation in the UNSC.

Introduction. The main aims of this article are to investigate and explain China's policy, cooperation and disagreements with Washington and Moscow on the Democratic People's Republic of Korea's (DPRK or North Korea) nuclear issue.

The main methodology used in this article was comparative historical research and analyses of international sources. The drafting of this article was mainly undertaken by direct utilization of UN and International Atomic Energy Agency's (IAEA) first-hand documents and archives, as well as books and articles written by Chinese, American, Korean and Russian scholars and officials.

Mher D. Sahakyan – Ph.D. (International Relations), School of International Studies, Nanjing University (China), Director of the "'China-Eurasia' Council for Political and Strategic Research" Foundation (e-mail: sahakyanmher@outlook.com).

Another methodology was interviews with Chinese, Russian and American scholars, which provide opportunities to analyze Beijing's and Moscow's views on China-Russia cooperation on DPRK nuclear issues, as well as China-US conflicts and cooperation on DPRK nuclear issues in the United Nations Security Council (UNSC).[1]

As a permanent member of the UNSC and an important player in international relations, China has the capability and authority to address and solve internationally important problems. In turn, international society is also interested in Beijing continuing its active involvement in the improvements in world security.[2]

China plays a decisive and important role in the negotiations regarding the DPRK's nuclear issue. The *de facto* withdrawal from the Treaty of the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) by the DPRK led to a new political situation in the international community. The DPRK's nuclear weapons may trigger a decision by other Far East countries to acquire nuclear arsenals. The balance between the DPRK and the Republic of Korea (ROK or South Korea) has already been violated in favor of the former. Whether the ROK will continue to rely on the American nuclear umbrella or develop its own nuclear weapons depends on the final results of negotiations. Japan has previously announced that the DPRK's nuclear arsenal is a threat to its national security, which means that Japan[3] may consider a possible substitute for the American nuclear guarantee. Tensions regarding the DPRK's nuclear issues threaten the entire political and economic stability of the Far East.

China is the second-largest economy in the world, and Japan and the ROK are extremely well developed economies. The Association of South East Asian Nations (ASEAN) and Indian economies continue to grow rapidly. Tension or military actions in the Korean Peninsula can harm economic development throughout the entire region. However, after missiles and nuclear tests, the DPRK seems to be playing its own game, as it has not accepted UNSC resolutions. Officially, Pyongyang announced its

---

[1] See: Interviews by the Author.

[2] Mher Sahakyan. China's Reforms to Improve Its Peacekeeping Capabilities: China's Growing role in UNPKO (2000–2013) // Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies. 2016. No. 1. P. 56.

[3] Mher Sahakyan. "China's Policy on DPRK Proliferation Issue in the UNSC (2000–2013). Paper presented at the "New European Research on Contemporary China," Conference organized by the French Center for Research on Contemporary China, Delegation of the European Union to China, 2–4 July 2014.URL: https://cdn1.euraxess.org/sites/default/files/news/european_conference_program_final.pdf (accessed March 8, 2015).

withdrawal from the NPT and rejects international norms; this behavior discredits the effectiveness and authority of the UN, as well.

In a broader sense, the DPRK continues to attempt to solve its national security problems by developing missile systems and nuclear weapons. However, these projects harm the DPRK's political relations with the international community, including with allies such as China. When the DPRK began nuclear tests,[4] China was initially surprised and attempted to punish the DPRK for its actions by voting for sanctions against the nation.

The following question therefore arises: Which action is more useful for a state? Developing nuclear weapons would give the opportunity to deter any offensive activity, whereas having allies and expanding economic relations would deter any possible revolutions or economic collapse. Recent world history offers a cogent example. The Soviet Union was one of the most powerful states in the world, but history has nevertheless shown that it is difficult to maintain sovereignty without a modern economy, free trade and open economic relations with the international community. Moreover, if a state's economy collapses, no nuclear weapon can help.

The next hypothesis is that the DPRK's government understands that the ROK's economy develops quickly and that they are far from the ROK's level of economic development. However, they want to show their domestic audience that they are building a modern and strong state.

Although the Strategic Offensive Reduction Treaty and New Start treaties between Russia and the US might encourage other countries to reduce their nuclear capabilities, the DPRK's nuclear tests can lead to a new nuclear arms race.

View from Beijing on the DPRK's Nuclear Issue. In response to the DPRK's nuclear tests, the UNSC chose sanctions as the appropriate way of halting the proliferation of Weapons of Mass destruction (WMDs) in the Far East. UNSC sanctions on the DPRK primarily targeted the military, financial and nuclear sectors of this country. China condemned the DPRK's nuclear test and voted affirmatively for Resolutions 1695,

---

[4] "It is no secret that for many years, the DPRK was supplying missiles systems and nuclear technologies to Syria, Iran, Libya, and Iraq. The International Atomic Energy Agency (IAEA) made clear that at least part of the UF6s provided to Libya in 2000 and 2001 likely originated in the DPRK, confirming the possibility of operational UF6 production prior to 2001." It will be difficult to successfully convince the DPRK to halt its missile production, which brought more than one billion dollars of income per year until 2006. It is very profitable business. See: Report of the Panel of Experts Established Pursuant to Resolution 1874 (2009). URL: http://fas.org/nuke/guide/dprk/unsc-june2012.pdf (accessed December 8, 2014).

1718, 1874, 1928, 1985, 2087, 2094 and 2270.[5] With these steps, China sent a message to its partners in Pyongyang, stating that Beijing is not interested in a nuclear arms race in the Far East. Chinese decision makers sent another message to Western colleagues stating that they are ready to cooperate within the framework of negotiations and would not accept any attempt to solve the DPRK's nuclear issue militarily. As China's Ambassador to the US Cui Tiankai during his interview with "Foreign Affairs" mentioned, "First, we stand for stability. Second, we stand for denuclearization of the Korean Peninsula. Third, we stand for peaceful means. These three elements are interrelated; you cannot have one at the expense of the other two. We just cannot distance ourselves from North Korea geographically. That's our problem-it's so close to us. Any chaos or armed conflict on the Korean Peninsula would have a major impact on China's national security interests."[6]

Contributions of the Chinese researchers show that the opinions of China's researchers are divided on this issue. One segment of Chinese researchers believes that the DPRK is not China's friend and that its behavior and nuclear arsenal is a threat to Chinese security.

As EX-deputy editor of Study Times, the journal of the Central Party School of the Communist Party of China Deng Yuewen wrote, "For several reasons, Beijing should give up on Pyongyang and press for the reunification of the Korean peninsula. North Korea's unification with South Korea. Bringing about the peninsula's unification would help undermine the strategic alliance between Washington, Tokyo and Seoul; ease the geopolitical pressure on China from Northeast Asia (NEA); and be helpful to the resolution of the Taiwan question."[7]

In turn, Chinese scholar Dong Xiangrong mentioned, that "There are still some voices in China calling for the end of the military alliance relationship with North Korea. China might be dragged into a new war because of North Korea's provocations which may disturb the peaceful development. China's image is hurt by its 'axis of evil' ally."[8]

The second segment of Chinese researchers believes that the DPRK is a buffer between China and Japan and between Chinese and US troops

---

[5] UNSC Resolutions are available online, at: http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/

[6] Cui Tiankai. Interview with Tepperman, Jonathan. Beijing's Brand Ambassador: A Conversation with Cui Tiankai // Foreign Affair. 2013. Vol. 92. No. 4. P. 6.

[7] Deng Yuewen. China should abandon North Korea //Financial Times. 2013. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/9e2f68b2-7c5c-11e2-99f0-00144feabdc0.html#axzz3GGyjwV7j (accessed June 30, 2015).

[8] Dong Xiangrong, China's Dilemma on the Korean Peninsula // The Korean Journal of Defense Analysis. 2013. Vol. 25. No. 2. P. 243–255.

that are based in Japan and the ROK and that China must help the DPRK for this reason.

As stated by Chinese scholar Shi Yinhong, "China would like to maintain the DPRK as a 'strategic buffer zone,' or at least it would prefer not to have a hostile and troublesome DPRK on its border China must not allow the denuclearization process and its own role in this process to seriously damage China-DPRK relations, which would make China a loser in a major geopolitical game-even if the DPRK were by some 'miracle' really denuclearized." [9]

In turn, the second segment of Chinese researchers can be further divided into two groups. The first group believes that China should help the people of the DPRK because of the longstanding Sino-Korean relationship, but representatives of this group like to add that the Chinese do not like the Kim dynasty.

The second group of this segment of Chinese researchers believes that the DPRK is China's strategic partner, as evidenced by the Sino-North Korean Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance of 1961, and that China must continue to help the DPRK maintain its political system.

The Chinese scholars Fang Xiu-yu and Xin Hua believe, "The relations between China and the Korean Peninsula can be summarized into a single Chinese proverb: interdependence as close as the relationship between mouth and teeth. For China, the Korean Peninsula is a highly valuable geopolitical asset that directly influences or even shapes China's national security."[10]

If we consider, that the DPRK is still China's ally due to the Treaty of Friendship, Cooperation, Mutual Assistance, that was signed by China and DPRK in 1961, which obligated each party to come to the aid of the other if attacked, so the following question arises:

Why did China accept sanctions against its so-called ally?

China is disappointed by the fact that nuclear weapons technology is being spread to neighboring states, which may be a reason for the possible nuclear arms race in the Far East.

As once George Shultz nicely summarized the argument, "Proliferation begets Proliferation."[11]

[9] Shi Yinhong. China and the North Korean Nuclear Issue: Competing Interests and Persistent Policy Dilemmas // The Korean Journal of Defense Analysis. 2009. Vol. 21. No. 1. P. 34–35.

[10] Fang Xiu and Xin Hua. China-U.S. Relations and the Security of the Korean Peninsula // The Korean Journal of Defense Analysis. 2013. Vol. 25. No. 3. P. 359.

[11] Scot Sagan. Why Do States Build Nuclear Weapons: Three Models in Search of Bomb? // International Security, 1997. Vol. 21. No. 3. P. 57.

Thus, if the international community could not find the ways to urge the DPRK's government to completely, verifiably, irreversibly dismantle its nuclear arsenal, it is possible that other countries in the region such as Japan and ROK, which have the capability to build nuclear weapons, would strive to repair the balance and would start their own nuclear programs. They can announce that the DPRK's nuclear weapons threaten their security and that they need to build their own to deter the DPRK. It is worth mentioning, that before the first nuclear test of the DPRK, China was the only legal owner of nuclear weapons among its eastern neighbors. Nuclear weapons give China an advantage against its perpetual opponent, Japan. This fact provided an impetus to China to stop the proliferation of nuclear weapons in NEA.

"This kind of developments seemed realistic, when in June 2012 some suspicions were raised over Japan's possible ambition for military use of nuclear programs when the Japanese government amended its Atomic Energy Basic Law by adding a new provision which states, '[The principle to secure nuclear safety] should be …aimed at contributing not only to defending people's lives, health, and assets and protecting the environment but also to Japan's national security."[12]

The Chinese nuclear arsenal deters Japan, but what will happen if Japan creates nuclear weapons as well? China would lose its coercive deterrent against its historical opponent.

In this regard, American scholar Scott Sagan stated, "First, strong states do what they can: they can pursue a form of internal balancing by adopting costly, but self-sufficient, policy of developing their own nuclear weapons. Second, weak states do what they must: they can join a balancing alliance with a nuclear power, utilizing a promise of nuclear relation by that ally may be the only option available, but the policy inevitably raises questions about credibility of extended deterrence guarantees, since the nuclear power would also fear relations if it responded to an attack on its ally."[13]

I do not agree with his argumentation. In a possible nuclear arms race, countries with limited financial and scientific capabilities that are not able to finance their own nuclear weapons programs would suffer greatly. In addition, the autonomy of countries with limited capability would be at risk because of the nuclear threat from their neighbors. I believe that there is no permanent alliance in the world. If we consider the China-DPRK military alliance, we would see that in this situation, the DPRK does not

[12] Katsuhisa Furukuwa and Hajime Izumi. Japan's Response to North Korea's Nuclear and Missile Tests // *North Korean Nuclear Operationality: Regional Security and Non-proliferation*. Johns Hopkins University Press, 2013. P. 110.

[13] Scot Sagan. Why Do States Build Nuclear Weapons: Three Models in Search of Bomb? // International Security, 1997. Vol. 21. No. 3. P. 57.

want to rely solely on China's nuclear umbrella to deter US or ROK probable aggression; thus, the DPRK built its own nuclear arms.

In turn, US scholar Gregory J. Moore believes that China has increasingly come to see North Korea as a brotherly pain in the neck. Beijing's patience with Pyongyang is running thin, even more so since the 2009 nuclear test. If Pyongyang were to reject a US offer this gracious, Beijing would be more likely to shift further toward the US /ROK position on the matter, further isolating North Korea.[14]

I do not agree with this idea. I believe that China will continue to press the DPRK and urge it to dismantle its nuclear arsenal, but Beijing will never entirely turn to the US and leave the DPRK in complete isolation. It appears that if China agrees with the US's wishes to isolate the DPRK that such an event would mean the beginning of the collapse of the DPRK. I believe that after this step, the US would reach a separate agreement with Pyongyang. The history of international relations features several examples designed and implemented by the US as follows: the first event was when the US improved its ties with China without discussing this step with Japan, and the second event was when the US improved its relations with Vietnam – a country that the US had struggled with in the past. Currently, the US serves as a reliable patron for the guarantee of security in Vietnam. The US-Vietnam strategic partnership is surely in opposition to China's interests.

From my point of view, China would continue to support the DPRK in building its economy,[15] which would give Beijing a chance to maintain its influence over the DPRK. Further, Beijing will continue to improve its ties with the ROK, as the ROK is the third-leading economic partner of China. China will attempt to find ways to demilitarize and denuclearize the Korean Peninsula with the ROK. From Beijing's perspective, these steps will provide an opportunity to reduce the US's influence in the Far East. We can conclude that from China's perspective, "no problems in the region will eliminate US interference in regional affairs."

[14] Georgy J. Moore. North Korean Nuclear Weaponization: A U.S. Policy Failure. In *North Korean Nuclear Operationality: Regional Security and Nonproliferation*. Johns Hopkins University Press. 2013. P. 43.

[15] As China invests in the DPRK's economy and sends aid, many foreign scholars believe that it can force the DPRK to change its attitude and dismantle its nuclear arsenal; however, when Wang Yi, China's foreign minister, spoke about China's influence on North Korea, he said, "There are always some misunderstandings about China's influence on the DPRK. China-DPRK relations are in the final analysis state-to-state relations, which are regulated by the basic norms of international relations that all abide by. Yet, as neighbors, the two countries have interacted a lot, which is all very natural. The Six-Party Talks is not a matter for China alone; the other five parties must play their part, particularly, the US and the DPRK." See: Foreign Minister Wang Yi's Exclusive Interview with the Financial Times // Beijing Review. No. 9. 2014. P. 6.

In sum, during the negotiations[16] for preventing further nuclear proliferation in the Korean Peninsula, China is in the most difficult position because it attempts to push the DPRK to continue the negotiation process and to stop developing new nuclear weapons. China also makes an effort to ease sanctions on the whole.

Beijing cannot allow an unstable situation in the DPRK, which would cause thousands of refugees to flee from the DPRK to China; thus, China is interested in the DPRK's stability. Additionally, the government of China believes that if a communist regime is maintained in Pyongyang, China would be able to use the DPRK's massive army in a possible "West-East" confrontation.

China-US Disagreements and Cooperation on the DPRK's Nuclear Issue. China-US competition for political influence on the Korean Peninsula began following the Second World War and escalated during the Korean War, as China was struggling with the DPRK against the US and its allies.

The DPRK's nuclear arsenal and tense relations between the DPRK and the ROK remain threats to the security and stability of the entire Far East. The conflicting parties have powerful military allies. On July 11, 1961, China and the DPRK signed the Treaty on Friendship, Cooperation and Mutual Assistance, and in 1953, the ROK and US signed Mutual Defense Treaty. Due to this treaty, the US maintains troops in the Korean peninsula.

In this regard, Professor Chu Shulong wrote that in the early 1950s to early 1970s China opposed the ROK-US alliance, considering security arrangements and US troops on the Korean peninsula as a major threat to China's security. But in the early 1970s and 1980s, China, according to Chu, opposed the alliance in principle, but considered it a counter to Soviet military power and supported the DPRK demand for US withdrawal. In the 1990s, China, as Chu described, had mixed feelings about the alliance and the US in Korea. The Russian threat was gone. Some came to fear use of US forces someday against China.[17]

In turn, American scholar Garver takes the stance that, "A state of war still exists on the Korean peninsula. US – ROK military capabilities are honed primarily to deter North Korea from provocative actions that might lead to hot war, and/or ensure a short victorious war if a mad North Korean leader launches a second Korean War. War, US and ROK

[16] The main negotiations involve the DPRK, ROK, China, the US, Russia and Japan. The negotiation process is difficult and, from time to time, the DPRK withdraws.

[17] Eric McVadon. Korean Issue in U.S.-China Relations 1990–2010// The Korean Journal of Defense Analysis. 2010. Vol. 22, No. 2. P. 141.

will certainly work to achieve understanding with Beijing about how such provocation should be dealt with."[18]

In fact, the US has a military presence near China's eastern borders (in Japan and in the ROK), and the DPRK's nuclear issue has given the US an excuse to relocate more troops to the region and try to relocate its Terminal High Altitude Area Defense (THAAD) advance missile defense system to deter the DPRK.

From Beijing's perspective, a concentration of US troops or relocation of the US missile defense system near its borders are also a real threat to China.[19] China helps maintain Pyongyang's regime so that its army can keep away and deter US ground troops from Beijing and Eastern China, which are located south of the Korean Peninsula.

From previous experience, the Chinese people also know that the No.1 US ally in the Far East, Japan, might attack China if it strengthened its position in the Korean Peninsula.

Many Chinese and foreign scholars believe that the US is in fact simply attempting to hinder China's rise as a superpower.

For instance, Chinese scholar Zheng Jiyong believes, "The US strategy on the Peninsula can be summarized as a manipulation of controllable 'chaos'. By doing so, the United States can hold a firm grasp over the two pivotal strategic points—the ROK and Japan—in containing the rapid rise of China."[20]

According to Chinese scholar Shi Yinhong, from time to time, the US attempts to increase pressure on China so that it does not support the DPRK. As he mentioned, "President Obama exerted strong pressure by urging China twice to restrain Pyongyang. First, in a phone call to Hu Jintao on December 6, 2010 and again over a private dinner at the White House on January 8, 2011 during Hu's state visit, President Obama pressed the Chinese leader to take a harder line toward North Korea or otherwise the United States would have to take long-term measures like redeploying

---

[18] Garver, W. John. Interview by Author. By E-mail. December 11, 2015.

[19] China's Foreign Minister Wang Yi also expressed China's opposition to the US's possible deployment of THAAD missile defense system in ROK, requesting that the US side should act prudently, and should not take advantage of current situation to jeopardize China's security interests or increase new complexities to the peace and stability of the region. See: Wang Yi Meets with Secretary of State John Kerry of US. 2016. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1340528.shtml (accessed February 24, 2016).

[20] Zheng Jiyong. The "Conflict-Reconciliation" Cycle on the Korean Peninsula: A Chinese Perspective // The Korean Journal of Defense Analysis. 2012. Vol. 24, No. 1. P. 128.

its forces, changing its defense posture, or beefing up military exercises in NEA."[21]

"China's diplomacy often focuses on the US, Europe, and Japan, so its relationship with the Peninsula is to a larger degree subordinated to its relationship with the US. At the same time, China's diplomatic strategy is largely restrained to a defensive position, in contrast to the more offensive global strategy of the US. Emphasizing China-US relations and the stability of NEA, Chinese diplomacy looks forward to promoting a cooperative joint-governance with the US in the region and attempts to avoid any negative effect that Korea related issues might pose to the stability of the China-US strategic relationship and the smooth development of East Asian economic integration."[22]

In this regard, Chinese scholar Shi Yinhong mentioned, "The first and most important of China's vital interests related to the North Korean nuclear issue is peace-a 'cold peace' on the Korean peninsula and between North Korea and the US, and an absolute peace between China and the US. China's minimum goal is to prevent the North Korean situation from deteriorating and forcing China to make a nearly unthinkable choice between the worst of the two worlds."[23]

In sum, China and the US have different visions for the future political development of the Korean Peninsula. China would like to maintain the DPRK's stability, whereas the US attempts to weaken it by sanctions. If it finally crashes, the US wishes to change the regime and unite it with the ROK. By contrast, China attempts to limit its disagreements with the US and maintain peace in the Korean peninsula; however, China's strategy is also to develop high-level political and economic relations with the ROK, connect the ROK's economy with China's economy and, as a result, weaken the US in the Korean Peninsula. This strategy may yield results, but the main obstacle is that the DPRK periodically takes provocative actions, including nuclear tests and ballistic missile launches. Thus, ROK leaders continue to see the US as the main guarantor of ROK security. As a result, the US maintains a military base in the Korean peninsula.

---

[21] Shi Yinhong. New Games in Tightly Fixed Structures: North Korea's Volatile Desperation and China's Cornered Strategy // The Korean Journal of Defense Analysis. 2011. Vol. 23, No. 3. P. 361.

[22] Zheng Jiyong. The "Conflict-Reconciliation" Cycle on the Korean Peninsula: A Chinese Perspective // The Korean Journal of Defense Analysis. 2012. Vol. 24, No. 1. P. 132.

[23] Shi Yinhong. New Games in Tightly Fixed Structures: North Korea's Volatile Desperation and China's Cornered Strategy // The Korean Journal of Defense Analysis. 2011. Vol. 23, No. 3. P. 34.

However, China and the US also have one common goal: to remove nuclear weapons from the Korean Peninsula and prevent a possible nuclear arms race in the Far East. The main reason for cooperation between the US and China is that the two superpowers oppose nuclear proliferation in the Korean Peninsula.

China-Russia Cooperation Regarding the DPRK's Nuclear Issue. In a broader sense, in the UNSC, Russian diplomacy regarding the DPRK's nuclear issue entails finding solutions with China and subsequently negotiating with other partners. Russia attempts to use its influence on the DPRK to support the negotiation process. The main positions of Russia and China on the Korean nuclear issue match as both sides want to see the Korean Peninsula without nuclear weapons and the peaceful development of the DPRK.

Russian scholar Andrey Baklitskiy proposes that there is no any struggle over the DPRK between China and Russia. Beijing has great influence in the DPRK, though Russia is also currently attempting to improve its influence in the DPRK.[24]

It appears, that for this reason, Russian President Vladimir Putin ratified a law that writes off almost 10 billion dollars of DPRK Soviet-era debt.[25] This step would provide an opportunity for Russia to repair its influence with the DPRK.

In turn, the Director General of the Russian International Affairs Council, Andrey Kortunov, believes that the DPRK always attempts to play on Sino-Russian disagreements. Generally, Kim Il-Sung attempted to use Sino-Soviet disagreements to obtain political and economic dividends for his regime. He also mentioned that Russia and China have very good relations; under these circumstances, the DPRK has no chance of playing and receiving dividends regarding the confrontation between Beijing and Moscow.[26]

---

[24] Baklitskiy, Andrey. Interview by Author. Abramcevo, Russia. 2015. September 5.

[25] Официальные сетевые ресурсы Президента России. (2014) О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики об урегулировании задолженности Корейской Народно-Демократической Республики перед Российской Федерацией по предоставленным в период бывшего СССР кредита // kremlin.ru. (Official Internet Resources of the President of Russia. Ratification of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the DPRK on the Settlement of the Debt of the DPRK to the Russian Federation for the Loans Provided by the Former Soviet Union). URL: http://www.kremlin.ru/acts/20916 (дата обращения: 01.06. 2014).

[26] Kortunov, Andrey. Interview by Author. Moscow, Russia. April 15, 2015.

One view, expressed by Chinese scholar Shen Dingli is that the common pursuit for a nuclear weapons free Korean Peninsula through political process has united Russia and China.[27]

The following question therefore arises: What is uniting Beijing's and Moscow's positions on the DPRK nuclear issue in the UNSC?

I. China and Russia are responsible powers that are interested in dismantling the DPRK's nuclear arsenal. China is not interested in seeing its neighbors become new members of the "nuclear club". Russia is also interested in maintaining the balance of power in the Korean Peninsula and Far East.

II. The second reason for the Russian-Chinese united resistance against the DPRK's nuclear tests is that that after the DPRK's nuclear tests and missile launches, the US increased its military involvement in the Far East, arguing that it must protect the ROK and Japan from the DPRK threat, but in fact it is against China and Russia as well. The ROK and Japan subsequently began increasing their military potential in the Far East.

III. China and Russia[28] are against the rhetoric of US politicians who emphasize the importance of changing the DPRK's political regime. Any type of political instability in the Korean peninsula would deepen – not solve – the political crisis in the Far East. Russian and Chinese decision makers understand that if the US leads political changes in the DPRK, it would completely change the direction of Pyongyang's foreign policy and that the country would move into the Western camp. These types of possible developments in the DPRK would limit Russia's and China's ability to maneuver in the Far East.

IV. In the UNSC, China and Russia have attempted to maintain stability and the balance of power in the Korean Peninsula. Concurrently, along with the other main players of the international community that were involved in the negotiations on the DPRK's nuclear issue, they continue to press the DPRK to return to the negotiating table to discuss dismantling its nuclear arsenal. In the UNSC,[29] Moscow and Beijing maintain pres-

---

[27] Shen, Dingli. Interview by Author. By E-mail. January 6, 2016.

[28] In addressing the inadmissibility of a military strike against Syria, President Putin said, that under these circumstances, if international community made an effort to convince the DPRK to give up its nuclear program and to place its nuclear weapons in a warehouse under international control, the DPRK might respond by contending that the DPRK would be destroyed the next day. See: Толорая Георгий. 2014. Россия и проблемы Корейского полуострова на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. № 4 (37). С. 86 (Gregory Toloraya. Russia and Countries of the Korean Peninsula).

[29] American researcher Joel Wuthnow mentioned, "In general, China does not like to have to exercise a sole veto in the Security Council, and often finds itself counting on

sure on the DPRK but only to the extent that its economic and political systems do not collapse.

V. China and Russia[30] continue to develop their economic relations with the DPRK, given the limitations of the UNSC sanctions. These economic relations provide an opportunity for the DPRK regime to maintain its political and economic systems. China's investments and economic aid are the DPRK's main guaranties of stability. As developments have shown, China and Russia can exert influence on the DPRK; however, regarding its nuclear policy, the DPRK has independently chosen its steps and listened to neither Beijing nor Moscow.

VI. China[31] and Russia cooperate regarding the DPRK's nuclear issue and do not let the US and its allies isolate and destroy the DPRK; on the other hand, when the Russian bear returned to Korean Peninsula, a hidden struggle would develop between Russia and China for influence in the DPRK. This would provide more room for the DPRK's diplomats to maneuver between Russian and Chinese disagreements, as was the case during the Cold War, when the DPRK's leaders were playing on disagreements between China and Russia.

VII. China and Russia are against US and ROK's use of the DPRK actions as an excuse for deploying the THAAD missile defense system, as it could become a real security threat for both China and Russia.

Russia's support to oppose UNSC measures being proposed under Chapter VII of the UN Charter." Interview by Author. By E-mail. December 16, 2015.

[30] Russian scholar Yuri Fedorov believes that if the DPRK ever agrees to a genuine dismantlement of its nuclear arsenal, it would be undertaken only in exchange for billions of dollars of investment from the US, Japan and the ROK. He believes that this type of development can change the political course of Pyongyang, which is an undesirable result for China and Russia. See: Юрий Феодоров.2005. Корейский ядерный кризис и Россия // Ядерный контроль. № 4 (78). Т. 11. С. 52 (Yuri Fedorov. The Korean Nuclear Issue and Russia).

[31] China states, that the DPRK's nuclear issue must be resolved only through diplomacy. In this regard, China's foreign minister Wang Yi mentioned, "China's position on the issue is clear, consistent and unchanged. We are opposed to the DPRK's development of nuclear weapons and committed to the denuclearization of the peninsula. How can this issue be resolved? It must be resolved through dialogue and negotiation. The extreme approach of military action is no option. We have stated that China will not allow trouble to be created at its doorstep. Denuclearization of the peninsula can only be achieved through dialogue and negotiation. The Six-Party Talks is the only viable path to achieve this goal. Our basic position is that the peninsula must be denuclearized and the DPRK's legitimate security concerns should be addressed, as this is only fair and reasonable." See: Foreign Minister Wang Yi's Exclusive Interview with the Financial Times // Beijing Review. 2014. No. 9. P. 5.

Conclusion. From my perspective, the DPRK's nuclear issue can be solved if the US, China, Russia, the ROK, and Japan can come to a united conclusion.

What type of policies do these 5 countries have?

The US has long attempted to find ways to change the DPRK's political system or to disrupt the DPRK's weak economy and receive concessions from Pyongyang. Japan, with some exceptions, has attempted to follow US policies. The ROK has tried to maintain economic relations with the DPRK, but at a low level. China, by contrast, continues its economic relations with the DPRK, given the limitations of the UNSC sanctions. Beijing has urged the DPRK leaders to implement Chinese-style economic reforms and continues to provide the DPRK with food aid. China therefore attempts to maintain influence in the DPRK to prevent unpredictable or dangerous steps by Pyongyang, but as past developments have shown, the DPRK tries to play its own chess game and make decisions by itself.

Russia has attempted to reestablish its influence in the DPRK, which was lost when the USSR collapsed. For this reason, Moscow wrote off the DPRK's debt.

Therefore, we have 5 players+ the DPRK, and every player attempts to play its own game. I believe that the DPRK also tries to gain from the disagreements of the above-mentioned global and regional powers (China, Russia, the US, the ROK and Japan). I believe these powers can agree from their side that nobody should separately or secretly sign an agreement with the DPRK. The powers can offer the DPRK support for developing its north regions, which border China, to prevent further immigration to China from the DPRK's poorest regions. The 5 powers must announce that they have no intentions of changing the DPRK's political system so that the DPRK does not need nuclear bombs to prevent such developments. I believe it is important to maintain an arms embargo and control the import and export of nuclear dual-use materials to the DPRK, but it is nonetheless possible to suspend heavy economic sanctions. These steps will provide the opportunity to build confidence among the negotiating parties and improve the DPRK's economic situation, which in turn will give added impetus to stop the immigration of the DPRK's citizens into China, which Beijing would like to prevent. The 5 powers can offer the DPRK a new roadmap for a final solution to its nuclear issue. The main idea can apply to that if the 5 powers help the DPRK join the global economic order, as a result it will be much easier to urge the DPRK's decision makers to dismantle their nuclear arsenal. In this hypothetical scenario, the DPRK would have something to lose.

It appears that in the future, the conditions and preconditions in the possible Six Party Talks will be changed. Today, the DPRK has a nuclear arsenal and multiple rocket launchers with range enough to strike not only the US's military bases in Japan and the ROK but also US territory. In further negotiations, the DPRK will change its preconditions because the DPRK has already constructed several light-water reactors, which they requested before. It also now appears that that the DPRK does not have particularly dangerous food shortages because China provides it with economic and food aid.

It is worth mentioning that possible nuclear war between the DPRK and the US/ROK will cause the deaths of millions of people, an economic crisis and irreversible environmental problems. The main task for the international community is to pressure the DPRK to take steps to destroy its nuclear arsenal. The balance of power will stabilize, and the nuclear arms race in the Far East will stop. Countries will begin to see the resolution of their security problems without nuclear weapons.

REFERENCES

1. Baklitskiy A. *Interview by Author. Abramcevo, Russia.* 2015. September 5.
2. Cui T. Interview with Tepperman, Jonathan. Beijing's brand ambassador: A conversation with Cui Tiankai. *Foreign Affair.* 2013.
3. Dong X. China's dilemma on the Korean Peninsula. *The Korean Journal of Defense Analysis. 25 (2013)*: 243–255.
4. Fang X., Xin H. China-U.S. relations and the security of the Korean. *The Korean Journal of Defense Analysis. 25 (2013)*: 351–367.
5. Furukuwa K., and Izumi H. Japan's response to North Korea's nuclear and missile tests. *North Korean nuclear operationality: Regional security and nonproliferation.* Johns Hopkins University Press, 2013: 104–124.
6. Garver W.J. *Interview by Author. By E-ma*il. December 11, 2015.
7. Kortunov A. *Interview by Author.* Moscow, Russia. April 15, 2015.
8. McVadon E. Korean issue in U.S.-China relations 1990–2010. *The Korean Journal of Defense Analysis. 22 (2010)*: 141–162.
9. Sagan S. Why do states build nuclear weapons: Three models in search of bomb? *International Security. 21 (1997)*: 54–86.
10. Sahakyan M. China's reforms to improve its peacekeeping capabilities: China's growing role in UNPKO (2000–2013) . *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies* (2016): 56–67.
11. Shen D. *Interview by Author. By E-mail. January 6*, 2016.
12. Shi Y. China and the North Korean nuclear issue: Competing interests and persistent policy dilemma. *The Korean Journal of Defense Analysis. 21 (2009)*: 33–47.
13. Shi Yi. New games in tightly fi xed structures: North Korea's volatile desperation and China's cornered strategy. *The Korean Journal of Defense Analysis. 23* (2011): 353–368.
14. *UNSC. Resolutions 1695* (2006), 1718 (2006), 1874 (2009), 1928 (2010), 1985 (2011), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016).
15. Zheng J. The 'confl ict-reconciliation' cycle on the Korean Peninsula: A Chinese. *The Korean Journal of Defense Analysis.* 24 (2012): 123–139.
16. Wuthnow J. *Interview by Author.* December 16, 2015.

17. Toloraya G. Rossija i problemy Korejskogo poluostrova na sovremennom jetape (Russia and Countries of the Korean Peninsula). *Vestnik MGIMO-Universiteta 37 (2014*): 82–91. (In Russ.)
18. Feodorov Y. Korejskij jadernyj krizis i Rossija (The Korean Nuclear Issue and Russia). *Jadernyj kontrol* 78(2005): 41–61. (In Russ.)

М.Д. Саакян

ПОЛИТИКА КИТАЯ ПО ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ КНДР: СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗНОГЛАСИЯ С США И РОССИЕЙ

Институт международных отношений, Нанкинский университет
210023, Сяньлинь дадао 163, Нанкин, пров. Цзянсу, КНР

В статье, посвященной политике Китая по ядерной проблеме КНДР, осуществлен анализ сотрудничества и разногласия Пекина с Вашингтоном и Москвой. В первой и во второй частях рассмотрены проблемы, связанные с развитием ядерной программы КНДР и позицией Китая. В третьей части проведено исследование, связанное с сотрудничеством и разногласиями Китая и США по ядерной проблеме КНДР. С точки зрения Китая, «если в регионе не будет никаких проблем, то в итоге влияние США будет минимизировано». Четвертая часть посвящена китайско-российскому сотрудничеству по ядерной проблеме КНДР. Приводятся следующие аргументы: Москва и Пекин оказывают давление на КНДР так, чтобы его политическая система не рухнула. Одна из важных причин Российско-китайского объединенного сопротивления ядерным испытаниям КНДР состоит еще и в том, что после ядерных испытаний КНДР – США увеличили военное присутствие на Дальнем Востоке. В заключение автор дает рекомендацию о возможном разрешении ядерной проблемы КНДР, которая создает угрозу международной безопасности.

Ключевые слова: политика Китая в СБ ООН, ядерная проблема КНДР, резолюции СБ ООН, распространение ядерного оружия, противоречия Китая с США в СБ ООН, сотрудничество Китая с Россией в СБ ООН.

Сведения об авторе: *Мгер Давидович Саакян* – Ph.D. (международные отношения) Институт международных отношений, Нанкинский университет, Китай, директор фонда «Совет политических и стратегических исследований «Китай-Евразия»» (E-mail: sahakyanmher@outlook.com).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Baklitskiy A.* Interview by Author. Abramcevo, Russia. 2015. September 5.
2. *Cui T.* Interview with Tepperman, Jonathan. Beijing's brand ambassador: A conversation with Cui Tiankai // Foreign Affair. 2013.
3. *Dong X.* China's dilemma on the Korean Peninsula // The Korean Journal of Defense Analysis. 25 (2013): 243–255.

4. *Fang X., Xin H.* China-U.S. relations and the security of the Korean // The Korean Journal of Defense Analysis. 25 (2013): 351–367.
5. *Furukuwa K., and Izumi H.* Japan's response to North Korea's nuclear and missile tests // North Korean nuclear operationality: Regional security and nonproliferation. Johns Hopkins University Press, 2013: 104–124.
6. *Garver W.J.* Interview by Author. By E-mail. December 11, 2015.
7. *Kortunov A.* Interview by Author. Moscow, Russia. April 15, 2015.
8. *McVadon E.* Korean issue in U.S.-China relations 1990–2010 // The Korean Journal of Defense Analysis. 22 (2010): 141–162.
9. *Sagan S.* Why do states build nuclear weapons: Three models in search of bomb? // International Security. 21 (1997): 54–86.
10. *Sahakyan M.* China's reforms to improve its peacekeeping capabilities: China's growing role in UNPKO (2000–2013) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение (2016): 56–67.
11. *Shen D.* Interview by Author. By E-mail. January 6, 2016.
12. *Shi Y.* China and the North Korean nuclear issue: Competing interests and persistent policy dilemma // The Korean Journal of Defense Analysis. 21 (2009): 33–47.
13. *Shi Y.* New games in tightly fixed structures: North Korea's volatile desperation and China's cornered strategy // The Korean Journal of Defense Analysis. 23 (2011): 353–368.
14. UNSC. Resolutions 1695 (2006), 1718 (2006), 1874 (2009), 1928 (2010), 1985 (2011), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016).
15. *Zheng J.* The 'conflict-reconciliation' cycle on the Korean Peninsula: A Chinese // The Korean Journal of Defense Analysis. 24 (2012): 123–139.
16. *Wuthnow J.* Interview by Author. December 16, 2015.
17. *Толорая Г.* Россия и проблемы Корейского полуострова на современном этапе // Вестник МГИМО-Университета. 37 (2014): 82–91.
18. *Феодоров Ю.* Корейский ядерный кризис и Россия // Ядерный контроль. 78 (2005): 41–61.

А.Р. Чедия

ТАРИХИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОСМАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

Имеющиеся в нашем распоряжении тарихи ряда османских крепостей черноморского побережья Кавказа (Тамани, Темрюка, Суджук-кале, Анапы и Сухума), несмотря на свою лапидарность, дают весьма любопытную информацию о хронологии и деталях османского проникновения и военного присутствия в этом регионе. Турецкое крепостное строительство, судя по тариху Темрюкской крепости, начинается здесь уже в 921 (1515–1516) г.х. при султане Селиме I. При Мураде в 983 (1575–1576) г. эта крепость была благоустроена. В эпоху Ахмеда III (1703–1730) с активизацией османской политики в регионе строится ряд новых крепостей, таких как Суджук-кале, Фаш и Сухум. Об этом недвусмысленно свидетельствует Новороссийская плита и тарих из Сухума, который был обнаружен и переведен А. фон Нордманом. В конце XVIII в. османы предприняли новую волну крепостного строительства, возводя укрепления Анапы.

Ключевые слова: Османская империя, Черное море, Западный Кавказ, тарихи, Анапа, Суджук-кале, Тамань, Сухум-кале.

Архитектурные элементы османских религиозных, гражданских или военных зданий – строительные надписи-*тарихи* (от арабского «история») или *китабе* (османск. «Надпись»), являются важными источниками по истории османской цивилизации и искусства. Их историческая ценность заключается не только в указаниях на даты строительства зданий, но и в упоминаниях строителей и архитекторов, а также обстоятельств постройки. В большинстве своем *тарихи* размещались на входных воротах крепостей, над входами в мечети, медресе, бани и т.д. Абсолютное большинство *тарихов* изготовлялось из мрамора, других сортов камня, реже из фаянса и располагалось на внутренних и внешних стенах зданий.

Чедия Анри Робертович – аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: chedia@inbox.ru).

Для истории османского присутствия на Восточном побережье Черного моря данные *тарихов* оказываются порой основными. Этот регион вошел в сферу влияния Османской империи в середине XV в. После падения Кафы в 1475 г. на Западном Кавказе началось строительство военных гарнизонов и крепостей. Зачастую мы не располагаем данными османских летописей и документов, а также источниками местного происхождения о датах и обстоятельствах постройки укреплений в этом регионе, и строительные надписи, таким образом, служат единственными источниками для реконструкции истории османского проникновения на территорию Таманского полуострова и черноморского побережья Кавказа.

В данной статье представлены *тарихи* османских крепостей на Западном Кавказе по хронологии их создания. Большинство *тарихов* из османских крепостей на берегу Черного моря дошли до нас в передаче путешественников и военных, а также переводах на другие языки (тарихи крепостей Тамань и Темрюк). На сегодняшний день из всех *тарихов* в этом регионе сохранилась надпись о ремонте крепостной стены в Анапе (хранится в Одессе), *тарих* о строительстве крепости Суджук-кале (совр. Новороссийск), который экспонируется ныне в Новороссийском музее и плита с *тарихом* о строительстве крепости Сухум-кале, которая хранится в музее Топкапы (Стамбул, Турция).

Крепость Тамань. Для нашего исследования важны сведения, собранные Эвлией Челеби во время путешествий по землям Северного Кавказа, Поволжья и Подонья в XVII в.[1] Эти территории Челеби посетил дважды: в 1641–1642 и в 1666–1667 гг. Во время второго путешествия в Азов его путь пролегал от крепости Тамань, через территорию Таманского полуострова и черкесские земли до границ Кабарды. В описании Тамани есть сведения о завоевании крепости в 880 г. по хиджре (1475–1476) во время правления султана Баязида I. Вели. Однако соответствующего *тариха* о постройки крепости в описании Челеби нет[2].

Интересны сведения относительно таманской мечети Касым-паши. На стене, обращенной к кыбле и выходящей на улицу, на четырехугольной белой мраморной плите имелся четко написанный *тарих*: «*Строил эту мечеть Хаджи-Гирей-хан*»[3] (Первый хан, основатель Крымского ханства 1441–1466). Сам Челеби отмечает,

[1] Evliya Çelebi siyahatnamesi 7 çilt. İstanbul metbuası 1928; Челеби Эвлия. Книга Путешествий. Вып. 2. М.: Наука, 1979.

[2] *Челеби Э.* Указ. соч. С. 15.

[3] Там же. С. 44.

что, несмотря на надпись, мечеть носит имя Касим Паши (бейлербея Каффы в период правления Селима II 1566–1574 гг.).

Темрюк. Далее в описании земли Бербере[4] или «прибежище безопасности» – Темрюк-кермана приводятся следующие сведения: «В 921(1515–1516) году крепость заложил (султан) Селим-шах I. Закончена она была при Сулейман-шахе. Она является воеводством в Кафинском эйялете и местопребыванием кадия». Немного в стороне и воротах крепости есть тарих:

«*Властитель Сулейман дал повеленье,*
Чтоб возвели в Темрюке укрепленья.
Шел девять сотен двадцать пятый год –
Ту крепость завершить пришел черед».

Восточнее на маленьких воротах на мраморе четким почерком написан *тарих*: «*Повелел благоустроить султан Мурад сын Селима-хана II, выполнил диздар Хаджи-Али-ага в 983* (1575–1576) *году.*

Другие ворота обращены на запад. Это двойные, крепкие и прочные железные ворота. Между этими двойными воротами есть тарих об основателе крепости Селим-шахе, но «из-за мрака» (темноты) его невозможно прочесть[5].

Суджук-кале (Новороссийск). Текст надвратной плиты крепости Суджук-кале на османском языке находится ныне в экспозиции Новороссийского исторического музея-заповедника. Он представляет собой мраморную плиту, на которой письмом *сульс* рассказывается о строительстве крепости. К сожалению, плита из Суджук-кале сильно пострадала: в тексте имеются лакуны. Привожу ее текст, транслитерацию и свой перевод на русский язык.

پادشاه·مشرق·و·(ماغرب).....·....الث·شهنشاه

فتح·ائران·سه·كشور.....كلدي·دورنده·وجده·پيثمار·امر·جميل

جملدن·بري·دخي·اشبو·سوخوجق·قلهه·سن·ايليوب·تاسيس·ايچون·اصدار·فرمان·جليل

دشمنه·حقا·عجب·سد·سديد·اولدو·نو·سور·ثتنه·ورسن·خداي·لم·يذل·عمر

راشد·اتمامنده·دوشدي·بو·يله·بر·تاريخ....حكم·احمد·خان

---

[4] Челеби, основываясь на легендах, дает описание происхождения народов мира. По его мнению, население Западного Кавказа (абазы и черкесы) ведет свое происхождение от арабов. В данном случае Челеби относит народонаселение Тамани и окрестностей к племенам берберов, которые, по его мнению, переселились на Таманский полуостров из Северной Африки.

[5] *Челеби Э.* Указ. соч. С. 46.

Padişah-ı meşrık ve)mağrıb(.....salis şehinşah-i...
Fatih-i İran se keşvar.....Geldi devrinde vücüda pişümar emri cemil
Cümleden biri dahi işbu Soğucak Kalasın/ eyleyüp tesis içün isdar-i ferman-i celil
Düşmene hakka acep sedd-i sedid oldu nev sür/zatına versin Huday-i lem yezel ömr.....
Raşid itmamında düşdü böyle bir tarih...../hükm-i Ahmed Han.....

Падишах запада и востока…/ (Ахмед)… третий, падишах
Завоевавший Иран и три страны…/…в период его правления было создано множество красивого
Для крепости Согуджак / Он издал приказ о начале строительства
Эта новая крепость стала преградой на пути врагов / И пусть Аллах даст ей долгую жизнь
Рашид по окончании строительства указал такую дату…/ Властелин Ахмед Хан

Точная дата основания крепости, так же как и имя в первой строке утрачены. Из текста становится ясным, что крепость была построена при некоем «третьем падишахе». Также в нижнем правом углу плиты до обрыва упоминается «властелин Ахмед хан». Таким образом, можно предположить, что укрепления Суджук-кале были построены в период правления османского султана Ахмеда III (1703–1730). Это хорошо согласуется с данными турецкого историка Садыка Мюфита Бильге, который предполагал, что крепости Суджук-кале, Фаш и Сухум были построены в один период с 1724 по 1729 г.[6]

Сухумская крепость. *Тарих* Сухумской крепости был найден и впервые описан финским профессором зоологии Александром фон Нормандом в 1835 г. Во время своего путешествия на Кавказ он посетил Сухум и описал турецкую крепость, построенную, по его мнению, в 1724 г. Крепость Сухум-кале состояла из четырех бастионов, одетых камнем. Одна сторона этого четырехугольного укрепления примыкала непосредственно к морю. Двое больших железных ворот составляли вход в крепость. Над входом одних ворот Норманд обнаружил надпись:

«*В благополучное правление Его Величества Царя Царей, Великаго Султана, котораго Высочайший двор и держава ни мало не уступают державе Александра Македонского и Дария, – счастливого царя,*

[6] *Bilge Müfit Sadık.* Osmanlı Çağında Kafkasya 1454–1829. İstanbul: Kitabevi, 2012. S. 184.

блистающаго на земле красотой, народами, славою и правосудием, и при любезном зяте сего Царя, Верховном Визире Государства, против всех врагов и злодеев, по Высочайшей воле, выстроена сия великая и неприступная крепость, твердостью подобная большой птице Сунне, летающей высоко на Кавказской горе.

Господь Бог да умножит благополучие на семь свет Великого Государя, коего священная особа служит залогом покоя и тишины на земле, и да утвердить навсегда Наместником его, великаго и благоразумного Визиря, как виновника народного благоденствия»[7].

Плита, на которую указывает Нордман, в настоящее время находится в музее «Топкапы» в Стамбуле. Экспонат состоит из двух частей. Верхнюю часть экспоната составляют: тугра султана Абдул-Хамида II (1876–1909) и отдельный тарих, в котором говориться о том, что плита была вывезена из Сухумской крепости и привезена в Стамбул во дворец султана во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Нижнюю часть экспоната составляет непосредственно сам тарих Сухумской крепости.

По имеющимся сведениям, Сухумская крепость была спроектирована архитекторами Мехмедом-агой и Якубом-агой и открыта в 1723 г.[8] В нижней части экспоната, согласно оригиналу текста упоминается имя султана Ахмеда III (годы правления 1703–1730) и его Великого Визиря Дамада Ибрагим паши. В переводе Нордмана эта важная составляющая тариха не фиксируется. При этом необходимо отметить, что, по моему мнению, перевод Нордмана практически полностью совпадает с текстом оригинала

Ниже приводится тексты экспоната музея Топкапы на османском языке:

Верхняя часть надписи эпохи Абдулхамида II

عصر·خان·احمد·ثالسته·صخوم·قاله·سیده·یاپلوب·بابانک·اوستنه·بو·طاش·قندی·حمان·
صکره·مسقوف·الینه·گچمیش·ایکن·نیجه·ذمان·وطان·اوم·اولوب·اولدی·نظامی·تلان

قالیی·روسیهدن·حن·حمدی·ثانی·ذور·ایله·الدی·کیریو·شه·غازی·زمان·کلدی·زمان·
همایونی·ایله·ایشته·بو·سنک·بورایه·وزنی·امریلدی·شاه·دوران

---

[7] См.: *Нордман фон Александр*. Путешествие по Закавказскому краю // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1838. С. 404–405.

[8] *Bilge S.M.* Указ. соч. С. 480.

Тарих надвратной плиты эпохи Ахмеда III

شهنشه·جحان·ثوكتلو·سلطان·احمد·غازى·كيياب·دولتى·اسكندرو·دارايه·ماوادر·

و·خاقان·بلند·ياقبال·كيم·ذات·حميونى·كمال·عزو·جه·مدلتله·عالم·ارادر

و·حاقان·كزنيك·صهر·خاس·صدر·حاليسى·وزيرپر·حمم·داماد·ايبرهيم·پاشهدر

جهانك·ايليوب·حر·كوشسن·تامين·اعدادن·بو·سمتك·داخى·اولدى·چونكى·امرى·حفض·صى·در

ياپلدى·حمتيله·بو·مهظم·قلهه·محكم·كى·حى·بتيله·صانور·سن·كم·سرقاف·اوزره·غنقا·در

كيله·حك·شحريار·عالمك·اقبالنى·افزون·كيزات·اقدس·سرمائ·ارام·دنيدر

وزير·اعضمن·داخى·قيله·دايم·كبا·عش·بويله·امن·وراحته·اول·صدر·دانادر

Asr Hanı Ahmedi sâliste Sohum kalasıda yapılıp babının üstüne bu taş kondı heman

Sonra moskof eline geçmiş iken nice zaman vatanı yevm olup oldı nizâmı talan

Kaleyi Rusiyeden Han Hamidi sanı zor ile aldı gerüye şehi gazi yi zaman

Geldi zamanı Hümâyunu ile işte bu senk buraya vazını emreyledi şahı devran

Şehinşahı cihan şevketlü Sultan Ahmed gazi Ki babı devleti İskender ve Daraya mevadır

O hakanı bülend ikbal kim zatı himayunı kemali izzu cahı mahdeletle alem aradır

O hakanı güzinin sıhrı hası sadrı alisi veziri pür himem Damad İbrahim Paşadır

Cihanın eyleyüp her kuşesin temin adadan bu semtindahi oldı çünki emri hıfzına sadır

Yapıldı himmetiyle bu muazzam kalai muhkem ki heybetiyle sanursın kim seri Kaf üzre ankadır

Kıla Hakk şehriyarı alemin ikbalini efzun ki zatı akdesi sermayei aramı dünyadır

Veziri azamı dahi kıla daim ki bâis böyle emn ü rahata ol sâdr-ı dânâdır

Ниже представляется мой перевод экспоната:

Перевод верхней части экспоната:

В эпоху Ахмед хана была построена крепость Сухум, также на ее вратах была установлена эта надпись. Затем она (крепость) перешла в руки Московитов на долгое время. Родина стала добычей, порядок в ней нарушился.

Хамид Хан эту крепость отобрал у России силой народа царь борец за веру своего времен, и прибыл с величайшим фирманом, приказал водрузить сюда царь эпохи.

Перевод тариха:

«*В благополучное правление Его Величества Царя Царей, Великаго Султана Ахмеда Гази, которого Высочайший двор и держава не уступают державе Александра Македонского и Дария, – счастливого царя, блистающаго на земле красотой, народами, славою и правосудием, и при любезном сего близком свойственнике Царя, Великом Визире полном достоинства Дамаде Ибрагим паше*[9]*, против всех врагов и злодеев, по Высочайшей воле, выстроена сия великая и неприступная крепость, ужасом и громадностью, твердостью подобная большой птице Акка*[10]*, на вершине горы Каф*[11].

Господь Бог да умножит благополучие на семь свет Великого Государя, коего священная особа служит залогом покоя и тишины на земле, и да утвердить навсегда Наместником его, великого и благоразумного Визиря, как виновника такого благоденствия и спокойствия»

Крепость Анапа. В работе Павла Ивановича Савваитова «Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота, под командой контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 г.» представлен перевод с турецкого языка двух мраморных плит с османскими надписями: «По завладению крепости в руки победителей досталось: … крепостные ворота и две мраморные доски с надписью о построении крепости». Саму крепость, как известно, захватил гренадерский батальон 4-го морского полка, под предводительством генерал-майора Г.М. Говорова и полковника Бриммера. П.И. Савваитов передает содержание текстов плит. «Русский перевод этих надписей, напечатанных на

---

[9] Слово «дамад» с турецкого языка переводится как зять. Великий Визирь Ибрагим паша (годы его службы 1718–1730) носил звание зятя Дамада – султана.

[10] В переводе Нордмана указывается название птицы Сунна, которую он называет *Gypaetus barbatus* – птица бородач из семейства ястребиных. При этом в оригинале приводится другое название, указанное в тексте выше.

[11] Мы предполагаем, что Нордман правильно интерпретировал название горы Каф как горы Кавказа.

двух полулистах, найден мною между бумагами покойного адмирала С.А. Пустошкина»[12].

Датировка плит разная: первая датируется 1797 г., вторая – 1798 г. Согласно этому переводу, автором надписи на второй плите был житель Анапы. Дальнейшая судьба мраморных плит оказалась связанной с черноморской эскадрой. Н.И. Веселовский считал, что черноморской эскадра вывезла из Анапы одну мраморную плиту с турецкими и арабскими надписями. Эта плита по распоряжению герцога Де Решилье, назначенного командиром Лейб-Кирасирского Его Величества полка, была снята со стены крепости и увезена в г. Николаев. Адмирал М.П. Лазарев, начальник Черноморского флота и портов, почетный член Одесского общества истории и древностей переслал в 1840 г. одну плиту в Одессу[13]. В коллекции древних памятников, присланных в Одессу из Николаева в 1840 г. кроме мраморной плиты хранился и какой-то карниз с турецкой надписью[14]. О дальнейшей судьбе этого карниза ничего неизвестно.

Первый перевод надписей анапской плиты был произведен в 1808 г. неизвестным автором. Публикация текста перевода была осуществлена в 1851 г. в книге Савваитова «Взятие Анапы эскадрою Черноморского флота под командою контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 г.» Сам османский текст в книге не опубликован.

«*Сия надпись сделана в память построения города Анапы Султаном Селимом*

Во время царствования Султана Селима сохранителя и покровителя своих подданных и законов Божиих сооружен им сей город для его войнов Преодолев все затруднения В сооружении оного помощником был Бог Ибо по соизволению и милости Его многие люди покорены Мустафа наш и Мустафа Ага, кои употребляли великие свои труды. А в знак памяти сделана надпись На сих прекрасных воротах. Прославлен Ты, о Великий Боже!

Сей камень поставлен 1797 года.

Султан Селим.

Мустафа Хан.

О Великий Боже! Без Твоего соизволения ничто не поколеблется Султан Селим имеет неограниченную власть Просит Тебя Великий

---

[12] *Савваитов П.И.* Взятие Анапы эскадрою Черноморского флота под командою контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 г. СПб.: Типография Военно-Учебных Заведений, 1851. С. 20.

[13] См.: *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк города Анапа. Петроград: Типография главного управления уделов, 1914. С. 43.

[14] Записки Одесского общества истории и древностей, 1844. С. 636.

Боже! Сохранить все грады его во веки. И как все города, во владении находящиеся, в продолжении жизни его благополучны; то и оный да будет таковым во веки! А враги его тому да удивятся! Он соорудил теперь город Анап. Жители оного да будут благополучны! Около его сделал прекрасные вороты и самые величайшие исполины не могут разрушить оных поставил на берегу Черного моря от лукавого врага охраним Богом. Да будет известно каждому, что надпись сия сделана в память сооружению города Анапы и вечное прославление Султана Селима. Сочинитель ее есть один из жителей города Анапы. 1798 года.

Уже вначале XX в. автор обстоятельного труда по истории Анапы Н.И. Веселовский считал перевод надписи, помещенный в «Записках Императорского Одесского общества истории и древности», неточным. По этой причине Веселовский в «Военно-историческом очерке города Анапа» дал новый перевод, выполненный востоковедом С.М. Шапшалом[15]. Мраморная плита на оборонительной стене крепости Анапа была установлена после возвращения крепости османам в результате русско-турецкой войны 1787–1791 гг., о чем и говорится в *тарихе*. Ниже приводится второй перевод турецкой надписи.

Посередине плиты изображен султанский шифр: «*Султан Селим хан, сын Мустафы-всегда победоносный*».

Направо арабское изречение: «*Стало то, чего желал Бог*».

Налево тоже арабское изречение «*Нет силы, кроме как у Бога*»

Далее идут турецкие стихи:

1–4. Царь султан Селим-хан, обладатель целого моря подданных-да укрепит Аллах твердыню его царства и самую жизнь его до страшного суда- доставляет народу безопасность, неукоснительно занимаясь реставрацией пограничных крепостей.

3–8. Под сенью его ожили все окраины и границы, а враги веры-на краю гибели и уничижения. Ныне достроив Анапскую крепость, он доставил радость населению. Ее основание – о чудный план!

9–12. Лопнут по всем направлениям точно пузыри, куполы девяти небес, когда комендант подожжет фитиль; и, смотря с Черного моря на пламя в момент разбрасывания им ночью огня, коварный враг должен уподобить этому грому и молнии.

13–16. О, Сурури! Посвятили ей (дате сооружения крепости) один целый стих, а я подобрал второй, и теперь стало две великих хронограммы: «Султан Селим заново соорудил Анапскую крепость»

---

[15] *Веселовский Н.Н.* Указ. соч. С. 33.

1212(1797) г. «Укрепление выстроил хан Селим, и стала Анапа бесподобной» 1212(1797) г.[16]

Исходя из текста надписи на мраморной плите, можно сделать вывод, что в нем было помещено два *тариха*, указывающие на одну и ту же дату восстановления крепости. 1212 г. по исламскому календарю начался в мае 1797 г.

Более подробное описание плиты дает И.С. Спафарис в работе «Принадлежащие музею Императорского Одесского общества истории и древностей предметы с арабскими, персидскими и турецкими надписями», опубликованной в «Записках Императорского Одесского общества истории и древностей» в 1915 г. Согласно Спафарису, перевод 1808 г. за подписью Мурзакевича целиком искажает смысл текста. Спафарис дал описание плиты. Памятник представляет собой больших размеров (высота 1.12, ширина 1.70 м и толщина 15 см) мраморную плиту с красивой турецкой надписью. В середине заглавия надписи, разделенной на три прямоугольника, рельефно выступает большая императорская печать султана, Селима III с ветками розы и бутоном по обеим сторонам[17].

Ниже предлагается османский текст *тариха* и его перевод, опубликованный И.О. Спафарисом.

ما·شا·الله·كاكا·لا·حولا·و·لا·قوات·يلا·بالله·

خسرو·دريا·حشم·سلطن·سلم·خان·كيم·حودا·حسن·ملكن·محكم·اتصن·حشردک·عمر·طويل·

شحلو·تمير·قلاع·سمت·سرخدات·يلا·خقه·امنيترسان·اولمقته·در·بى·قله·قيل·

سایاسنده·اولدى·ممر·جمله·سرحت·و·ثحور·فرقذى·عداى·دينى·اولمده·حردم·ضليل·

یاپتروب·شمدى·عناپه·قالسن·سكننه·باعشئ·سور·اولدى·بنيكى·ضحى·ترح·جميل

سوبسو·پتلر·حباب·اسه·قباب·نه·فلک·توپينه·دذدرى·اولسا·اتش·افروز·فتيل

ساير·اديپ·بحر·سياه·اوزره·علوپاث·اولديعن·شبته·رعد·و·بركه·بان·ضتمک·يراک·حسمى·موحيل

اى·سرورى·سويلمشلر·تم·بر·مصر·عكه·برده·بن·بولدوم·كى·اولدى·يكى·تريحى·جليل

اتى·نو·بونيد·اناپه·قلعسن·سلطن·سلم·خان·١٢١٢

حسن·ياپتى·خان·سلم·اولدو·اناپه·بى·اديل١٢١٢...

---

[16] Там же. С. 34.

[17] *Спафарис И.О.* Принадлежащие музею Императорского Одесского Общества Истории и древностей предметы с арабскими персидскими и турецкими надписями // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII. Одесса, 1915. С. 148.

As-Sultan ibni asi Sultan As-Sultani Bazi Salim hanı salis ibn as-Sultan Mustafa hanıs-salıs al-muzaffarı daimi

Ma şa Allahu Kana la havla va la kuvvata illa billahil Ali-i-Azzimi

Hosrevi derya haşem Sultan Selim Han Kim Huda hısnı milkin muhkem etsin

haşredek ömri tavil

Şuhlu tamiri kılayi semti serhaddat ile hakka emniyetresan olmakta dır bi kalu kıl

Sayesinde oldu mamur cumla serhat ve suhur fırkazı adayı dini olmada herdem zelil

Yaptırın şimdi Anapa kalasın sukkanına bayası sur oldu bunyanı zahi tarhı cemil

Subesi patlar habab asa kıbabı nuh felek topuna dizdari ulasa ateş efruz fitil

Sair edip bahrı siyah üzere alevpaş olduğun tepte rad u barka benzetmek yerek hasmi muhil

Ey Sururi söylemişler tam bir misra ana birde ben buldum ki oldu iki tarihi calil

Yetti nev bunyad Anapa kalasın Sultan Selim 1212 Hısnı yaptı Han Selim oldu Anapa bi adil 1212(1797)[18].

Что Бог соизволит, то и будет, ибо нет иной мощи, ни власти кроме как в Боге Всевышнем Великом.

Владыка моря могущественный Султан Селим Хан – крепости власти (царства) коего да утвердит (упрочит) Бог до дня воскрешения и суда, жизнь продолжительную (свою).

Проводя в занятиях по реставрации крепостей (находящихся) в областях по всем пограничным (с другими государствами) линиям без шума и разговоров, он продолжает доставлять (подвластному себе) народу (полную) безопасность (и благополучие).

Благодаря ему (даже) все границы и пределы (государства) приведены в состояние полного расцвета, а группы людей принадлежащих к врагам веры Его подвергаются (Им) постоянно унижению (позору)

Повелев ныне сооружение крепости Анапы, населению ее даровал. Он радостный праздник (ликования). По истине, прекраснопланомерное (фундаментальное) сооружение ее крепости.

---

[18] Там же. С. 150.

Как пузыри, лопается по всем сторонам купола девяти (путей) небесных пламя, когда комендант крепости приближается к ее пушкам, фитиль зажигающий огонь.

А враг коварный созерцая как она (крепость) по Черному морю рассыпает пламя вокруг себя, должен будет уподобить (сравнить это явление) грому и молнии (сверкающей) в ночную пору.

О Сурури (знай, что) уже сказали (другие поэты в честь его Султана или ее крепости) одно полное полустишие (для изображения ее) хронограммы, а я изобрел еще одно полустишие и (таким образом) получились две великолепные хронограммы:

1) Положил основу Анапской крепости Султан Селим 1212(1797) г.

2) Крепость воздвиг Хан Селим, стала Анапа бесподобной 1212(1797) г.[19]

И.О. Спафарис оспорил утверждение, что автором этих стихов является житель Анапы. В тексте, переведенном как С.М. Шапшалом, так и И.О. Спафарисом, мы находим имя хронографа Османа Сурури, являвшегося современником султана Селима III, который согласно Спафарису и был автором этих *тарихов*[20].

В работе Л.И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 3» мы находим упоминание о турецкой надписи на каменной плите, которая находилась на воротах Анапской крепости. Лавров обобщает сведения о плите из Анапы и дает русский перевод тариха, осуществленный Спафарисом в 1915 г.[21]

В вышеупомянутой работе Л.И. Лаврова даются ценные сведения об эпиграфических памятниках Северного Кавказа XVIII–XIX вв. При наличии данных об эпитафиях (на арабском и османском языках), найденных на Западном Кавказе в указанный период, отсутствуют сведения о тарихах Суджук-кале, Тамани и Сухум-кале.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении *тарихи* ряда османских крепостей черноморского побережья Кавказа (Тамани, Темрюка, Суджук-кале, Анапы и Сухума), несмотря на свою лапидарность, дают весьма любопытную информацию о хронологии и деталях османского проникновения и военного присутствия в этом регионе. Турецкое крепостное строительство, судя по *тариху* Темрюкской крепости, начинается здесь уже в 921 (1515–1516) г.х.

---

[19] Там же. С. 153–154.

[20] Там же. С. 155.

[21] См.: *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, часть 2 надписи XVIII–XX вв. Москва: Наук», 1968. С. 78.

при султане Селиме I. При Мураде в 983 (1575–1576) г. эта крепость была благоустроена. В эпоху Ахмеда III (1703–1730) с активизацией османской политики в регионе строится ряд новых крепостей, таких как Суджук-кале, Фаш и Сухум. Об этом недвусмысленно свидетельствует Новороссийская плита и *тарих* из Сухума, который был переведен А. фон Нордманом и обнаружен мною в Стамбуле в музее «Топкапы». В конце XVIII в. османы предпринимают новую волну крепостного строительства, возводя укрепления Анапы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк города Анапа. Пг.: Типография главного управления уделов, 1914.
2. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I с XVI в. литографированными листами. Одесса, 1844.
3. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968.
4. *Нордман фон Александр.* Путешествие по Закавказскому краю // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1838.
5. *Новичихина (Зажигина) Л.Ю.* Анапская надпись 1797 г. К вопросу о «Судьбе одного исторического памятника» // Древности Кубани. Вып. XIV. 1999.
6. *Савваитов П.И.* Взятие Анапы эскадрою Черноморского флота под командою контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 г. СПб.: Типография Военно-Учебных Заведений, 1851.
7. *Спафарис И.О.* Принадлежащие музею Императорского Одесского Общества Истории и древностей предметы с арабскими персидскими и турецкими надписями // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII. Одесса, 1915.
8. *Челеби Э.* Книга Путешествий. Вып. 2. М.: Наука, 1979.
9. *Bilge Müfit Sadık.* Osmanlı Çağında Kafkasya *1454–1829*. İstanbul: Kitabevi, 2012.
10. Evliya Çelebi siyahatnamesi 7 çilt. İstanbul metbuası, 1928.

Anri R. Chediya

TARIKHS AS SOURCES ON THE HISTORY OF THE OTTOMAN POSSESSIONS IN THE WESTERN CAUCASUS

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

Tarikhs from several Ottoman fortresses of the Caucasus Black Sea coast (Taman, Temryuk, Sudjuk-kale, Anapa and Suhum-kale), despite their lapidary form, provide us information about the history and details of the Ottoman penetration and military presence in the region. According to the Temryuk fortress *Tarih*, the Turkish fort construction started there in 925 AH (Anno Hijri), during the reign of Sultan Suleiman. This fort was further developed in 983 AH, during the reign of sultan Murad (1575–1576). Under Sultan Ahmed III (1703–1730) a number of new forts were built in the region with the activation of the Ottoman policy, such as Sudjuk-

kale, Fash and Suhum-kale. *Tarih* of Suhum-kale was discovered and translated by A. von Nordmann. Finally, at the end of the XVIII century the Ottomans started a new phase of fortress construction by building fortifications of the Anapa fortress.

Key words: The Ottoman Empire, The Black Sea, Western Caucasus, tarihs, Anapa, Sudjuk-kale, Taman, Suhum-kale.

About the author: *Anri R. Chediya* – PhD student, Depatment of Central Asia and Caucasus, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: chedia@inbox.ru).

REFERENCES

1. Veselovskii N.I. *Voenno-istoricheskii ocherk goroda Anapa*. (Military and historical essay of Anapa) Petrograd: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 1914. (In Russ.)
2. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Notes of the Odessa Society of History and Antiquities). Tom I s XVI v. litografirovannymi listami. Odessa, 1844. (In Russ.)
3. Lavrov L.I. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Chast' 2. Nadpisi XVIII-XX vv.* (Epigraphic Monuments of the Northern Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 2, 18–20 cent. Inscriptions). Moskva: Nauka, 1968. (In Russ.)
4. Nordman fon Aleksandr. *Puteshestvie po Zakavkazskomu krayu* (Travelling across the Transcaucasian Region). SPb.: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1838. (In Russ.)
5. Novichikhina (Zazhigina) L.Yu. *Anapskaya nadpis' 1797 g. K voprosu o "Sud'be odnogo istoricheskogo pamyatnika"* (The 1797 Anapa Inscription. On the fate of a historical monument). Drevnosti Kubani. Vyp. XIV. Krasnodar, 1999. (In Russ.)
6. Savvaitov P.I. *Vzyatie Anapy eskadroyu Chernomorskogo flota pod komandoyu kontr-admirala S.A. Pustoshkina v 1807 g.* (The Capture of Anapa by the Black Sea fleet under the command of rear-admiral S.A. Pustoshkin in 1807). SPb.: Tipografiya Voenno-Uchebnykh Zavedenii, 1851. (In Russ.)
7. Spafaris I.O. *Prinadlezhashchie muzeyu Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i drevnostei predmety s arabskimi persidskimi i turetskimi nadpisyami* (Items with Arabic, Persian and Turkish inscriptions belonging to the museum of the Imperial Odessa society of History and Antiquities). Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. T. XXXII. Odessa, 1915. (In Russ.)
8. Chelebi Evliya. *Kniga Puteshestvii* (Book of Travel). Vyp. 2. M.: Nauka, 1979. (In Russ.)
9. Bilge Müfit Sadık. Osmanlı Çağında Kafkasya 1454–1829 (The Caucasus during the Ottoman rule in 1454–1829). İstanbul: Kitabevi, 2012. (In Turkish)
10. Evliya Çelebi siyahatnamesi 7 çilt. İstanbul metbuası, 1928 (Book of Travel). (In Ottoman Turkish)

И.Б. Спектор

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДЕЛИ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОНГРЕССИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается развитие политической жизни в Дели в 1940–1960 гг. Особое внимание уделяется эволюции индусского националистического движения – созданию и раннему этапу деятельности партии БДС (Бхаратия джана сангх – Индийский народный союз). Изучение политической обстановки в Дели дает возможность говорить о том, что с самого момента независимости в Индии существовали влиятельные оппозиционные силы, способные соперничать с ИНК на местах.

Ключевые слова: Республика Индия, Дели, региональная политика, индусский национализм, индусские националистические организации.

После достижения Индией независимости в 1947 г. начинается тридцатилетний период доминирования на политической арене партии Индийский национальный конгресс. На первых парламентских выборах в 1951 г. ИНК получил почти половину голосов избирателей и абсолютное большинство мест в нижней палате (363 из 489)[1]. До 1977 г. партия стабильно одерживала победу на всех общенациональных выборах. В 1950-е годы же монополия на власть ИНК и его лидера Джавахарлала Неру и вовсе казалась неоспоримой.

Для внешнего наблюдателя может показаться странным резкое усиление оппозиционного движения в 1970-х годов и успехи оппозиции в борьбе с Конгрессом. На наш взгляд, исследуя историю оппозиционных Конгрессу партий, необходимо уделять особое внимание тому периоду, когда в силу ряда причин (прежде всего – мажоритарной системы выборов, обеспечивающей абсолютное преимущество победившей партии), они были малозаметны. В пер-

Спектор Илья Борисович – аспирант кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: spektorilya93@gmail.com).

[1] Statistical Report On General Elections, 1951 To The First Lok Sabha, New Delhi, 1951. V. I. P. 43.

вую очередь, речь идет о так называемой эпохе Неру (1947–1964). В эти годы оппозиция не могла составить серьезной угрозы ИНК на общенациональном уровне. Тем интереснее рассмотреть те немногочисленные примеры индийских штатов и территорий, в которых в 1940-е – 1950-е годы происходила реальная политическая борьба. В качестве примера мы рассматриваем ситуацию в Дели – исход политического противостояния в столице оказывал серьезное влияние на ситуацию в стране.

Кроме того, в Дели существовала очень сильная оппозиция Индийскому национальному конгрессу. В первые десятилетия независимости именно крупные города Индии являлись базой оппозиции в то время, как Конгресс побеждал за счет огромной массы сельских избирателей. Кроме Дели существовали и другие регионы, где положение Конгресса было непрочно, но основной оппозиционной силой там чаще всего были движения левого толка. В Дели же эту роль играли индусские националисты – предшественники ныне правящей Бхаратия джаната парти[2].

Политические настроения жителей Дели во многом определились в последние десятилетия колониальной эпохи. В 1911 г. столица Британской Индии была перенесена из Калькутты в Дели. Не в последнюю очередь это было сделано из-за гораздо более спокойной политической обстановки в Дели. Даже после обретения столичного статуса Дели не стал в полной мере центром деятельности ИНК. Интересным показателем роли Дели для партии являются места проведения съездов Конгресса. До 1947 г. ИНК провел 54 съезда – из них девять в Калькутте, по шесть – в Бомбее и Мадрасе и по три – в Дели, Лахоре и Аллахабаде[3].

Совершенно иную роль играл Дели для Мусульманской лиги, фактически став главным центром мусульманской общественно-политической жизни. Следует помнить, что до событий 1947 г. в Дели была гораздо более высокая доля мусульман – в 1901 г. они составляли 24% населения. Недалеко от города располагался мусульманский интеллектуальный центр – Алигархский университет. Можно сказать, что Дели стал одним из центров борьбы за Пакистан, не войдя позднее в его состав. Мусульманская лига до 1947 г. провела 32 съезда, из них шесть в Дели – больше чем в каком-либо другом индийском городе.

---

[2] Индийская народная партия.

[3] Indian National Congress. INC Sessions. URL: http://inc.in/INCSessions.aspx (дата обращения: 18.01.2017).

Влияние индусских националистов в Дели до середины 1940-х городов было несравнимо с ролью ИНК или Мусульманской лиги. Несмотря на то что в северных и северо-западных районах Индии у партии Хинду махасабха[4] было наибольшее число сторонников, даже там она не могла соперничать с Конгрессом за избирателей-индусов. Несколько большим влиянием в городе пользовались индусские общественные организации, в том числе созданный в начале 1920-х годов Раштрия сваямсевак сангх[5]. РСС возник в Махараштре, но уже в начале 1930-х годов первые шакхи (отделения) РСС появились на севере страны. Первоначально группы членов организации возникали в районах, где преобладало неиндусское население. Отделение РСС появилось в Дели в середи1930-х годов, еще при К.Б. Хедгеваре, первом руководителе организации[6].

Главным последствием раздела Британской Индии было уменьшение доли мусульманского населения до 11–12% и изменение социального состава мусульманской общины. Непропорционально большую долю эмигрантов составляли представители образованных слоев, мусульманская община Дели фактически потеряла политическое руководство. Вместе с тем, увеличилась роль индусов и индусского фактора в политике. В Дели из Панджаба, Синда и прочих территорий, отошедших к Пакистану, прибыло огромное количество вынужденных мигрантов. Столица была местом, где наблюдалась наибольшая концентрация беженцев по всей территории страны. Согласно переписи 1951 г., из 1 744 тыс. жителей Дели 475 тыс. (т.е. более 27% населения) родились на территориях, вошедших в состав Пакистана[7]. Абсолютное большинство из них прибыло в Дели именно в 1947–1948 гг.

Аналогичный поток беженцев-мусульман двинулся в 1947 г. из Индии в Пакистан, но там беженцы (мухаджиры) стали основой нового государства, заняв ключевые места в политике и в армии. Индусские же мигранты были небезосновательно недовольны своим местом в стране.

И до раздела Британской Индии ИНК был не слишком популярен среди индусов северо-западных провинций, среди которых велико было число сторонников ХМС. Теперь же многие беженцы винили Конгресс во всех своих бедствиях, считая Ганди и Неру «предателя-

---

[4] Великое собрание индусов.

[5] Организация национальных добровольцев.

[6] *Andersen W.K.* The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism. New Delhi, 1987. P. 38.

[7] *Yadav S.* The Invasion of Delhi. Gurgaon, 2008. P. 20.

ми индусских интересов». Показательно, что после убийства Ганди полиция активно искала организаторов именно в кругах пакистанских беженцев, несмотря на то, что преступление совершила группа выходцев из Махараштры.

РСС до 1947 г. имел сильные отделения в Карачи, Лахоре и других крупных городах будущего Пакистана. Непропорциональное количество деятелей организации и будущих индусских националистических политиков вышли из кругов беженцев. Л.К. Адвани, многолетний президент БДП и будущий министр внутренних дел, возглавлял отделение РСС в своем родном Карачи. Б. Мадхок, создатель партийной организации индусских националистов, перебрался в Индию из пакистанской части Кашмира. В Дели члены РСС развернули работу по помощи беженцам, привлекая последних на свою сторону.

К августу 1947 г. РСС стал одной из самых влиятельных сил в городе. К этому времени более 20% членов организации было сосредоточенно в Дели и Панджабе[8]. Представители делийских властей встречались с М.С. Голвалкаром, вторым руководителем РСС, обсуждая вопросы недопущения анархии в столице[9]. Многие делийские конгрессисты более, чем сочувственно относились к сваямсевакам.

Одновременно происходила перегруппировка сил в политическом крыле лагеря индусских националистов. ХМС была дискредитирована после убийства Ганди, организатором которого называли ее лидера В.Д. Саваркара. Возникла необходимость создания общенациональной политической силы, представлявшей индусских националистов. Естественно, такая сила могла создаваться только в Дели. Лидером новой партии стал Ш.П. Мукерджи – единственный представитель индусских националистов, входивший в правительство Неру. В 1950 г. Мукерджи вышел из правительства в знак протеста против соглашения с Пакистаном. Вскоре он вышел и из ХМС, руководство которой не желало адаптироваться к новым условиям. Мукерджи собрал вокруг себя группу политиков федерального уровня, но без низовых организаций. Такая группа нуждалась в союзе с массовым индусским движением и единственным вариантом был союз с РСС. С весны 1950 г. велись переговоры между Мукерджи и Голвалкаром. О подробностях этих переговоров нет достоверных данных, но можно предположить, что обсуждалось участие людей

[8] *Jaffrelot C.* Religion, Caste, and Politics in India. New Delhi, 2010. P. 191.

[9] *Andersen W.K.* The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism. New Delhi, 1987. P. 49.

из РСС в новой партии – БДС. Никакими письменными обязательствами соглашения Голвалкара и Мукерджи скреплены не были (неформальность соглашений вообще стала нормой для отношений между РСС и БДС–БДП).

Летом 1951 г. Мукерджи и его сторонники (Б. Мадхок, М.Ч. Шарма) основывают региональные отделения партии и готовятся к общенациональной конференции, которая и была проведена в Дели 21 октября 1951 г. Состав избранного на конференции рабочего комитета достаточно точно отражает первоначальную структуру БДС. Из 18 членов РК только один представлял юг страны. Также в РК состояли четыре члена РСС (в том числе Упадхьяя и Мадхок). Видно, что в это время РСС еще не стремился полностью контролировать партию. Организация продвигала в руководство БДС своих представителей, но Мукерджи, в то время пытавшийся создать альянс оппозиционных сил, ее вполне устраивал. Смерть Мукерджи в июне 1953 г. не только повлекла за собой распад только что начавшего консолидироваться альянса правой оппозиции, но и вызвала кризис в самом БДС. За короткое время члены РСС полностью взяли контроль над партией в свои руки, оттеснив сторонников Мукерджи и сместив президента Шарму. Генеральным секретарем и фактическим лидером БДС на долгие годы (пост президента потерял свою значимость) стал Диндаял Упадхьяя. В отличие от других деятелей РСС 1930–1940-х годов Упадхьяя происходил не из Махараштры. Он родился в традиционной индусской семье в Джайпуре, а во время обучения в Канпуре стал членом РСС. С середины 1940-х годов Упадхьяя фактически руководил деятельностью организации в Соединенных Провинциях. Став одним из руководителей БДС с момента основания партии, он занимался организационными вопросами, одновременно редактируя делийский журнал РСС. Именно при Упадхье произошла трансформация БДС в массовую партийную организацию индусских националистов. Сильно укрепилась и делийская организация – если в 1951 г. в новосозданном БДС было 12 тыс. членов, то к 1959 г. их число достигло 20 тыс., а к 1968 г. после успехов на национальных и региональных выборах – 50 тыс.[10] Несмотря на медленный рост числа членов в 1950-е годы, БДС был самой крупной партией в Дели после Конгресса.

В 1960-е годы БДС пытался расширить электорат, выйдя за пределы своей базы – беженцев из Пакистана и местных высоко-

---

[10] *Puri G.* Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study. New Delhi, 1980. P. 36.

кастовых индусов. Партия хочет распространить свое влияние на низкокастовых, сикхскую общину и мусульман Старого города. Некоторые лидеры мусульманской общины были недовольны политикой Конгресса, плохо отражавшей их интересы (позднее такое недовольство распространится среди всех мусульман Индии). Они приняли решение поддержать БДС, как единственную альтернативу Конгрессу на уровне города. По утверждению партийных деятелей БДС, в конце 1960-х в городе было уже 2 тыс. мусульман-членов БДС[11]. В 1967 г. партия впервые выдвигает на муниципальных выборах кандидата-мусульманина Анвара Али Дехлеви, победившего в своем округе. Важно отметить, что БДС не пытался создать мусульманскую организацию с нуля, а поддерживал самостоятельных кандидатов, составляющих оппозицию Конгрессу. Такой союз совершенно не гарантировал того, что мусульмане голосовали бы за индусов-кандидатов БДС на общенациональных выборах.

В 1950-е годы Дели чаще всего становится центром общенациональных кампаний БДС – за права беженцев, за решение кашмирского вопроса, изгнание португальцев из Гоа, запрет убоя коров. Все эти кампании активно поддерживал и РСС. Одной из наиболее громких стала кампания по «индианизации» *(«бхартиякаран»*), развернутая Мадхоком, возглавившим городское отделение партии. «Даже после семи лет независимости» – говорилось в 1953 г. в резолюции делийского комитета БДС – «дороги, улицы и парки Дели носят имена иностранцев, порабощавших страну»[12]. БДС требовал переименования объектов в Дели в честь «героев борьбы за независимость», прежде всего деятелей индусского движения. По сравнению с избирателями в сельских регионах жители Дели гораздо более остро реагировали как на подобные идеологические кампании индусских националистов, так и на события общенационального и международного характера.

Кроме проблемы «индианизации», БДС старался уделять внимание и повседневной жизни Дели. Депутаты от партии в муниципальном собрании обвиняли конгрессистскую администрацию в неграмотной транспортной политике, утверждая, что общественный транспорт в Дели существенно дороже, чем в Бомбее и Калькутте. Вместе с тем БДС противился передаче автобусного сообщения в собственность города, отстаивая права частных перевозчиков. Основные социальные программы, продвигаемые БДС, были связа-

[11] Ibid. P. 41.

[12] *Puri G.* Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study. New Delhi, 1980. P. 67.

ны с поддержкой беженцев. Партия требовала легализации жилья, построенного переселенцами из Пакистана, приоритетного возведения школ в переселенческих колониях. В отличие от остальных территорий в Дели не стоял остро вопрос земельной реформы, раскалывавший руководство БДС. Кастовые вопросы имели для делийского избирателя несколько меньшее значение, чем для избирателей деревенских. Казалось бы, кастовая структура руководства БДС в Дели должна была бы быть из-за этого более сбалансированной. Однако к 1973 г. в Чандни Чоук среди партийных работников было 87% высококастовых и только 9,6% далитов[13].

Организация БДС в Дели была создана в июле 1951 г. В октябре того же года прошли выборы в муниципальный совет, первые выборы в которых приняла участие партия. БДС получила 14% голосов (против 84% голосов у Конгресса). В 1952 г. прошли первые выборы в законодательное собрание Дели, ставшие крайне удачными для Бхаратия джана сангх. Несмотря на то что партия смогла провести в законодательное собрание всего пять кандидатов из 47, за БДС отдали голоса 21,9% избирателей[14]. Это значит, что БДС получил в Дели в семь раз больше голосов, чем в среднем по стране на первых выборах в Лок сабху.

На выборах 1951 г. БДС получил 22%, в тех округах, где выставлялись его кандидаты – 29%. Индусские националисты были фактически единственной оппозиционной силой в Дели. БДС взял пять округов из 47, ХМС – еще один. Кроме индусских националистов и Конгресса, в выборах участвовали также социалисты (Социалистическая партия Дж. Нараяна и КМПП[15] Дж. Крипалани) – обе партии набрали по 2% голосов. КПИ выдвинула всего одного кандидата.

На прошедших в том же году общенациональных парламентских выборах БДС получил в Дели 26% голосов, две остальные индусские националистических партии – ХМС и РРП – по 0,5%[16]. Характерной чертой выборов в Дели был сравнительно низкий по сравнению с остальными штатами процент голосов полученный независимыми кандидатами – всего 12%. Это связано с тем, что за термином «независимые» в Индии 1950-х годов скрывались представители земельной аристократии. Большой процент «независимых» говорит

---

[13] Ibid. P. 82.

[14] Statistical Report On General Elections, 1951 To The Legislative Assembly of Delhi. New Delhi, 1951. P. 6.

[15] Кисан маздур праджа парти – Крестьянско-рабочая народная партия.

[16] Statistical Report on General Elections, 1951 To The First Lok Sabha. New Delhi, 1951. V. 1. P. 66.

о неразвитости партийной политики в регионе. В Дели также не была возможна характерная для провинции ситуация выдвижения нескольких кандидатов- «однопартийцев» по одному округу.

На выборах 1951 г. Конгресс уступил одно место от Дели в Лок сабхе КМПП. Эта партия была далеко не самой влиятельной оппозиционной силой. Успех партии в Дели объясняется тем, что в столице от нее баллотировалась Сучета Крипалани – участница антиколониального движения и супруга основателя партии А. Крипалани. В своем округе она сравнительно легко победила Манмохини Сахгал – кузину Неру, впервые принимавшую участие в политической борьбе. Крипалани стала депутатом Лок сабхи, но противоречия между КМПП и ИНК были минимальны – вскоре Крипалани вступила в Конгресс, а в 1963–1967 гг. даже возглавляла правительство Уттар-Прадеш.

Полноправный законодательный орган действовал в Дели недолго. С начала 1950-х годов существовали различные проекты реорганизации управления городом. Часть конгрессистов продвигала проект «Большого Дели» – объединения столицы с хиндиязычными районами Панджаба и частью западных районов Уттар-Прадеш в самостоятельный штат. Проект не поддерживался собственно делийскими деятелями, опасавшимися того, что интересы сельских регионов перевесят интересы Дели. Против концепции «Большого Дели» выступал и БДС. В итоге штат так и не был создан, а Дели стал союзной территорией. Вместе с новым статусом в 1956 г. была упразднена и законодательная ассамблея. Городская политическая жизнь сконцентрировалась вокруг выборов в муниципальный совет.

Вопрос о присвоении Дели статуса штата постоянно поднимался различными политическими силами, в зависимости от текущей ситуации. В 1954 г. БДС настаивал на том, что Дели должен управляться напрямую союзным правительством. Ситуация изменилась в конце 1960-х – после победы на муниципальных выборах партия стала добиваться прав штата для Дели.

В марте 1958 г. прошли первые выборы в новый муниципальный совет. Конгресс получил 31 место из 80, БДС – 25[17]. К этому времени произошло разделение города по политическим предпочтениям, не менявшееся в течение нескольких десятилетий. БДС побеждал в пригородах и в районах, где расселились беженцы из Панджаба, Конгресс – в Старом городе. В 1958 г. наиболее сильные позиции у БДС были в районе Пахарганджа (четыре депутата из пяти), Шахд-

[17] *Smith D.E.* South Asian Politics And Religion. Princeton, 1966. P. 94.

хары (все четыре) и в лагерях беженцев (восемь из 15)[18], а наиболее слабые – в сельских районах, недавно включенных в состав национальной столичной территории, в Карол Багхе и мусульманских районах Старого города.

После этих выборов в муниципальном совете сложилась сильная оппозиция Конгрессу. Помимо БДС, фракцию в муниципальном совете также сформировали и коммунисты, вступившие в коалицию с ИНК. Однако, после того как Неру в 1958 г. отправил в отставку коммунистическое правительство в Керале, КПИ отказало в поддержке Конгрессу. В муниципальном совете сформировалась парадоксальная коалиция БДС и КПИ. Адвани утверждает, что между партиями было заключено письменное соглашение[19]. В 1958 г. БДС поддержал кандидатуру Аруны Асаф Али, члена КПИ и героини национально-освободительного движения, на пост мэра Дели. На следующий год коммунисты поддержали кандидатуру Кедарнатха Сахани – члена БДС и РСС.

На выборах 1957 г. результаты БДС ухудшились. В Нью-Дели Крипалани, на этот раз выдвинувшаяся от ИНК, легко победила кандидата от БДС, набрав более 70% голосов[20]. В остальных трех округах сложилась гораздо более интересная ситуация. В районе Чандни Чоук (Старом Дели) победа Конгресса была не столь очевидна. Кандидат от БДС набрал 31% голосов, а кандидат от Народно-социалистической партии Мир Муштак Ахмед – 24%. В последнем случае важна скорее не партийная, а конфессиональная принадлежность кандидата – стало очевидно, что делийские мусульмане представляют собой самостоятельную силу. Естественно, они не могли поддержать индусских националистов, главную альтернативу ИНК в Дели. Но это не значило, что их лояльность Конгрессу была абсолютной. В округе Дели Садар кандидаты от ИНК и БДС практически поровну поделили голоса избирателей – 54 против 41%.

На выборах 1962 г. Конгресс вновь победил во всех избирательных округах, но нужно отметить и улучшение результатов БДС – ни в одном из округов партия не получила менее 25% голосов. Мусульмане в Чандни Чоук выдвинули независимого кандидата, который набрал 18% голосов, усложнив для ИНК победу в округе. Округ Карол Багх был зарезервирован для представителей зареги-

---

[18] *Puri G.* Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study. New Delhi, 1980. P. 115.

[19] *Advani L.K.* My Country My Life. New Delhi, 2008. P. 105.

[20] Statistical Report on General Elections, 1957 To The Second Lok Sabha. New Delhi, 1957. V. I. P. 107.

стрированных каст. Этим попыталась воспользоваться основанная Б.Р. Амбедкаром Республиканская партия, претендовавшая на выражение интересов всех далитов. Однако ее кандидат в Карол Багхе уступил не только конгрессисту, но и представителю БДС[21]. Слабость самостоятельного низкокастового движения характерна для Дели – впоследствии низкие результаты будут и у других партий, представлявших низкокастовые группы. Республиканцы не смогли добиться успеха, но раскололи электорат Конгресса, сыграв на руку индусским националистам.

Влияние БДС укреплялось на протяжении всего периода правления Неру – уже в 1950-х – начале 1960-х годов это была сильнейшая оппозиционная партия в столице. Ослабление Конгресса на парламентских выборах 1967 г. совпало с триумфом БДС. Партия получила шесть мест из семи мест в парламенте от Дели. В 1971 г. партия получила абсолютное большинство мест в муниципальном совете (53 из 100).

На примере Дели можно наблюдать успешное развитие оппозиционной силы в Индии 1940-х – начала 1960-х годов БДС смог консолидировать протестный электорат, избежать расколов и сделать Дели одним из центров своего влияния. Во многом это объясняется специфической организацией индусского политического движения – его централизованным характером и подчинению руководству РСС. В то же время нельзя не обратить внимания, что описываемый на примере Дели процесс (постепенное усиление индусских националистов и ослабление ИНК) повторился затем в большинстве северо-индийских штатов, и Дели определил настроения хиндиязычного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л.* История Индии. М., 2010.
2. *Куценков А.А.* Многоликая хиндутва // Восток. 2010. № 2. С. 73–94.
3. *Advani L.K.* My Country My Life. New Delhi, 2008.
4. *Andersen W.K.* The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism. New Delhi, 1987.
5. *Baxter C.* The Jana Sangh – A Biography of an Indian Political Party. Philadelphia, 1969.
6. Bharatiya Jana Sangh. Party Documents. Delhi, 1973.
7. *Brass P.* The Politics of India Since Independence. Cambridge, 1994.
8. Statistical Report On General Elections, 1951 To The First Lok Sabha. New Delhi, 1951.
9. Statistical Report On General Elections, 1957 To The Second Lok Sabha. New Delhi, 1957.
10. Statistical Report On General Elections, 1962 To The Third Lok Sabha, New Delhi, 1962.

[21] Statistical Report On General Elections, 1962 To The Third Lok Sabha, New Delhi, 1962. V. I. P. 162.

11. *Graham B.D.* Hindu Nationalism and Indian Politics: The Origins and Development of the Bharatiya Jana Sangh. Cambridge, 1990.
12. *Jaffrelot C.* Religion, Caste, and Politics in India. New Delhi, 2010.
13. *Jaffrelot C.* The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics: 1925 to the 1990s. New Delhi, 1999.
14. *Kanungo P.* RSS Tryst with politics. From Hedgewar to Sudarshan. Delhi, 2003.
15. *Legg, S.* Spaces of Colonialism: Delhi's Urban Governmentalities. Oxford, 2007.
16. *Puri G..* Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a case study. New Delhi, 1980.
17. *Smith D. E.* South Asian Politics and Religion. Princeton, 1966.
18. *Yadav S.* The Invasion of Delhi. Gurgaon, 2008.

Ilya B. Spektor

THE POLITICAL LIFE IN DELHI: THE ORIGINS OF THE ANTI-CONGRESS OPPOSITION IN THE INDEPENDENT INDIA

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

The article is devoted to the analysis of the political life in Delhi in 1940s–1960s with the special attention to the development of the Hindu nationalist movement – the emergence and the early phase of BJS (Bharatiya Jana Sangh – Indian Popular Union). The author emphasizes the crucial role of RSS (Rashtriya Swayamsevak Sangh – National Volunteer Organisation) in the consolidation of the anti-Congress opposition movement in the early 1950s. The analysis of the changing political situation in the Indian capital is based on the results of the national and regional elections in Delhi. The consequences of the Partition of British India also had a significant impact on the political preferences of the population of Delhi. The study of the political life in Delhi reveals the fact that powerful opposition parties, which could challenge INC at the regional level, were active in India since independence.

Key words: Republic of India, Delhi, regional politics, Hindu nationalism, Hindu nationalist organizations.

About the author: *Ilya B. Spektor* – postgraduate student, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies (e-mail: spektorilya93@gmail.com).

REFERENCES

1. Alayev L.B., Vigasin A.A., Safronova A.L. *Istoriya Indii (History of India).* M.: Drofa, 2010.
2. Kutzenkov A.A. *Mnogolikaya Hindutva (A Diverse Hindutva).* 2010, № 2, pp. 73–94.
3. Advani L.K. *My Country My Life.* New Delhi: Rupa Publications India Pvt. Ltd., 2008.
4. Andersen W.K. *The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism.* New Delhi: Vistaar Publications, 1987.
5. Baxter C. *The Jana Sangh – A Biography of an Indian Political Party.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.
6. *Bharatiya Jana Sangh. Party Documents.* Delhi: Vithalbhai Patel Bhavan, 1973.

7. Brass P. *The Politics of India Since Independence.* Cambridge University Press, 1994.
8. Graham B.D. *Hindu Nationalism and Indian Politics: The Origins and Development of the Bharatiya Jana Sangh.* Cambridge University Press, 1990.
9. Jaffrelot C. *Religion, Caste, and Politics in India.* New Delhi: Primus, 2010.
10. Jaffrelot C. *The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics: 1925 to the 1990s.* New Delhi: Penguin Books, 1999.
11. Kanungo P. *RSS Tryst with politics. From Hedgewar to Sudarshan.* Delhi: Manohar Publishers, 2003.
12. Legg S. *Spaces of Colonialism: Delhi's Urban Governmentalities.* Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2007.
13. Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a case study.* New Delhi: Sterling Publishers, 1980.
14. Smith D.E. *South Asian Politics and Religion.* Princeton University Press, 1966.
15. *Statistical Report On General Elections, 1951 To The First Lok Sabha,* New Delhi: Election commission of India, 1951.
16. *Statistical Report On General Elections, 1957 To The Second Lok Sabha,* New Delhi: Election commission of India, 1957.
17. *Statistical Report On General Elections, 1962 To The Third Lok Sabha,* New Delhi: Election commission of India, 1962.
18. Yadav S. *The Invasion of Delhi*, Gurgaon: Worldwide Books, 2008.

О.С. Панова

СОЧИНЕНИЕ «ОЦЕНКИ ПРОСЛАВЛЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ ЦАРСТВУЮЩЕЙ ЭПОХИ», И ЕГО МЕСТО В КИТАЙСКОЙ ЗНАТОЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Российский Государственный Гуманитарный Университет
125993, Москва, Миусская пл., д. 6

В статье предлагается анализ сочинения «Оценки прославленных художников эпохи Сун», одного из наиболее ранних источников о деятельности китайских мастеров живописи конца X – первой половины XI в. Последовательно рассматривается структура и содержание сочинения, освещаются источниковедческие проблемы, а также определяется его место в китайской знаточеской традиции.

Ключевые слова: история китайской живописи, эпоха Северная Сун, биографии художников, Лю Даочунь, категории «пинь», знаточество в Китае.

Сочинение «Оценки прославленных художников царствующей династии» *Шэн чао мин хуа пин* 圣朝名畫評 (далее – «Оценки») является наиболее ранним из сохранившихся источников о сунских мастерах живописи. Оно включает биографические заметки о нескольких поколениях художников, работавших в период правления первых четырех императоров эпохи Северная Сун (960–1127)[1].

Панова Ольга Сергеевна – преподаватель китайского языка в Российском государственном гуманитарном университете, независимый исследователь (e-mail: panipanova@gmail.com).

[1] В источниках встречаются другие варианты названия текста: в библиографии Го Жосюя текст назван «Оценки прославленных художников этой эпохи» *Бэнь чао хуа пин* 本朝畫評, в произведении Ма Дуаньлиня 馬端臨 *Вэньсянь тункао* 文獻通考 (1317 г.) сочинение именуется «Оценки прославленных художников эпохи Сун» *Сун чао мин хуа пин* 宋朝名畫評. До нас дошло несколько изданий текста: 1) Минская копия южносунского издания, напечатанного в лавке Чэня в южносунской столице Линьань (ныне в Шанхайской академии живописи); 2) минская копия сунского издания в сборнике 1522–1567 гг. *Хуэй кэ тан сун шу цзю чжун* 匯刻唐宋書九種 (Государственная библиотека, Пекин); 3) Минская копия в архиве Государственной библиотеки, Нанкинской библиотеке и в архиве г. Вэньчжоу; 4) копия сунского издания, вошедшая в собрание минского книжника Ван Шичжэня 王世貞 (1526–1590 гг.) *Ван ши шу хуа юань* 王氏書畫苑 (Библиотека Дальнего Востока при

Китайские и западные специалисты часто обращаются к рассматриваемому сочинению для изучения творчества сунских художников, отдельных вопросов по истории искусства этого периода, а также для атрибуции сохранившихся произведений живописи[2]. В 1989 г. текст был издан в английском переводе Чарльза Лакмана[3].

Большой вклад в изучение живописи и эстетической мысли эпохи Северная Сун внесли отечественные специалисты. Среди таких работ, в первую очередь, следует назвать комментированный перевод трактата Го Жосюя «Записки о живописи: что видел и слышал», выполненный К.Ф. Самосюк, а также ее монографию о художнике второй половины XI в. Го Си[4]. Т.А. Постреловой принадлежит обширное исследование истории Академии живописи эпохи Сун[5]. Эстетическая программа сунских художников и знаточеский подход этой эпохи подробно исследованы в монографиях Е.В. Завадской[6].

Несмотря на научный интерес к истории живописи X–XI вв., сочинение «Оценки» до сих пор не привлекало внимание отечественных исследователей. В настоящей статье описывается структура и содержание трактата, а также определяется его место в знаточеской традиции Китая. Изучение «Оценок» позволит дополнить уже существующие исследования по истории живописи эпохи Сун и включить его в оборот отечественного востоковедения.

Авторство данного теста в современных изданиях принято приписывать Лю Даочуню 劉道醇, имя которого зафиксировано в библиографиях Чжэн Цяо 鄭樵 (1104–1162) «Сводные записи» *Тун чжи* 通志 и Чэнь Чжэньсуня 陳振孫 (1190–1249) «Аннотированные записи о книгах Чжи-чжая» *Чжи чжай шу лу цзе ти* 直齋書錄解題. Однако есть основания полагать, что к созданию текста имели отношение два человека. В частности, в библиографическом списке Го Жосюя 郭若虛, где встречается наиболее раннее упоминание «Оценок», Лю Даочунь фигурирует как «составитель» или «компилятор»

Королевском музее Онтарио, Канада); 5) версия в *Сы ку цюань шу (*Музей императорского дворца, Тайбэй).

[2] Отдельные вопросы по истории сунской живописи освещаются в работах западных специалистов (Alexander Soper, Richard Barnhart, Jonathan Hay, He Pingliu, Lee Huishu, Foong Ping, Patricia Ebrey и др.).

[3] *Lachman Ch.H.* Evaluations of Sung Dynasty Painters of Renown: Liu Tao-chun's Sung-chao ming-hua ping, transl. Leiden; New York: E.J. Brill, 1989.

[4] *Го Жо-сюй*. Записки о живописи: что видел и слышал / Пер. с кит. и коммент. К.Ф. Самосюк. М., 1978; *Самосюк К.Ф.* Го Си. М., 1976.

[5] *Пострелова Т.А.* Академия живописи в Китае в X–ХШ вв. М., 1976.

[6] *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.,1972; *Она же.* Мудрое вдохновение Ми Фу (1052–1107). М., 1983.

текста (*цзуань* 纂), а подлинным автором называется некий Фу Цзяин 符嘉應, имя которого помечено глаголом 撰 *чжуань* «сочинять», «писать»[7]. Эти имена упоминаются в библиографиях Чао Гунъу 晁公武 (1105–1180) «Записки о чтении книг в кабинете [начальника] округа» *Цзюнь чжай ду шу чжи* 郡齋讀書志 и Ма Дуаньлиня 馬端臨 (1254?–1323) «Всеобщее обозрение письменных документов» *Вэнь сянь тун као* 文献通考. К сожалению, о Лю Даочуне и Фу Цзяине не сохранилось никаких биографических сведений, поэтому атрибуция и идентификация автора по-прежнему остаются важными задачами изучения данного трактата, для решения которых потребуется знакомство с широким кругом сунских источников.

Сочинение «Оценок» не датировано, однако, по косвенным сведениям, из текста можно заключить, что оно было написано в середине 50-х годов XI столетия[8]. Верхней границей создания текста следует считать 1059 г., которым датировано предисловие к сочинению «Дополнение к прославленным художникам Пяти династий» *У дай мин хуа бу и* 五代名畫補遺 (далее – «Дополнение»), также приписываемому Лю Даочуню[9].

Текст «Оценок» содержит сто десять фрагментов, объединенных по жанровому принципу в шесть тематических разделов. Первый раздел – самый обширный: в него вошли заметки о сорока масте-

---

[7] Проблема авторства «Оценок» подробно разбирается в статье современного китайского исследователя Вэй Биня. На основании анализа семантики глаголов *цзуань* и *чжуань* Вэй Бинь заключил, что подлинным автором текста был Фу Цзяин. (см. Вэй Бинь韋賓. Шэнчао минхуа пин цзуань чжуань чжэ као 聖朝名畫評纂撰者考 (Автор и составитель трактата «Оценки прославленных художников царствующей эпохи»). Сун юань хуа сюэ янь цзю 宋元畫學研究 (Исследование теории живописи эпохи Сун и Юань). Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 37–49.) Составитель одного из наиболее полных справочников сочинений о китайской живописи Се Вэй считает, что Фу Цзяин был автором ныне утерянного предисловия к тексту, а сам трактат принадлежит Лю Даочуню. См.: Се Вэй 謝巍. Чжун го хуа сюэ чжу цзо као лу 中國畫學著作考錄 (Справочник сочинений китайских [авторов] о живописи). Шанхай шухуа чубаньшэ, 1998. С.132–134.

[8] Об этом говорят годы жизни, почетные титулы, официальные должности и посмертные имена отдельных исторических лиц, встречающихся в тексте.

[9] Трактат «Дополнение» содержит заметки о мастерах живописи, скульптуры и зодчества эпохи Тан и периода Пяти Династий. Согласно предисловию, он задумывался как продолжение ныне потерянного текста Ху Цяо 胡嶠 «Каталог художников эпохи Лян» *Гуан лян чао хуа му*» 廣梁朝畫目, включавшего биографии сорока художников X в. Есть основания предполагать, что сочинения «Оценки» и «Дополнение» были составлены приблизительно в одно время или с небольшим разрывом. Об этом свидетельствуют взаимные ссылки и упоминания. В предисловии к «Дополнению», например, сообщается, что текст строится по такому же принципу, что и сочинение «Оценки». В свою очередь в тексте «Оценок» в заметке о Ван Шиюане имеется ссылка на биографию его отца, Ван Жэньшоу из сочинения «Дополнения».

рах фигуративного жанра *жэнь у* 人物, включающего жанровые сцены, портреты императоров и членов императорской семьи[10], изображения божеств из буддийского и даосского пантеона, а также персонажей народной мифологии. Следующие разделы посвящены мастерам, прославившимся в пейзажной живописи *шаньшуй линьму* 山水林木 (18 художников), изображении чужеземных лошадей и других животных *фаньма цзоушоу* 番馬走獸 (19 художников), а также в живописи «цветов, бамбука, пернатых и пушистых» *хуачжу линмао* 花竹翎毛 (22 художника). Самыми малочисленными являются разделы о художниках, рисующих демонов и духов *гуй шэнь* 鬼神 (4 художника), а также архитектурные строения *у му* 屋木 (7 художников).

Сочинение написано в традиционном жанре жизнеописаний и следует формату биографий художников и каллиграфов, составленных танскими авторами Ли Сычжэнем 李嗣真 (VII в.), Чжан Хуэйгуанем 張懷觀 (VII в.), Чжан Яньюанем 張彥遠 (IX в.) и Чжу Цзинсюанем 朱景玄 (IX в.). Большинство заметок в «Оценках» включают информацию о происхождении художника, его личностных качествах, тематических предпочтениях, учителях или предмете подражания. В подробностях рассказывается о послужном списке художников, включая такие факты, как заказы от двора и частных лиц, а также занимаемые должности в департаменте живописи при Генеральной Академии *Ханьлинь тухуаюань* 翰林圖畫院. В тексте упоминаются сюжеты настенных росписей, выполненных в храмах и монастырях, и названия свитков из частных коллекций. Сухие факты разбавляются яркими эпизодами из жизни художников, которые, вполне возможно, ко времени написания трактата уже принадлежали к числу столичных слухов или профессиональных баек.

Большая часть заметок, так или иначе, связана с сунской столицей Бяньлян (совр. г. Кайфэн). Именно здесь в конце X в. сосредоточилась художественная жизнь новой империи. Основными действующими лицами биографий помимо художников выступают императоры, придворные сановники, чиновники средних рангов, богатые купцы и другие жители столицы. Среди них упоминаются такие видные государственные деятели эпохи Сун, как Су Ицзянь 蘇易簡 (958–996), Ван Суй 王隨 (975–1033), Дин Вэй 丁謂 (966–1037), Сун Шоу 宋綬 (991–1040), Чжан Шисюнь 張士遜 (964–1049), Ван Дэюн 王

[10] Портретные изображения в сунских текстах, как правило, обозначаются термином *чжэнь сян* «истинный образ» 真像 или сокращенно – *чжэнь* 真. Для изображений членов императорской семьи и непосредственно правителей используется специальный термин *юй жун* 御容 «государев лик».

德用 (980–1058), Вэнь Яньбо 文彥博 (1006–1097) и др. В «Оценках» они выступают покровителями художников, заказчиками, коллекционерами или просто ценителями живописи. Примечательно, что среди столичных коллекционеров упоминаются и богатые торговцы, которые были также активными собирателями искусства[11].

Биографии многих художников тесно переплетены с событиями начального периода эпохи Сун. В отдельных фрагментах можно найти сведения о переселении в столицу мастеров из государств Поздняя Шу (934–965) и Южная Тан (937–975), присоединенных к сунской империи в 960–970-е годы[12]. В других заметках сообщается об участии художников в росписи столичных храмов, построенных или восстановленных при первых четырех правителях Сун. В частности, в биографиях десяти художников говорится о росписи грандиозного даосского монастыря *Юцин чжаоин гун* 玉清照應宮, строительство которого было инициировано при императоре Чжэнь-цзуне (пр. 998–1017). В таких фрагментах приводятся ценные сведения о разделении труда и этапах работы, о заказчиках и покровителях, а также о ведомствах и чиновниках, отвечающих за организацию деятельности художников[13].

В каждом из шести разделов художники делятся по трем категориям мастерства на «одухотворенных» *шэнь* 神, «утонченных» *мяо* 妙 и «умелых» *нэн* 能. Для оценки мастеров фигуративной живописи вводится дополнительное деление на «высшую», «среднюю» и «низшую» ступени. Данная система градации опирается на длительную

---

[11] К сожалению, их имена крайне сложно идентифицировать, поскольку в тексте, как правило, указывается только фамильный иероглиф. Например, в биографии У Цзунъюаня 武宗元 сообщается о богатом купце по фамилии Гао 高, страстном любителе живописи. В течение десяти лет купец отправлял свою именную карточку к порогу художника, чтобы получить свиток с изображением бодхисаттвы. У Цзунъюань, наконец, согласился выполнить рисунок, но работу закончил спустя три года. Узнав, что купец к тому моменты уже скончался, художник сжег картину.

[12] Первая волна переселения региональных художников в сунскую столицу последовала за покорением царства Поздняя Шу в 965 г. Согласно «Оценкам», вместе с сычуаньским правителем Мэн Чаном 孟昶 (919–965) в новую столицу империи переехали художники Хуан Цюань 黄筌 с сыном Хуан Цзюйцаем 黄居寀, Чжао Юаньчжан 趙元長, Сяхоу Яньюй 夏侯延裕, потомственный мастер монументальной живописи Гао Вэньцзинь 高文進 со своими сыновьями и пр. Вторая волна следовала за покорением царства Южная Тан в 975 г. Из Цзяннани в столицу перебрались художники Цай Жунь 蔡潤, Дун Юй 董羽, Ли Чжаоцин 厲昭慶, монах Цзюйжань 巨然 и пр.

[13] В частности, в тексте сообщается, что на строительство храма в столицу съехалось около трех тысяч художников, из которых сто лучших мастеров отобрали для росписи монастыря. Их поделили на две группы, руководить которыми доверили опытным художникам У Цзунъюаню и Ван Чжо.

традицию классификаций мастеров поэзии, каллиграфии и живописи, которая сформировалась в VI–VII вв. и получила широкое распространение в эпоху Тан[14]. Значительный вклад в знаточескую традицию внес танский критик Чжан Хуэйгуань 張懷觀 (VIII в.). В своем тексте «Суждения о каллиграфии» *Шу дуань* 書斷 он не только первым ввел в оборот категории *шэнь, мяо, нэн*, но и усложнил принятую до этого классификацию за счет оценки мастерства каллиграфа в каждом отдельном стиле[15]. Данный подход в дальнейшем был заимствован в сочинении Чжу Цзинсюаня 朱景玄 (IX в.) «Каталог прославленных художников эпохи Тан» *Тан чао мин хуа лу* 唐朝名畫錄, где мастерство художника оценивается индивидуально для каждого жанрового и тематического направления[16].

---

[14] Наиболее ранние известные нам сочинения типа *пинь* появились на рубеже V–VI столетий. К ним относится трактат Чжун Жуна 鐘嶸 (ок. 467–518?) «Категории стихов» *Ши пинь* 詩品, где древние авторы пятисловных стихов поделены на высшую, среднюю и низшую категории. Первая известная нам попытка классифицировать художников принадлежала Се Хэ 謝赫 (Vв.), который в сочинении «Заметки о категориях старинной живописи» *Гу хуа пинь лу* 古畫品錄 разделил двадцать семь мастеров на шесть категорий (六品). К этому времени также относится трактат Юй Цзяньу 庾肩吾 (487–551) «Категории каллиграфии» *Шу пинь* 書品, где 110 мастеров древности поделены на девять категорий – высшую, среднею и низшую с дополнительным трехчастным делением. Данный подход в дальнейшем использовал танский критик Ли Сычжэнь в сочинении 書後品 *Шу хоу пинь* «Поздние категории каллиграфии» (IX в.). Автор дополнил девятичастную классификацию десятой категорией «раскованных» *и* 逸 для оценки каллиграфов-эксцентриков (Трактаты о каллиграфии анализируются в монографии В.Г. Белозеровой. См.: *Белозерова В.Г.* Искусство китайской каллиграфии. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2007). Как отмечают многие исследователи, ранняя классификационные категории *пинь* восходили к представлениям о «девяти типах человека», которые служили основными критериями при отборе гражданских и военных чиновников в эпоху Шести Династий (255–589).

[15] Чжан Хуэйгуань выделил мастеров трех категорий в десяти пластических жанрах: *гувэнь, дачжуань, чжоувэнь, сяочжуань, бафэнь, лишу, чжанцао, синшу, фэйбай, цаошу*. Нам неизвестно, использовал ли автор жанровую дифференциацию в своем другом, ныне утерянном сочинении «Суждения о живописи» *Хуа дуань* 畫斷. По крайней мере, можно уверенно утверждать, что в тексте о живописи, как и в «Суждениях о каллиграфии», также предлагалась классификация, основанная на триаде *шэн-мяо-нэн.* Об этом свидетельствует предисловие к сочинению танского Чжу Цзинсюаня (IX в.), в котором автор сообщает, что заимствовал три категории Чжан Хуэйгуаня из сочинения *Хуа пинь* (т.е. *Хуа дуань*), дополнив ее (вслед за Ли Сычженем), категорией «раскованных» *и* 逸. Четвертая категория понадобилась Чжу Цзинсюаню для оценки художников, чье творчество выходило за традиционные рамки творчества.

[16] Например, Вэй Янь был причислен к «утонченным» *мяо* высшей ступени за изображение монахов, сосен, камней, лошадей, людей, а за изображение пейзажей получил категорию талантливых *нэн*.

Автор «Оценок» учел опыт танских критиков и вместе с тем предложил еще более дифференцированную систему. Он поделил текст на главы по жанровому признаку и внутри каждой главы классифицировал художников по категориям. Такой подход позволил выявить лучших представителей шести тематических направлений и тем самым наиболее справедливо оценить мастерство художника в каждом отдельном жанре. Несложно заметить, что из девяноста одного художника, чьи биографии вошли в текст, одиннадцать мастеров заслужили упоминания одновременно в нескольких разделах. Так, например, сычуаньский художник Хуан Цюань 黄筌 (ок. 903–965) назван «утонченным» средней ступени в фигуративной живописи, «умелым» в пейзаже и «одухотворенным» в изображении цветов и птиц[17]. Художник Янь Вэньгуй 燕文貴 (967–1044), в настоящее время известный только пейзажами[18], отнесен к числу «умелых» нижней ступени в изображении людей и назван «утонченным» в пейзажной и архитектурной живописи. Наряду с этим, деление на главы по жанровому признаку также позволило автору сосредоточиться на особенностях собственно живописи и оценить художника вне зависимости от его происхождения и социального статуса[19].

---

[17] В настоящий момент сложно судить о жанровом разнообразии творчества Хуан Цюаня, поскольку до нас дошла всего одна работа, известная под современным названием «Редкие животные, написанные с натуры» 寫生珍禽圖 (музей Гугун, Пекин). Несмотря на то что данная работа была создана как учебный образец для сына мастера, ее художественный уровень абсолютно оправдывает наивысшую оценку в жанре «цветы и птицы».

[18] См. свитки «Строения среди ручьев и гор» *Си шань лоу гуань ту* 溪山樓觀圖 (Национальный дворцовый музей, Тайбэй), «Строения среди реки и гор» *Цзян шань лоу гуань ту* 江山樓觀圖 (Муниципальный музей, Осака) и др.

[19] Большое значение социальному статуса и моральным качествам художника придавал Чжан Яньюань (815–875), автор энциклопедического труда «Записки о знаменитых художников разных эпох» *Лидай минхуа цзи* 歷代名畫記. Он пишет: «[С древности] те, кто любил живопись, были высокородными людьми, возвышенными [духом] отшельниками, прославившимися при жизни и у потомков. Это искусство не для низкого рода.» [Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1985. С. 337]. Схожую позицию позже занял Го Жосюй, для которого мастерство было едва ли не производным от социального положения и нравственных качеств художника. Согласно Го Жосюю, только человек высокого статуса и возвышенных идеалов сможет передать в своих работах «одухотворенную гармонию», отличающую живопись истинных художников от работ ремесленников. Го Жосюй также руководствовался социально-этическим критерием в третьей главе своего сочинения, где перед заметками о профессиональных художниках он поместил отдельный раздел об императоре Жэнь-цзуне, членах императорской семьи, а также сановников, прославившихся как художники. В этот раздел вошли заметки о Го Чжуншу, У Цзунъюаня и Ван Шиюаня, которые в тексте «Оценок» попали не только в разные категории, но в разные главы.

Мастерство художников оценивается в комментариях, следующих после каждой отдельной биографии (для высшей категории) или после нескольких заметок (для второй и третьей категорий). Каждый комментарий индивидуален, однако все они, так или иначе, касаются формальных особенностей художественного языка. В живописи автор прежде всего ценит техническую виртуозность, многообразие форм, глубокий замысел картины, а также критический подход к заимствованию, который противопоставляется слепому копированию[20].

Принципы оценки произведения живописи системно излагаются в предисловии к трактату. Оно начинается с перечисления «шести обязательных критериев» *лю яо* 六要, которые знатоку следует учитывать при оценке живописи. В целом они созвучны с «шестью законами» Се Хэ 謝赫 (V в.) и сводятся к следующим формулам: энергия *ци* и ритм сильные (*ци юнь цзянь ли* 氣韻兼力)[21]; остов и структура выдержанные (*гэ чжи цзюй лао* 格制俱老); [художественное] переосмысление [формы] соответствуют первопринципу [вещей] (*бянь и хэ ли* 變異合理)[22]; [когда в картине есть] цвет, [он должен быть] наполнен влагой (*цай хуэй юй цзэ* 彩繪有澤); движения [кистью] непринужденны (*цюй лай цзы жань* 去来自然); [художник] подражает [старым мастерам], но отбрасывает [их] недостатки (*ши сюэ шэ дуань* 師學舍短)[23]. Кроме того, знаток должен

---

[20] Примечательно, что проблема заимствования чаще всего поднимается в комментариях, касающихся мастеров настенной живописи. Действительно, копирование часто было обязательным условием работы, продиктованное задачей поновления и восстановления поврежденных росписей. Практика срисовывания пародийно обыграна в прозвище художника Сунь Мэнцина, которого называли «Сунь, копирующий стены» *Сунь то би* 孫脫壁 за то, что он очень точно делал копии со стенописи У Даоцзы. В комментарии поясняется, что художник ограничивался копированием модели (拘于模范) и перенимал вместе с мастерством У Даоцзы и его недостатки (雖得其法，往往襲其短). В пример Сунь Мэнцину, «не способному самостоятельно создать новое» (不能自發新意), автор ставит тех, кто перенял мастерство У Дао-цзы, но поменяли манеру живописи (變法取工).

[21] Первое требование также можно перевести как «одухотворенная гармония [должна] сочетаться с силой».

[22] В данном случае требуется, чтобы изображение с допустимыми изменениями в конечном итоге соответствовало сути изображаемого объекта. Данное требование, в частности, могло быть адресовано мастерам храмовой росписи, которые должны были в увеличенном масштабе сохранить правильные пропорции изображаемых фигур.

[23] Китайский искусствовед Цзинь Вэйно попытался провести соответствие между «шестью критериями» и «шестью законами» Се Хэ. См.: *Цзинь Вэйно* 金維諾. Бэйсун шици дэ хуэйхуа шицзи. 北宋時期的繪畫史集 (Собрание трактатов по истории живописи эпохи Северная Сун). Мэйшу яньцзю, 1979. № 3. С. 58–65.

распознать в работе «шесть достоинств» *лю чан* 六長, а именно «в неровном и небрежном отыскать кисть [мастера] (*цу лу цю би* 粗鹵求筆); в необычном и неуклюжем отыскать талант (*пи сэ цю цай* 僻澀求才); в тонком и изощренном отыскать силу [кисти] (*си цяо цю ли* 細巧求力); в эксцентричном и причудливом отыскать первопринцип [вещей] (*куан гуай цю ли* 狂怪求理); [там, где] нет туши отыскать [ее] оттенки (*у мо цю жань* 無墨求染)[24]; на плоскости картины отыскать [пространственную] глубину (*пин хуа цю чан* 平畫求長)[25]. «Шесть критериев» и «шесть достоинств» предлагаются как основные ориентиры знатока живописи, без которых, согласно автору предисловия, он уподобляется тому, кто «лезет на дерево в поисках рыбы» (緣木求魚) или «черпает воду из источника, чтобы добыть огонь» (汲泉得火). В предисловии также говорится о благоприятных условиях, подходящих для рассматривания свитков, и о том, как выявить скрытые достоинства работы. В целом текст выглядит как вполне законченная

---

[24] Речь идет о фрагментах картины, которые художник оставляет незакрашенными. Художник должен добиться такого оптического эффекта, чтобы зритель мог зрительно достроить изображением там, где его нет. Тогда белая бумага или шелк будут восприниматься, как туман, водная гладь, небо или снег.

[25] «Шесть критериев» и «шесть достоинств» из предисловия к «Оценкам» цитируются в цинском трактате о живописи «Руководство по живописи из Сада с горчичное зерно» *Цзе цзы юань хуа пу* 芥子園畫譜. Автор русскоязычного перевода Е.В. Завадская предлагает следующий перевод «шести критериев»: «Одухотворенная и гармоничная сила — первое свойство. Очертания и формы должны быть отстоявшимися, традиционными — второе. Изменчивость и неповторимость, созвучные сути [вещей], – третье. Мерцание размывов цвета — четвертое. Движения [кистью] — непроизвольные, естественные — пятое. В подражании и обучении отбрасывай слабости [учителей]— шестое.» «Шесть достоинств» в интерпретации Завадской звучат следующим образом: «В грубости и жесткости прояви мастерство кисти — первое качество. В неловкости, неумелости выяви талант — второе. В тонком и изящном обнаружь силу — третье. В необузданном, странном обнажи рациональное начало — четвертое. И без туши выяви оттенки — пятое. А в плоскости свитка передай глубину — шестое». См.: Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / Пер. и комм. Е.В. Завадской. М.: Наука, 1969. Для сравнения приведем англоязычный перевод, выполненный Maimai Sze: “First essential: action of the Ch’i and powerful brushwork go together. Second essential: basic design should be according to the tradition. Third essential: originality should not disregard the li (the principles or essence) of things. Fourth essential: color (if used) should enrich. Fifth essential: the brush should be handled with tzu jan (spontaneity). Sixth essential: learn from the masters but avoid their faults. First Quality: to display brushstroke power with good brush control. Second quality: to possess sturdy simplicity with refinement of true talent. Third quality: to exhibit originality, even to the point of eccentricity, without violating the li of things. Fifth quality: in the rendering space by leaving the silk or paper untouched, to be able nevertheless to convey nuances of tone. Sixth quality: on the flatness of the picture plane, to achieve depth and space”. The Mustard Seed Garden Manual of Painting. Trans. and edited by Mai-mai Sze. Princeton University Press, 1978. P. 20.

эстетическая программа, однако некоторые исследователи на основании стилистических признаков предполагают, что предисловие могло быть написано намного позже трактата и соответственно не является частью оригинального текста[26].

Автор «Оценок», как и другие критики, стремился дополнить работы своих предшественников новыми фактами и вписать в историю имена художников своей эпохи. При этом основные заслуги по составлению истории художников X–XI вв., как правило, приписывают Го Жосюю, автору трактата «Записки о живописи: что видел и слышал» *Ту хуа цзянь вэнь чжи* 圖畫見聞誌, появившегося в конце XI в., т.е. несколько десятилетий спустя «Оценок». Го Жосюй включил в свое сочинение важнейшие сведения о мастерах своего времени, однако большая часть биографий раннесунских мастеров в его тексте практически полностью основывается на материале «Оценок»[27]. Из этого можно заключить, что автор «Оценок» был первым, кто попытался зафиксировать события и факты из жизни первых поколений сунских художников, и поэтому данный трактат заслуживает специального внимания современных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозерова* В.Г. Искусство китайской каллиграфии. М.: Институт восточных культур и античности, 2007. – 482 с.
2. *Вэй Бинь* 韋賓. Шэнчао минхуа пин цзуань чжуань чжэ као 聖朝名畫評纂撰者考 (Автор и составитель трактата «Оценки прославленных художников царствующей эпохи»). Сун юань хуа сюэ янь цзю 宋元畫學研究 (Исследование теории живописи эпохи Сун и Юань). Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2009. – 565 с.
3. *Го Жо-сюй*. Записки о живописи: что видел и слышал / Пер. с кит. и коммент. К.Ф. Самосюк. М., 1978. – 240 с.
4. *Завадская Е.В.* Мудрое вдохновение. Ми Фу (1052–1107). М., 1983. – 200 с.

---

[26] В частности, автор англоязычного перевода «Оценок» Чарльз Лакман считает подозрительным то, что «шесть требований» и «шесть достоинств», на которые сделан основной акцент в предисловии, не упоминаются в трактате. Возможно, по этой причине, Лакман не включил перевод предисловия в свою монографию 1989 г. Англоязычный перевод предисловия к «Оценкам» предложен в хрестоматии, посвященной китайским сочинениям о живописи. См.: *Susan B. and Shih Hsio-yen*. Early Chinese Texts on Painting. Second Edition. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2012. P. 98–99, 103.

[27] Часть фактологического материала из текста «Оценок» не вошла в сочинение Го Жосюя, поэтому при изучении истории живописи данного периода должны учитываться оба источника. См.: *Панова О.С.* Проблема оригинальности трактата Го Жосюя “Записки о живописи: что видео и слышал”. Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение наука Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2016. С. 565–569.

5. *Завадская Е.В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1975. – 440 с.
6. *Панова О.С.* Проблема оригинальности трактата Го Жосюя «Записки о живописи: что видео и слышал». Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение наука Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2016. С. 565–569.
7. *Пострелова Т.А.* Академия живописи в Китае в X–XIII вв. М., 1976. – 264 с.
8. *Самосюк К.Ф.* Го Си. М., 1976. – 104 с.
9. *Се Вэй*, 謝巍. Чжунго хуасюэ чжуцзо каолу 中國畫學著作考錄 (Справочник сочинений китайских [авторов] о живописи). Шанхай шухуа чубаньшэ, 1998. – 834 с.
10. Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / Пер. и комм. Е.В. Завадской. М.: Наука, 1969. – 519 с.
11. *Цзинь Вэйно* 金維諾. Бэйсун шици дэ хуэйхуа шицзи. 北宋時期的繪畫史集 (Собрание трактатов по истории живописи эпохи Северная Сун). *Мэйшу яньцзю*, № 3 (1979): 58–65.
12. Шэн чао мин хуа пин 聖朝名畫評 (Оценки прославленных художников царствующей эпохи). Сун жэнь хуа пин 宋人畫評 (Художественная критика эпохи Сун) / Ред. Пань Юньгао 潘運告. Чанша: Хунань мэйшучубаньшэ, 2003. С. 2–103.
13. *Lachman Ch.H.* Evaluations of Sung Dynasty Painters of Renown: Liu Tao-chun's Sung-chao ming-hua ping, transl. Leiden: E.J. Brill, 1989. – 128 p.
14. *The Mustard Seed Garden Manual of Painting.* A Facsimile of the 1887–1888 Shanghai Edition. Trans. and edit. by Mai-mai Sze. Princeton University Press, 1978. – 648 p.
15. *Susan B. and Shih Hsio-yen.* Early Chinese Texts on Painting / Second Edition. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2012. – 420 p.

Olga S. Panova

"EVALUATIONS OF SONG DYNASTY PAINTERS OF RENOWN" AND ITS PLACE IN THE CHINESE CONNOISSEUR TRADITION

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq. Moscow, 125993

This paper offers a detailed description of the "Evaluations of the Song Dynasty Painters of Renown," one of the earliest accounts of Chinese artists who were active between the late Xth and the first half of the IXth centuries. The paper first describes the structure of the text and the content of the artists' biographies. It then addresses issues of authorship and date, challenging the traditional attribution to Liu Daochun in favor of Fu Jiaying, a lesser-known Song Dynasty personage. The paper finally highlights the text's approach to the classification of artists, and places the text in the broader context of the connoisseur tradition in China.

Key words: history of Chinese paintings, Northern Song artists, biographies of artists, Liu Daochun, categories "pin", connoisseurship in China.

About the author: *Olga S. Panova* – Chinese language instructor at Russian State University for the Humanities, independent scholar (e-mail: panipanova@gmail.com).

REFERENCES

1. Belozerova V.G. *Iskusstvo kitaiskoi kalligrafii* (The Art of Chinese Calligraphy) M.: Institut vostochnykh kul'tur i antichnosti, 2007, 482 p.
2. Guo Ruoxu. *Zapiski o zhivopisi: chto videl i slishal* (An Account of My Experiences in Painting) / Trans. by K.F. Samosjuk. M., 1978, 240 p.
3. Zavadskaya E.V. *Mudroe vdohnovenie. Mi Fu (1052–1107)* (Wise Inspiration. Mi Fu). M., 1983, 200 p.
4. Zavadskaya E.V. *Esteticheskie problemy zhivopisi starogo Kitaya* (The Aesthetic Issues of Old Chinese Painting). M.: Iskusstvo, 1975, 440 p.
5. Panova O.S. On the Problem of Originality of Guo Ruoxu's 'Experiences in Painting'. *Society and State in China. Vol. XLVI,* Moscow. Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science, 2017, pp. 565–569.
6. Postrelova T.A. *Akademia zhivopisi v Kitae v X–XIII vv.* (The Academy of Painting in China between Xth-XIIIth cc.). M., 1976, 264 p.
7. Samosjuk K.F. *Guo Xi*. M., 1976, 104 p.
8. Xie Wei. *Zhong guo hua xue zhu zuo kao lu* (The Examination of Chinese Texts on Painting). Shanghai: Shang hai shu hua chu ban she, 1998, 834 p.
9. *Slovo o zhivopisi iz Sada s gorchichnoe zerno* (The Mustard Seed Garden Manual of Painting), trans. and com. by Evgenia V. Zavadskaya. M.: Nauka, 1969, 519 p.
10. Jin Weinuo. Bei song shi qi de hui hua shi ji (Northern Song Texts on Painting). *Mei shu yan jiu*, Vol. 3 (1979): 58–65.
11. Wei Bin. Sheng chao ming hua ping zuan zhuan zhe kao (The Examination of the Compilator and the Author of 'Sheng chao ming hua ping'). In *Song yuan hua xue yan jiu* (Study of the Song and Yuan dynasties texts on art). Lanzhou: Gan su ren min chu ban she, 2009, 565 p.
12. Sheng chao ming hua ping （Evaluations of Sung Dynasty Painters of Renown). *Song ren hua ping* (Painting critic of the Song dynasty). Edit. By Pan Yungao. Changsha: Hunan meishu chubanshe, 2003, p. 2–103.
13. Lachman, Charles H. *Evaluations of Sung Dynasty Painters of Renown: Liu Tao-chun's Sung-chao ming-hua ping*, transl. Leiden: E.J. Brill, 1989, 128 p.
14. *The Mustard Seed Garden Manual of Painting: A Facsimile of the 1887–1888 Shanghai Edition.* Trans. and edit. by Mai-mai Sze. Princeton University Press, 1978. 648 p.
15. Bush, Susan, and Shih Hsio-yen. *Early Chinese Texts on Painting.* Second Edition. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2012, 420 p.

В.А. Скосырев

ВОСПРИЯТИЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕМОКРАТИИ СОВРЕМЕННЫМИ КИТАЙСКИМИ МЫСЛИТЕЛЯМИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

Эпоха пребывания на посту председателя КНР Ху Цзиньтао (2003–2013) характеризуется появлением в Китае идеологического плюрализма определенной степени. На этот период приходится расцвет творчества таких китайских мыслителей, как Юй Кэпин и Ван Шаогуан, рассмотрению работ которых посвящена данная статья. Оба этих автора во многом стоят на разных позициях, но их объединяет общая идея – Китай может и должен быть демократичным, и это вовсе не означает, что ему необходимо идти по пути развитых стран Запада.

Ключевые слова: Китай, демократия, идеология, Юй Кэпин, Ван Шаогуан.

Демократия и демократизация – это один из самых актуальных и в то же время болезненных вопросов для современного Китая. Эволюция китайской политической системы с начала второй половины XIX в. во многом может быть объяснена через призму борьбы населения страны за демократические преобразования. Под лозунгами демократизации формировались движения широких народных масс, которые впоследствии становились движущий силой исторических перемен, зачастую заканчивавшихся трагедиями и разочарованиями, но неминуемо становившимися переломными моментами социально-политической эволюции Китая и открывавшими новую страницу истории страны. К таким поворотным точкам китайской истории можно отнести создание Китайской Республики в результате Синьхайской революции в 1911 г., движение за новую культуру 1915–1922 гг., движение 4 мая 1919 г., создание КНР в 1949 г., «Стена демократии» на улице Сидань в Пекине 1978–1979 гг., события на площади Тяньаньмэнь 1989 г.

Скосырев Владимир Алексеевич – студент магистратуры кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com).

В современном Китае возможность демократизации по западной модели с разделением властей и многопартийностью рассматривается разве что либеральными деятелями и диссидентами. Однако среди сторонников Коммунистической партии Китая встречаются мыслители, которые пытаются нащупать очертания демократии с китайской спецификой и которые предлагают особый путь демократизации для своей страны. К таким мыслителям относятся известные современные китайские политологи Юй Кэпин и Ван Шаогуан.

Расцвет творчества двух указанных политических мыслителей происходил в период пребывания на посту председателя КНР Ху Цзиньтао (2003–2013). Эпоха Ху Цзиньтао характеризуется определенной степенью идеологического плюрализма. Безусловно, дискутировать на политические темы (с долей осторожности) в Китае не воспрещалось и при Цзян Цзэмине и Дэн Сяопине. Однако именно в эпоху Ху Цзиньтао политические дискуссии перестали ограничиваться небольшими кругами интеллигенции и околовластных интеллектуалов. Ознакомиться с различными идеологическими концепциями, рождающимися в интеллектуальных кругах современного Китая, довелось и простым людям, широким читающим массам. В определенный момент у внимательных наблюдателей даже могло сложиться впечатление, что в самой коммунистической партии началось разделение на несколько идейных платформ.

Для кого-то подобный идеологический плюрализм эпохи Ху Цзиньтао мог показаться политической слабостью. Некоторые называют этот период «потерянным десятилетием». Другим подобный плюрализм казался признаком оздоровления китайского общества. Как бы там ни было, с приходом к власти Си Цзиньпина многие политические дискуссии были закрыты. Это видно на примере Юй Кэпина, который в октябре 2015 г. ушел в отставку с поста заместителя директора Бюро переводов ЦК КПК. Власти запретили ему читать лекции на тему свободы слова и судебной независимости[1]. А интернет-портал, посвященный программе правительственных инноваций, инициатором которой выступил Юй Кэпин, в недавнее время оказался недоступным для интернет-пользователей. Поэтому в данной статье нами будет рассмотрено явление уходящей эпохи. Однако это не делает его менее интересным и актуальным для современного Китая.

---

[1] Chinese author of 'Democracy is a Good Thing' resigns from Communist Party bureau. – China south Morning Post. 28 October, 2015. URL: http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/1873493/chinese-author-democracy-good-thing-resigns-communist

Демократия с китайской спецификой в работах Юй Кэпина. Термин «демократия с китайской спецификой» неразрывно связан с концепцией социализма с китайской спецификой. В эпоху Ху Цзиньтао взоры целого ряда политических мыслителей в Китае, которых иногда принято называть «интеллектуалами истэблишмента»[2], оказались обращены на идею демократизации Китая. «Околовластные интеллектуалы», о которых идет речь, – не новое явление для современного Китая. Данный термин используется для тех лиц в Китае, которые одновременно занимают и высокую чиновничью должность, и в то же время активно занимаются научной деятельностью и публицистикой.

Юй Кэпин является характерным примером китайского «околовластного интеллектуала». С 2003 по 2015 г. Юй Кэпин являлся заместителем директора Бюро переводов ЦК КПК (Central Compilation & Translation Bureau). Вел преподавательскую деятельность в крупнейших высших учебных заведениях страны: Пекинский университет, университет Цинхуа, Китайский народный университет, Пекинский педагогический университет, Нанькайский университет, Фуданьский университет, Шанхайский университет Цзяотун, Чжэцзянский университет, Сямэньский университет, Сычуаньский университет, Цзилиньский университет, Харбинский технологический университет, Государственный университет управления[3]. Юй Кэпин занимал должность управляющего в Китайском центре правительственных инноваций в Пекинском университете (Center for Chinese Government Innovations at Peking University) и в Центре сравнительной политики и экономики Китая (China Center for Comparative Politics and Economics). Эти научно-исследовательские центры ответственны за изучение тенденций развития мировой социологической науки и политических изменений внутри страны. Юй Кэпин также возглавлял специальную комиссию по изучению марксизма, созданную по распоряжению правительства. С октября 2015 г. Юй Кэпин является начальником исследовательского центра политологии Пекинского университета.

Судя по всему, в данный момент время активной деятельности Юй Кэпина подошло к концу. Мы упомянули об этом выше. Расцвет творческой деятельности данного ученого приходится на эру Ху

---

[2] *Hamrin C., Cheek Th.* China's Establishment Intellectuals. Armonk; N.Y.: M E Sharpe, 1986.

[3] *Cheng Li.* Introduction // Democracy Is a Good Thing: Essays on Politics, Society, and Culture in Contemporary China. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2009. – P. xxii.

Цзиньтао. В одно время Юй Кэпина даже окрестили «восходящей звездой» нового поколения теоретиков КПК (中共理论新秀)[4]. Статья, принесшая известность Юй Кэпину, носит характерное название «Демократия – это хорошая вещь»[5]. Как отмечает сам автор, впервые такое сочетание слов он употребил в 2005 г., когда давал интервью гонконгской газете «Дагун Бао» (大公报). Если бы сочетание слов «демократия – это хорошая вещь» прозвучало из уст какого-либо китайского диссидента, это, конечно, не вызвало бы удивления у стороннего наблюдателя. Однако в данном случае эти слова принадлежали китайскому чиновнику и члену коммунистической партии. Данная статья быстро вызвала широкий резонанс со стороны общественности и ученых кругов. В 2007 г. газета «Наньфан жибао» (南方日报) назвала статью Юй Кэпина одной из самых влиятельных за год. Многие стали рассматривать идеи, предложенные Юй Кэпином, как указатель того направления, в котором следует проводить политические реформы. Однако официальные круги и китайское руководство не выразили определенной позиции по отношению к призывам Юй Кэпина[6].

В упомянутой статье Юй Кэпин называет демократию самой лучшей формой правления из всех придуманных на сегодняшний день. Автор признает за демократией целый ряд недостатков, однако, по его мнению, этот инструмент управления становится незаменимым, если уметь им правильно пользоваться. Демократическое правление – это искусство, требующее осторожности и большой политической осведомленности как со стороны властей, так и со стороны населения. По мнению Юй Кэпина, в деле построения сильного современного социалистического государства, демократия является не только хорошей, но и необходимой вещью. Автор приходит к выводу о том, что в Китае следует создать социалистическую демократию с китайской спецификой, т.е. найти такую модель, которая, с одной стороны, вобрала бы в себя политические достижения человеческой цивилизации, и с другой стороны, учитывала бы условия китайской культуры.

---

[4] *Ло Сюэхуэй*. Юй Кэпин: Миньчжу дэ сысян туйшоу (Юй Кэпин: идеологический проповедник демократии) // China Elections and Governance, 25 декабря 2009 г. URL: http://www.chinaelections.org/article/919/164621.html

[5] *Юй Кэпин.* Миньчжу ши гэ хао дунси: Юй Кэпин Фантаньлу (Демократия – это хорошая вещь). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2006. С. 1–5.

[6] *Чэн Ли.* Пин Юй Кэпин дэ минчжу сы сян (Оценка демократической идеологии Юй Кэпина) // Жан миньчжу цзаофу чжунго: Юй Кэпин фантаньлу (Обогащение Китая за счет демократии: запись беседы с Юй Кэпином). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. С. 211.

Впоследствии появились и другие работы автора. Большой интерес представляют сборники записей бесед и интервью с китайским политологом «Демократия – это хорошая вещь» (“民主是个好东西”) 2006 г.[7] и «Пусть демократия осчастливит Китай» (“让民主造福中国”) 2009 г.[8]

Демократические ценности для Юй Кэпина универсальны. Одновременно демократизация не означает вестернизации. Демократической можно считать любую политическую систему, при которой власть и право выбора принадлежат народу. Юй Кэпин подчеркивает потенциальное существование различных форм демократического политического устройства. Демократия в Китае должна строится в соответствии с политическими и культурными традициями страны.

В работах Юй Кэпина демократизация представляется всеохватывающим проектом политических преобразований, которые, по замыслу автора, должны способствовать адаптации Китая в условиях глобализации. Говоря о демократизации, Юй Кэпин не ограничивается проектами введения институциональной демократии внутри партии и на низовом уровне. Автор также уделяет большое внимание развитию гражданского общества, трансформации китайской культуры, экономическим реформам, гармонии между человеком и природой. Иными словами, демократизацией Юй Кэпин называет совокупность политических, экономических и общественных преобразований, способствующих приспособляемости страны в меняющихся глобальных условиях. Китаю необходимо найти такой путь развития, который позволил бы стране выиграть от противоречивого, сложного, но неизбежного процесса глобализации.

Юй Кэпин выделяет три концепции, в соответствии с которыми должна происходить демократизация Китая: «цена демократии» (民主的代价), «демократия по нарастающей» (增量民主) и «динамическая стабильность» (动态稳定). «Цена демократии» предполагает максимальную пользу от демократических преобразований при их минимальной себестоимости. «Демократия по нарастающей» означает, что политические преобразования должны проводиться постепенно и в различных измерениях китайской политической системы. Под идеей «динамической стабильности» китайский по-

---

[7] *Юй Кэпин.* Миньчжу ши гэ хао дунси: Юй Кэпин Фантаньлу (Демократия – это хорошая вещь). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2006.

[8] *Юй Кэпин.* Жан миньчжу цзаофу чжунго: Юй Кэпин фантаньлу (Пусть демократия осчастливит Китай: запись беседы с Юй Кэпином). Пекин: Чжунян бяньи чубаньшэ, 2009.

литолог подразумевает, что системные перемены необходимы, и их целью является поддержание порядка путем непрерывной адаптации к меняющимся условиям.

Направления демократических и политических преобразований в работах Юй Кэпина включают в себя развитие гражданского общества и гражданского участия, создание демократических институтов на низовом уровне, демократизацию механизма принятия решений, формирование институтов совещательной демократии, введение деревенского самоуправления и развитие внутрипартийной демократии. Важно отметить, что проекты демократизации Китая, которые предлагает в своих работах Юй Кэпин, не предполагают кардинальных изменений общественно-политической структуры современного Китая. Юй Кэпин обосновывает необходимость видоизменения существующей модели политического развития за счет постепенной придачи ей все большего числа демократических черт и медленного воплощения в жизнь демократических принципов взаимодействия между обществом и государством.

Одновременно нельзя не отметить, что сроки подобных реформ в статьях и книгах Юй Кэпина не указаны. И это понятно, ведь Юй Кэпин в своих работах не предлагает программы политических преобразований для китайского правительства, а лишь высказывает свою точку зрения. В целом можно утверждать, что воззрения Юй Кэпина соотносятся и вытекают из базовых положений Дэн Сяопина[9].

Поиск путей строительства подлинной социалистической демократии в работах Ван Шаогуана. Ван Шаогуан – доктор политических наук, профессор. Учился в одной группе с Ли Кэцяном в Пекинском университете. В 1982 г. получил степень бакалавра права, с 1982 по 1984 г. обучался в магистратуре Корнелльского университета (Cornell University) в США. В 1990 г. получил степень доктора политических наук в Корнелльском университете. С 1990 по 2000 г. преподавал на факультете политологии в Йельском университете (Yale University). Сегодня Ван Шаогуан работает в Китайском университете Гонконга, читает лекции в Институте государственного управления университета Цинхуа, является главным редактором журнала China Review. Ван Шаогуан главным образом занимается исследованиями в области политической экономии, сравнительной политики, бюджетно-налоговой политики, изучает вопросы демо-

---

[9] *He Li.* Chinese Intellectual Discourse on Democracy // Journal of Chinese Political Science/Association of Chinese Political Studies, 2014.

кратизации, а также проблемы политического развития бывших социалистических стран Восточной Азии.

Наравне с Цуй Чжиюанем и Ван Хуэем Ван Шаогуан считается одним из ключевых представителей китайских новых левых. С другой стороны, по мнению известного китайского экономиста Ху Аньгана, отождествлять Ван Шаогуана с китайскими новыми левыми не совсем верно. Ху Аньган считает, что Ван Шаогуан скорее принадлежит к группировке реалистов (实事求是派), потому что его теория является не абстрактной, а тесно связанной с китайской практикой. Как пишет Ху Аньган, Ван Шаогуан «не преклоняется перед теоретическими догмами», а проводит конкретный анализ конкретных проблем Китая»[10].

Наибольший интерес представляют следующие работы Ху Аньгана: «Четыре лекции о демократии»[11], «Путь умиротворения: цели и пути трансформации государства»[12], «Разочарование и преодоление»[13]. Так же, как и Юй Кэпин, Ван Шаогуан отказывается принять тезис о совместимости западной модели демократии с китайским условиями. Более того, западная модель демократии в его работах подвергается яростной критике. То, что существует на Западе, по мнению Ван Шаогуана, – вовсе не демократия, а лишь ее имитация. Китаю же, как утверждает автор, суждено построить подлинную социалистическую демократию.

Ван Шаогуан в своих работах, главным образом, рассуждает об истории и истинном значении демократии. Автор отвергает популярные в наше время концепции парламентаризма, либерализма, плюрализма и конституционализма, утверждая, что все они выхолащивают истинный смысл демократии. Ван Шаогуан критикует систему, основанную на конкурентных выборах. Китайский политолог в своих работах доказывает, что изначально демократия была связана с демархией, т.е. системой случайного отбора представителей. Демархия впоследствии в угоду власть предержащих была за-

---

[10] *Ху Аньган.* Таньсо аньбан чжи дао (дайсю) (В поисках пути умиротворения (вместо предисловия)) // Аньбан чжи дао гоцзя чжуаньсин дэ мубяо юй туцзин (Путь умиротворения: цели и пути трансформации государства). Пекин: Синьчжи сань лянь шудянь, 2007. С. 1–11.

[11] *Ван Шаогуан.* Миньчжу сы цзян (Четыре лекции о демократии). Пекин: Сянь лянь шудянь, 2008.

[12] *Ван Шаогуан.* Аньбан чжи дао гоцзя чжуаньсин дэ мубяо юй туцзин (Путь умиротворения: цели и пути трансформации государства). Пекин: Синьчжи сань лянь шудянь, 2007.

[13] *Ван Шаогуан.* Цюй мэй юй чаоюэ (Разочарование и преодоление). Пекин: Чжунсинь чубаньшэ, 2010.

менена выборами, что сделало демократию более управляемой. По мнению Ван Шаогуана, в случае с системой выборов народ имеет возможность только косвенно влиять на политические процессы, в то время как он должен оказывать прямое воздействие на процесс принятия решений. Одновременно люди, непосредственно принимающие решения, должны постоянно прислушиваться к общественному мнению. Ван Шаогуан в своих работах выделяет следующие проекты демократизации, которые могут способствовать «выходу за рамки электократии»: электронная демократия, совещательная демократия, претворение в жизнь принципов лотократии, и экономическая демократия.

Ван Шаогуан уделяет большое внимание предпосылкам, которые должны сложиться для успешной демократизации страны. По его мнению, одним из ключевых условий демократизации является существование эффективного правительства и сильного государства. Китайский политолог приходит к такому выводу на основании анализа политических преобразований в развивающихся странах, которые были затронуты «третьей волной демократизации». Переход к демократии оказывался наиболее успешным в странах с устойчивой и развитой государственной структурой.

Ван Шаогуан ставит под вопрос существование прямой взаимосвязи между развитостью гражданского общества и демократичностью страны. Вряд ли можно сказать, что китайский политолог отрицает ту роль, которую гражданское общество играет в процессе демократизации. Ван Шаогуан в большей степени ставит под вопрос корректность самого термина «гражданское общество». В своих работах китайский политолог выдвинул понятие «народное общество», за что Ван Шаогуана критикуют китайские исследователи различных идеологических направлений.

Ван Шаогуан является сторонником существования китайской модели политического развития. Следует отметить, что конкретные проекты демократизации Китая в работах Ван Шаогуана встречаются реже, чем в книгах и публикациях Юй Кэпина. Сложно представить, как сегодня будет выглядеть страна, в которой применялись бы механизмы случайного отбора представителей, некогда существовавшие в человеческой истории. Сложно занять однозначную позицию и в отношении экономической, военной и трудовой демократии, которые описываются в работах автора.

Характерные черты восприятия демократии у китайцев. Концепция демократии начала проникать в Китай в конце XIX –

начале XX в. Можно встретить точку зрения, в соответствии с которой некоторые принципы демократичности можно найти в конфуцианском принципе *миньбэнь* (民本). Его суть сводится к тому, что Небо избирает императора – сына неба, который должен править в соответствии с желаниями народа[14]. Как утверждают некоторые исследователи, конфуцианская идея *миньбэнь*, хотя и не синонимична концепции демократии, но многие ее положения могут способствовать строительству такого политического строя, при котором граждане обладают должными экономическими и политическими полномочиями[15]. Мы не согласны с данной позицией, которая характеризуется европоцентризмом. Отождествлять эти совершенно разные понятия невозможно хотя бы потому, что *миньбэнь* – это продукт китайской культуры, а демократия – результат развития западного общества в эпоху модерна.

Когда Китай открывался внешнему миру в конце XIX – начале XX в. многие китайские мыслители того времени пытались интерпретировать идею демократии и понять ее. Проблемы возникли сразу же при попытке перевода европейских терминов на китайский язык. Об этом пишет в работе «Творчество Янь Фу и проблема перевода» А.А. Крушинский[16]. Янь Фу был одним из китайских мыслителей той эпохи, которые пытались осмыслить западные идеи. Кроме Янь Фу можно назвать также таких представителей китайской политической мысли, как Лян Шумин, Лян Цичао, Чжан Дунсунь и др. У всех этих мыслителей есть некоторые общие черты восприятия демократии. На основании их работ можно прийти к некоторым выводам о традиционном восприятии демократии в китайской политической культуре:

- традиционная китайская картина мира не легитимирует противоречия, которое было табуировано. Конфуцианская и легистская доктрины делали упор на гармонии и системой стабильности. По этой причине как первые китайские мыслители, переводившие и интерпретировавшие приходившие с Запад идеи и концепции, так и участники демократических движений второй половины XX в., не рассматривали демократию как способ урегулирования противо-

---

[14] *Лукин А.В.* Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2009. – 502 с. – Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1. С. 274–295.

[15] *Viren Murthy*. The Democratic Potential of Confucian Minben Thought // Asian Philosophy. 2000. Vol. 10. No. 1.

[16] *Крушинский А.А.* Творчество Янь Фу и проблема перевода. М.: Наука, 1989.

речий в обществе, возникавших в результате существования различных интересов;

- вместо этого демократия виделась им наилучшей стратегией развития всего общества, которая могла способствовать модернизации Китая. Демократия для китайцев переплетена с идеями национализма. К такому выводу приходят почти все исследователи, затрагивавшие поднимаемую нами проблему. А.В. Лукин в работе «Приход понятия демократии в Китай» отмечает: «Независимо от употребляемого термина, целью введения элементов демократической политической системы для всех без исключения китайских реформаторов было совершенствование китайской системы управления, придание ей большего динамизма, с тем чтобы ликвидировать угрозу со стороны внешнего врага, благодаря чему Китай должен был занять подобающее (т.е. лидирующее) ему место в мировой политике»[17]. Хао Чан в работе «Лян Цичао переходный период в истории китайской мысли в 1890–1907 гг.» (Liang Ch'i-ch'ao and Intellectual Transition in China 1890–1907) писал: «В отличие от современного западного либерализма, индивидуализм никогда не укоренялся в китайском либерализме. Среди китайских либералов существует тенденция рассматривать демократию больше как неотъемлемую часть современного национального государства, нежели как институт, призванный защищать индивидуальные права и свободы»[18]. Аналогичные выводы делает в своем исследовании Э. Нэтэн[19] и Лэй Гуан[20];
- ключом понимания западных идей и концепций для китайских мыслителей стал социал-дарвинизм. В основе китайской картины мира лежит иерархия. Социал-дарвинизм дал китайцам представление о том, что противоречие и борьба за существование в антииерархическом ключе может быть легитимирована. А.А. Крушинский отмечал: «Пропаганда идей эволюционизма, социал-дарвинизма и либерализма в позднецинском Китае означала атаку на фундаментальные посылки и ценности традиционной китайской культуры – концепцию цикличности исторического процесса, идеал бесконфликтности, патернализм как универсальную норму человеческих взаимоотношений. Социал-дарвинизм в особенности чужд принци-

---

[17] *Лукин А.В.* Указ. соч.

[18] *Hao Chang.* Liang Ch'i-ch'ao and Intellectual Transition in China 1890–1907. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

[19] *Andrew J.* Nathan. Chinese Democracy. N. Y.: Alfred A. Knoff, INC., 1985.

[20] *Lei Guang.* Elusive Democracy: Conceptual Change and the Chinese Democracy Movement, 1978–79 to 1989 // Modern China. Vol. 22. No. 4 (Oct., 1996). P. 417–447.

пам традиционной китайской морали, и поэтому анализ китайских проблем в духе социал-дарвинизма, использование последнего для идеологического обоснования необходимости реформ явилось революционным новшеством в условиях тогдашнего Китая»[21]. В духе социал-дарвинизма интерпретировалась и концепция демократии. Китайские мыслители полагали, что демократия возникла в результате борьбы социально-политических систем;

- для китайской политической философии того времени характерна еще одна черта – многие китайские исследователи утверждали, что Китаю следует позаимствовать некоторые элементы западной культуры, а затем приспособить их к китайским условиям. Например, о необходимости совмещения китайских и западных ценностей писал Лян Шумин. Китайский мыслитель отмечал, что западная культура может быть обновлена путем придачи ей некоторых характеристик китайской культурной традиции. В частности, Лян Шумин акцентировал возможность совмещения западного духа конкуренции и некоторых конфуцианских принципов[22]. Ученик Лян Цичао, известный китайский философ, принадлежавший к поколению тех мыслителей, расцвет интеллектуальной деятельности которых относится ко времени после движения 4 мая 1919 г., Чжан Дунсунь доказывал, что все политические доктрины, будь то социализм или демократия, могут быть улучшены путем их пересмотра и обновления. Являясь сторонником так называемого «демократического ревизионизма», Чжан Дунсунь утверждал, что различные культуры могут быть синтезированы и гармонизированы. Он приветствовал введение в Китае разнообразных западных концепций и обосновывал возможность взаимообогащения различных культур[23].

Мы пришли к выводу, что для китайского восприятия демократии, во-первых, характерно неприятие конфликтов интересов. Во-вторых, вместо того, чтобы рассматривать демократию как способ урегулирования конфликтов интересов и идеологий, китайские мыслители видели в демократии возможность достижения стабильности, общественного единства и гармонизации всего социального

---

[21] *Крушинский А.А.* Социально-философские воззрения Янь Фу (1854–1921) и их интерпретация в КНР. М., 1983.

[22] *Hung-Yok Ip.* Liang Shuming and the Idea of Democracy in Modern China // Modern China. Vol. 17. No. 4 (Oct. 1991). P. 469–508.

[23] *Edmund S.K.* Fung. Socialism, Capitalism, and Democracy in Republican China: The Political Thought of Zhang Dongsun // Modern China. Vol. 28. No.4 (Oct., 2002). P. 399–431.

организма. Иными словами, демократия была ценна тем, что она вела к усилению государства и модернизации. Наконец, многие мыслители конца XIX – первой половины XX в. обосновывали возможность заимствования и улучшения некоторых элементов западной политической культуры. В какой степени элементы традиционного китайского восприятия демократии проявляются в работах Юй Кэпина и Ван Шаогуана?

Неприятие конфликта интересов в работах Юй Кэпина и Ван Шаогуана проявляется в том, что оба автора выступают за создание совещательных институтов демократии. И Юй Кэпин, и Ван Шаогуан подчеркивают важность диалога, обсуждения и согласования. Юй Кэпин утверждает, что необходимость создания органов совещательной демократии диктуется самой логикой политического развития Китая. Ван Шаогуан склонен считать, что группы, обладающие различными интересами, могут прийти к единогласной позиции путем проведения совещаний между представителями этих групп, а не путем голосования. Кстати сказать, что предложения Юй Кэпина по созданию мозговых трестов для демократизации механизма принятия решений отдаленно напоминают предложения Лян Цичао по созданию специальных научных сообществ. Юй Кэпин воспринимает демократию как способ гармонизации отношений в обществе, которое вполне в соответствии с конфуцианской политической традицией рассматривается им как единый организм, каждый член которого должен действовать в интересах большинства. С нашей точки зрения, Юй Кэпин имеет в виду именно это, когда пишет, что «демократия – это хорошая вещь, но не для отдельного человека и не для отдельных чиновников, а для всего государства и всей нации, для широких народных масс». В этом отношении также характерна концепция «динамичной стабильности», пропагандируемая Юй Кэпином. В соответствии с ней стабильность в обществе может быть достигнута только за счет ликвидации правительством конфликтов интересов между верхами и низами. Китайский политолог не уделяет столь большого внимания необходимости их урегулирования с помощью демократических механизмов.

В демократии Юй Кэпин и Ван Шаогуан видят возможность усиления и модернизации Китая. Если для китайских мыслителей конца XIX – начала XX в. целью введения элементов демократической политической системы было совершенствование китайской системы управления с тем, чтобы ликвидировать угрозу со стороны внешнего

врага, то Юй Кэпин говорит о необходимости демократизации для успешной адаптации страны в условиях глобализации. С нашей точки зрения, именно по этой причине в своих работах Юй Кэпин затрагивает не столько конкретные вопросы демократии, сколько более широкие вопросы многогранных политических реформ, призванных обеспечить выживание Китая в меняющихся глобальных условиях. В работах Ван Шаогуана та же риторика проявляется в утверждениях автора о необходимости построения подлинной социалистической демократии, которая, несомненно, должна привести к общему усилению страны и «Созданию сильного демократического государства» (именно так звучит название одной из статей Ван Шаогуана). Эту же идею Ван Шаогуан выражает в публикациях, где автор обращает внимание на существование прямой взаимосвязи между степенью демократизации и эффективностью государства.

Если говорить о заимствовании и улучшении элементов западной политической культуры, то в данном случае позиции Юй Кэпина и Ван Шаогуана различны. Основное различие проявляется в оценке той системы, которая сформировалась на Западе. Если Юй Кэпин считает, что западная модель политического устройства является одной из возможных демократических моделей, то Ван Шаогуан не считает западную демократию подлинной демократией, называя ее электократией. Однако данное различие не отменяет того обстоятельства, что оба автора выступают за заимствование и улучшение идеи, зародившейся на Западе. И Юй Кэпин, и Ван Шаогуан выступают за китаизацию демократии. Различно лишь их отношение к исходной демократической модели, существующей на Западе.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что и Юй Кэпин, и Ван Шаогуан являются продолжателями той культурно-политической традиции восприятия демократии, которая была заложена в позднецинский период под влиянием конфуцианской доктрины. Безусловно, в работах двух авторов присутствуют многочисленные идейные различия. Юй Кэпин – это более центристская фигура на китайской научно-политической арене. Ван Шаогуана, с другой стороны, принято относить к китайским «новым левым». Однако, даже несмотря на эти концептуальные различия, в политической философии Юй Кэпина и Ван Шаогуана присутствуют определенные элементы, связанные с китайским восприятием концепции демократии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ван Шаогуан*. Миньчжу сы цзян (Четыре лекции о демократии). Пекин: Сянь лянь шудянь, 2008.
2. *Ван Шаогуан*. Аньбан чжи дао гоцзя чжуаньсин дэ мубяо юй туцзин (Путь умиротворения: цели и пути трансформации государства). Пекин: Синьчжи сань лянь шудянь, 2007.
3. *Ван Шаогуан*. Цюй мэй юй чаоюэ (Разочарование и преодоление). Пекин: Чжунсинь чубаньшэ, 2010.
4. *Крушинский А.А.* Социально-философские воззрения Янь Фу (1854–1921) и их интерпретация в КНР. М., 1983.
5. *Крушинский А.А.* Творчество Янь Фу и проблема перевода. М.: Наука, 1989.
6. *Лукин А.В.* Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2009. – 502 с. – Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 1. С. 274–295.
7. *Ло Сюэхуэй.* Юй Кэпин: Миньчжу дэ сысян туйшоу (Юй Кэпин: идеологический проповедник демократии). China Elections and Governance, 25 декабря 2009 г. URL: http://www.chinaelections.org/article/919/164621.html
8. *Ху Аньган*. Таньсо аньбан чжи дао (дайсю) (В поисках пути умиротворения (вместо предисловия)) // Аньбан чжи дао гоцзя чжуаньсин дэ мубяо юй туцзин (Путь умиротворения: цели и пути трансформации государства). Пекин: Синьчжи сань лянь шудянь, 2007.
9. *Чэн Ли.* Пин Юй Кэпин дэ минчжу сы сян (Оценка демократической идеологии Юй Кэпина) // Жан миньчжу цзаофу чжунго: Юй Кэпин фантаньлу(Обогощение Китая за счет демократии: запись беседы с Юй Кэпином). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009.
10. *Юй Кэпин.* Миньчжу ши гэ хао дунси: Юй Кэпин фантаньлу (Демократия – это хорошая вещь: запись беседы с Юй Кэпином). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2006.
11. *Юй Кэпин*. Жан миньчжу цзаофу Чжунго: Юй Кэпин фантаньлу (Пусть демократия осчастливит Китай: запись беседы с Юй Кэпином). Пекин: Чжунян бяньи чубаньшэ, 2009.
12. *Cheng Li.* Introduction // Democracy Is a Good Thing: Essays on Politics, Society, and Culture in Contemporary China. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2009. P. xxii.
13. Chinese author of ‘Democracy is a Good Thing’ resigns from Communist Party bureau // China south Morning Post. 28 October, 2015. URL: http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/1873493/chinese-author-democracy-good-thing-resigns-communist
14. *Fung Edmund S.K.* Socialism, Capitalism, and Democracy in Republican China: The Political Thought of Zhang Dongsun // Modern China. 2002. Vol. 28. No.4 (Oct.). P. 399–431.
15. *Hamrin C., Cheek Th*. China’s Establishment Intellectuals. Armonk; N.Y.: M E Sharpe, 1986.
16. *Hao Chang.* Liang Ch’i-ch’ao and Intellectual Transition in China 1890–1907. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
17. *He Li.* Chinese Intellectual Discourse on Democracy // Journal of Chinese Political Science/ Association of Chinese Political Studies, 2014.
18. *Hung-Yok Ip.* Liang Shuming and the Idea of Democracy in Modern China // Modern China. 1991. Vol. 17. No. 4 (Oct.). P. 469–508.
19. *Lei Guang.* Elusive Democracy: Conceptual Change and the Chinese Democracy Movement, 1978–79 to 1989 // Modern China. 1996. Vol. 22. No. 4 (Oct.). P. 417–447.
20. *Murthy V.* The Democratic Potential of Confucian Minben Thought // Asian Philosophy. 2000. Vol. 10. No. 1.
21. *Nathan A.J.* Chinese Democracy. N.Y.: Alfred A. Knoff, INC., 1985.

Vladimir A. Skosyrev

HOW MODERN CHINESE POLITICAL THINKERS VIEW DEMOCRACY

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

Chinese politics in Hu Jintao era (2003–2013) is marked with a certain degree of ideological pluralism. This period is a peak of creative work of Yu Keping and Wang Shaoguang – the two Chinese public intellectuals the works of which are examined in this article. Their position is different in many aspects, yet one remarkable idea unites them – China can be and should be democratic and it does not mean building a Western style democracy. In this research we conclude, that democratic ideas proposed by modern Chinese pro-party intellectuals is in essence a reconsideration of the Chinese political thought of the late XIX – early XX century.

Key words: China, democracy, ideology, Yu Keping, Wang Shaoguang.

About the author: *Vladimir A. Skosyrev* – M.A. student, Department of Chinese History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: Mr.Skosyrev@gmail.com).

REFERENCES

1. Cheng Li. Introduction. In: *Democracy Is a Good Thing: Essays on Politics, Society, and Culture in Contemporary China.* Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2009, p. xxii
2. Cheng Li. Pin Yu Kepin de minzhu sixiang (The evaluation of Yu Keping's democratic ideology). In: *Rang minzhu zaofu Zhongguo: (Let democracy make China happy).* Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2009.
3. Chinese author of 'Democracy is a Good Thing' resigns from Communist Party bureau. *China south Morning Post. 28 October, 2015.* URL: http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/1873493/chinese-author-democracy-good-thing-resigns-communist
4. Fung Edmund S.K. Socialism, Capitalism, and Democracy in Republican China: The Political Thought of Zhang Dongsun. *Modern China, Vol. 28, No.4 (Oct., 2002),* pp. 399–431.
5. Hamrin C., Cheek Th. *China's Establishment Intellectuals*. Armonk, NY: M E Sharpe, 1986.
6. Hao Chang. *Liang Ch'i-ch'ao and Intellectual Transition in China 1890–1907.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
7. He Li. Chinese Intellectual Discourse on Democracy. *Journal of Chinese Political Science/ Association of Chinese Political Studies*, 2014.
8. Hung-Yok Ip. Liang Shuming and the Idea of Democracy in Modern China. *Modern China, Vol. 17, No. 4 (Oct. 1991)*, pp. 469–508.
9. Hu Angang. Tansuo anbang zhi dao (daixu) (In search of the way of good governance (Foreword)). In.: *Anban zhi dao guojia zhuanxin de mubiao yu tujing* (The goals and the way of the transition to the good governance). Beijing: Xinzhi san lian shidian, 2007. P. 1–11.
10. Krushinskii A.A. *Sotsial'no-filosofskie vozzreniya Yan' Fu (1854–1921) i ikh interpretatsiya v KNR* (Social and philosophical views of Yan Fu (1854–1921) and its interpretation in the PRC). Moscow, 1983.
11. Krushinskii A.A. T*vorchestvo Yan' Fu i problema perevoda* (Yan Fu's works and the issue of interpretation). Moscow, Science, 1989.
12. Lei Guang. Elusive Democracy: Conceptual Change and the Chinese Democracy Movement, 1978–79 to 1989. *Modern China, Vol. 22, No. 4 (Oct., 1996),* pp. 417–447.

13. Lukin A.V. *Prikhod ponyatiya «demokratiya» v Kitai i ego pervye interpretatsii* (The appearance of the concept of democracy in China and its first interpratations). Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXIX nauchnaya konferentsiya. In-t vostokovedeniya RAN (XXXIX science conference, Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies). Moscow: Oriental literature, 2009, 502 pp.
14. Lo Xuehui. Yu Keping: Minzhu de sixiang tuishou (Yu Keping: the ideological proponent of democracy). *China Elections and Governance, 23.06.2016*. URL: http://www.chinaelections.org/article/919/164621.html
15. Murthy V. The Democratic Potential of Confucian Minben Thought. *Asian Philosophy, Vol. 10, No. 1, 2000.*
16. Nathan Andrew J. *Chinese Democracy.* New York: Alfred A. Knoff, INC., 1985.
17. Wang Shaoguang. *Minzhu sijiang* (Four lectures on democracy). Beijing: Xian lian shudian, 2008.
18. Wang Shaoguang. *Anban zhi dao guojia zhuanxin de mubiao yu tujing* (The goals and the way of the transition to the good governance). Beijing: Xinzhi san lian shidian, 2007.
19. Wang Shaoguang. *Qu mei yu chaoyue* (Demystification and Beyond). Beijing: Zhongxin chubanshe, 2010.
20. Yu Keping. *Minzhu shi yige hao dongxi: Yu Keping de fantanlu* (Democracy is a good thing). Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2006.
21. Yu Keping. *Rang minzhu zaofu Zhongguo* (Let democracy make China happy). Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2009.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Л. Стремовская

К у т о в о й Е. Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 512 с.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1

В 2016 г. вышла в свет книга доктора исторических наук, профессора Дипломатической академии МИД России Евгения Георгиевича Кутового «Международные переговоры на перекрестках цивилизаций».

Данная работа охватывает основные аспекты ведения дипломатических и деловых переговоров и, по сути, представляет эволюцию формирования особенностей переговорного процесса и дипломатии с античности до наших дней.

Автор справедливо отмечает, что в 1950–1980-е годы молодые отечественные дипломаты постигали «теорию и практику переговорного искусства непосредственно в процессе работы» (с. 8) ввиду отсутствия необходимой отечественной литературы и учебных дисциплин по переговорной тематике.

В последние десятилетия наблюдается появление разнообразной русскоязычной литературы по различным аспектам ведения переговоров, о чем пишет и Е.Г. Кутовой. Среди авторов этих работ: Ю.М. Воронцов, Ю.В. Дубинин, В.Л. Исраэлян, И.А. Василенко, М.М. Лебедева, Т.А. Зонова, О.А. Митрошенков и др. Вместе с тем искусство ведения переговоров еще недостаточно изучено в России. Не так много отечественных работ, посвященных комплексному анализу переговорного процесса. Отмечается также значительный недостаток исследований национальных стилей ведения переговоров. В связи с этим книга Е.Г. Кутового вносит вклад в исследование проблематики переговоров и, в целом, вопросов дипломатии в российской науке. Особенно ценным представляется то, что автор

Стремовская Алла Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: astremovskaya@mail.ru).

не только использовал большой объем отечественной и зарубежной литературы, но и обширный личный опыт участия в двусторонних и многосторонних дипломатических переговорах.

Книга имеет логичную структуру. Она состоит из трех разделов. Первый посвящен базообразующим компонентам внешней политики и дипломатии в меняющемся мире. Освещаются истоки формирования дипломатии и структуры переговорного процесса; научная составляющая дипломатии Эллады, Рима и Византии, а также специфика переговорной практики европейских государств в Средние века и Новое время. Рассматриваются и новые области дипломатии, влияние мировых тенденций на изменения в дипломатии. Автор также пишет о дипломатии саммитов в межгосударственных отношениях, исследует роль научно-технических инноваций во внешней политике и дипломатической деятельности. Помимо этого в работе поднимаются вопросы повышения взаимодействия российской дипломатии и науки.

В книге подробно освещаются этапы ведения двусторонних и многосторонних дипломатических переговоров, включая формат конференций, совещаний в рамках международных организаций, а также переговоров в сфере бизнеса. Отдельный параграф посвящен и психологическим возможностям успешного переговорщика, его коммуникативным умениям.

Особый интерес представляет второй раздел, в котором подробно анализируются национальные стили ведения переговоров во многих государствах Европы, Америки и Азии. Охвачена большая группа стран. Автор выделяет основные факторы, формирующие особенности национальных стилей ведения переговоров, и проводит сравнительный анализ западного и восточного стиля. При этом он не просто исследует национальные особенности ведения дипломатических и деловых переговоров, но и освещает внешнюю политику этих стран, историю формирования отношений этих государств с Россией, а также дает рекомендации дипломатам и бизнесменам по ведению переговоров с представителями различных культур.

Следует отметить, что данная монография представляет определенную ценность для востоковедов, так как в ней рассматриваются турецкий, арабский, афганский, израильский, индийский, индонезийский, иранский, китайский, корейский и японский стили ведения переговоров. Анализируя национальные стили ведения переговоров, русскоязычные и англоязычные ученые, как правило, больше пишут о китайском и японском стилях, но пока еще мало литературы, посвященной ведению переговоров с представителями Афганистана, Ирана, Индии и Индонезии. Таким образом, данная книга значитель-

но дополняет существующие исследования национальных стилей ведения переговоров.

Кроме того, анализ корейского стиля ведения переговоров в русскоязычной и англоязычной литературе часто ограничивается Республикой Корея. В данной работе автор подробно пишет не только о переговорном процессе с представителями Южной Кореи, но и Северной – КНДР. Е.Г. Кутовой также выделяет различия между стилями ведения переговоров в этих странах. Помимо этого освещаются отношения между Северной и Южной Кореей, их внешняя политика и отношения с Россией.

Третий раздел книги посвящен формированию российского стиля ведения переговоров. Автор ставит задачу «проследить ключевые моменты поэтапного становления российской дипломатии, совершенствования ее внешнеполитического инструментария, повышения профессионализма ее представителей» (с. 383) и успешно с ней справляется. В данном разделе выделяются особенности не только советского стиля ведения переговоров, советской дипломатии, но и современного российского стиля. Автор анализирует новые черты российского стиля ведения переговоров, отмечает их отличие от советского стиля. Очень важным представляется и первый параграф четвертой главы данного раздела, в котором излагается законодательная основа участия РФ в международных отношениях и переговорах. Этот вопрос ранее особо не освещался в литературе.

В заключение следует отметить, что если в 1950–1980-е годы в отечественной литературе основное внимание уделялось переговорам по разоружению, то здесь затрагиваются аспекты другого плана, переговоры по другим проблемам, не менее важным, чем переговоры по разоружению. Монография может представлять интерес для широкого круга читателей и прежде всего для исследователей проблематики переговоров, будущих дипломатов, специалистов-международников, востоковедов, политологов и бизнесменов.

Alla L. Stremovskaya

K u t o v o y E. G. International Negotiations at the Crossroads of Civilizations: Book Review

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

About the author: *Alla L. Stremovskaya* – PhD, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies (e-mail: astremovskaya@mail.ru).